

Плакат Г. Сергеева

САМОЕ...САМАЯ... САМЫЙ...

Как-то раз сэр Хью Вивер в компании друзей охотился в графстве Вексфорд, что на юго-востоке Ирландии. Не подстрелив ни одной золотистой ржанки, огорченные охотники долго обсуждали причину неудачи. Не исключено, пришли они к утешительному для себя выводу, что ржанка — самая быстрая птица в Европе... Но, к сожалению, нет такого справочника, вынуждены были признать они, который дал бы точный ответ на этот вопрос.

А три года спустя, потерпев фиаско теперь уже во время охоты на тетеревов, вновь возникли разноречия: может, тетерев еще быстрее, чем золотистая ржанка... И опять звучали сетования на то, что не существует в природе справочника, способного разрешить споры, в том числе и охотничьи. Не без основания решив, что вопрос о **САМОЙ** и **САМОМ** является, конечно же, предметом обсуждения тысяч и тысяч англичан, сэр Хью с помощью братьев-близнецов Норриса и Росси Макуортеров — владельцев лондонского информационного агентства, приступил к работе над... Так, по утверждению Айвига, президента издательства «Гиннесс сьюперлативз лимитед» родилась Книга рекордов Гиннесса, первое издание которой поступило на прилавки в 1955 году. С тех пор (за исключением 1957 и 1959 гг., когда она не печаталась), Книга неизменно возглавляет список бестселлеров. Сегодня Книга рекордов Гиннесса выходит более чем в 40 странах.

А вскоре и советский читатель сможет оценить инициативу сэра Хью Вивера: в издательстве «Советская Россия» готовится к выпуску Книга рекордов Гиннесса на русском языке.

Любопытно, что информация о Книге рекордов Гиннесса как о самом популярном издании вошла в саму Книгу рекордов: к 1987 году продано 163 стопы этой книги, каждая высотой с Эверест.

Внимание!
В этом номере начинается публикация фрагментов из Книги рекордов Гиннесса.

IN ORBE LIBRORVM

Цена 90 коп.

«В МИРЕ КНИГ»
1989, № 1, 1—88
«Книжная палата»
Индекс 70110

ISSN 0321—0561

Альберто Моравиа

ISSN 0321—0561

В МИРЕ КНИГ

1

89

РУССКИЙ ПОЭТИЧЕСКИЙ

АВАНГАРД

«Черный квадрат» — открываем новую рубрику о «русском поэтическом авангарде». Ведущий — поэт Геннадий Айги.
Читайте на с. 14.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

В МИРЕ КНИГ

Ежемесячный журнал Государственных комитетов СССР и РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли

Издается с 1936 года

Москва

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
129272, Москва,
Сущевский вал, 64

ТЕЛЕФОН ДЛЯ СПРАВОК:
281-50-98

Сдано в набор 27.10.88
Подписано в печать 01.12.88
А14379
Формат $84 \times 108^{1}/_{16}$
Физ. печ. л. 5,00+0,50+0,25
Усл. печ. л. 8,40+0,84+0,42
Уч.-изд. л. 13,30+0,98 вклейка
Усл. кр.-отт. 21,42
Печать глубокая и офсетная.
Тираж 142 000 экз. Заказ 2692
Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Госкомиздате СССР.
170024, г. Калинин, проспект Ленина, 5

Содержание

НА ОБЛОЖКЕ:
Альберто Моравиа. Фото С. Голубкова

В СТИЛЕ РОКАМБОЛЯ

АВТОРЫ «КРАТКОЙ литературной энциклопедии» утверждают, что возникновение ЭТОГО жанра обычно связывается с именем американского писателя Эдгара По — его новеллами «Убийство на улице Морг», «Тайна Мари Роже» и «Похищенное письмо». Именно у Эдгара По загадочное преступление впервые стало сквозной темой художественного произведения, обостренная наблюдательность и изобретательная логика — основными достоинствами героя, а разгадка тайны и увлекательный розыск — сюжетом. Особую разновидность ЭТОГО жанра образуют рассказы о ловких мошенниках, одерживающих верх над стражами закона, — традиция, идущая от многочисленных романов П.-А. Понсон дю Террайля о похождениях Рокамболя. Читатель, конечно же, догадался, что имеется в виду жанр, в котором написаны книги Г. К. Честертона и Агаты Кристи, Г. Леру и Ж. Сименона, П. Вежинова и А. Гуляшки, А. Адамова, Э. Хруцкого, братьев Вайнеров.

Словом, детектив!

И хватит, пожалуй, интриговать читателя. Самое время дать мотивировку столь пространному вступлению. Дело в том, что история, о которой пойдет речь, очень похожа на детектив. В ней соблюдены практически все законы жанра (в той или иной степени, разумеется). А началась она идиллически, крайне обнадеживающе. И ничто, казалось, не предвещало грозы. Однако она грянула. На нашу редакцию (что характерно для многих газет и журналов) обрушился поток тревожных писем и телеграмм; взволнованные читатели, как говорится, оборвали телефон. Сотрудникам секретариата пришлось образовать своего рода «следственную группу», которая на основании имевшихся «улик» пыталась разобраться в сложившейся ситуации — выезжала на места, сочиняла и рассылала докладные записки и рапорты в соответствующие организации — вплоть до самых высоких, Короче, выявлялись жертвы и велся поиск... преступников. Нет, не преступников, это слишком уж категорично. С помощью учебного словаря синонимов подберем что-нибудь помягче: «Законопреступник, правонарушитель, злоумышленник (теплее. — Ред.), злодей, грабитель, громила, насильник, разбойник, хищник, убийца, висельник, бандит, вредитель, окаянный (горячо. — Ред.).»

Итак, по порядку.

Вспомним, с каким восторгом восприняли люди рванувшийся вверх духовный тонус общества, ощутив полную доступность подписки на периодические издания. Никаких тебе лимитов (за очень небольшим исключением), никаких ограничений. И это закономерно: в условиях демократии все получили право на гласность, на печатное слово — вне зависимости от занимаемого положения и шкалы причитающихся благ. Но, к сожалению, недолго музыка играла. Бюрократический сапог в виде пресловутого приказа Министерства связи СССР за № 315 ощутимо перекрыл кислород гласности: миллионы людей нежданно-негаданно лишились вдруг предоставленного им права на информацию. Как водится, нашлись и различные оправдания такому окаянному шагу: не хватает, дескать, бумаги, почта, мол, не справляется, нет достаточного количества почтальонов, а труд тех из них, кто работает, можно сравнить разве что с разгрузкой вагонов. Одним словом, практика создания искусственного дефицита, лимит вновь ударили по читателям — в том числе и журнала «В мире книг». Ударили, судя по письмам и телефонным звонкам, чрезвычайно больно.

«...Вот уже 2 года мы выписываем ваш журнал. В этом году нам не удалось на него подписаться ни в почтовом отделении (где было сказано, что подпиской на этот журнал они не занимаются), ни в центральном отделении «Союзпечати». И наше желание получать ваш журнал остается только мечтой... Семья Алексеевых» (Свердловская обл., г. Асбест).

«...Подписку на 1989 г. у меня приняли, т. к. ваш журнал не был в списках лимитированных изданий. Но через некоторое время мне возвратили деньги и доставочную карточку. В отделении связи сказали, что подписку вернуло районное отделение. На доставочной карточке написали «запретили». Я одного не пойму: почему запретили? Неужели ваш журнал засекреченный, и его нельзя выписать?.. Мне стало очень обидно, что журнал ваш мне не придется читать в следующем году. Сабельников Ю. И.» (Ставропольский край, Изобильненский район, п. Передовой).

«Пишет вам ученица 9-го класса. Извините, что я отрываю у вас время, но это письмо — просто от безвыходности. Я — одна из многих, кому отказали в подписке на «В мире книг»... И вот я думаю: «Неужели мало того, что материально живем плохо, ни продуктов, ни хорошей одежды нет (сами, конечно, знаете, хотя, наверное, вам трудно представить Сибирь), так уже стали и в духовной пище отказывать?» И где тогда она, перестройка? А что пишут в журналах и газетах: «Подписка принимается без ограничений». Так это работников почты не волнует. И выходит, что читатели остаются бесправными. Что же нам тогда делать? Алла Черникова». (Омск).

«Написать это письмо меня заставила ужасная ситуация, в которой я очутился. Начну по порядку. В течение нескольких лет я выписываю журнал «В мире книг» (необходим для работы). А вчера (11.09.88) я получил извещение, в котором мне предлагается получить обратно стоимость подписки, позднее выяснилось, что подписка была закрыта 16 августа 1988 г. На все мои просьбы разобраться ни работники отделения связи, где я подписался на этот журнал, ни работники городского отделения «Союзпечати» не давали мне вразумительных ответов и лишь кивали друг на друга. Я понимаю, у них очень много работы, но почему я должен страдать из-за них. Я не знаю, куда мне теперь обратиться, — ведь журнал мне необходим для работы и учебы. Русаков А. С.» (Ангарск).

«...Сегодня обошел минимум с десяток отделений связи, чтобы выписать ваш журнал на 1989 год. Везде отказ. Говорят, что журнал лимитирован. На центральной почте сказали, что на весь город выделили всего 62 номера. На такой город (второй по величине в Тульской области). Это же курам на смех... Рыжонков В. А.» (г. Новомосковск).

«Пишет вам офицер пограничных войск. Прохожу службу на самом южном участке государственной границы, в песках Туркмении. Как можно догадаться, с культурной жизнью здесь вполне объективные трудности: ближайший театр в Ашхабаде (для меня это так же недосягаемо, как и на Марсе), запасы районной библиотеки весьма ограничены, 50% передач телевидения на туркменском языке. Единственный канал, связывающий нас с культурной жизнью России и всей страны, — периодическая печать, и ваш журнал в том числе. Не первый год выписываем мы с женой «В мире книг». Журнал очень любим, каждый номер ждем с нетерпением. Практически все разделы очень познавательны и интересны: литературные публикации, фоторепортажи, публицистика, «песни бардов» и многое другое. Да и просто приятно взять в руки любой номер вашего журнала. Так здорово оформлен! 23 августа мы подписались на журнал «В мире книг» на 1989 год. Каково же было наше недоумение, когда мы узнали через несколько дней, что подписка на журнал закрыта с 4 августа, и квитанцию нам предлагают сдать с возвратом денег! В доказательство была продемонстрирована телеграмма, подписанная вышестоящим начальником из г. Мары... В розничную продажу в наши киоски журнал «В мире книг» не поступает. В итоге мы начисто лишились журнала на целый год! Александр Ларин» (Марыйская обл.).

«Обращаюсь к вам за помощью. Помогите, пожалуйста, выписать ваш журнал «В мире книг». На 1988 год мы выписали, читаем. Очень нравится. Сын десятиклассник, отличник, попросил выписать на 1989 год. В «Союзпечати» мне отказали, сказав, что лимит исчерпан. У них приказ подписку вести на уровне 1988 года. Я поражена до глубины души. Просила и работников «Союзпечати», и начальника гор. отд. «Союзпечати» Чернышеву В. П. Бесполезно!.. Очень горько, когда сталкиваешься с тупостью и равнодушием. Я не могу сыну объяснить доходчиво, почему лишаю его «духовной пищи». Мне легче растолковать, почему я не покупаю ему за 150 р. кроссовки «Адидас» или за 200—300 р. «варенки», но почему я не имею возможности выписать за 10.80 журнал?! Мне и самой непонятно. Попова А. И.» (Нововоронеж).

«Являюсь давним поклонником и подписчиком вашего журнала. Но в этом году в «Союзпечати» мне дали от ворот поворот. Хотя подписка только началась, но журнал «В мире книг» почему-то уже в лимите. Ведь никогда раньше этого не было. Меня, как человека, работающего в гуманитарной области, ваш журнал интересует и с профессиональной точки зрения. Вот только не пойму, почему подписка на журнал лимитирована? Я теряюсь в догадках. Честно признаюсь, мысль о том, что на будущий год встреча с журналом «В мире книг» не состоится, режет меня по живому. Горбунов В. А.» (Чувашская АССР, г. Марпосад).

«Я пишу вам, ибо не знаю, куда мне обратиться по поводу подписки на журнал «В мире книг». Дело в том, что у меня старшая дочь (ей 27 лет) — инвалид и с 18 лет она выписывала ваш журнал. Работала в библиотеке, но в связи с болезнью ушла. Единственная ее радость в жизни — это книги. Через ваш журнал у нее определенная связь с миром. И вдруг в этом году мы не смогли на него подписаться... Ведь нельзя же отказывать постоянным подписчикам! Семья Беловых» (Ярославль).

«...Я вознамерился из публикаций «В мире книг» соорудить книжку «Рок-энциклопедии». К тому же и сам журнал в целом оказался интересным и содержательным. Оставалось только с довольной улыбкой ждать следующих номеров. В душе я, конечно, понимал, что долго улыбаться как-то наивно: мощностей, как известно, не хватает, а бумаги, как водится, сроду не было. А тираж-то с «Рок-энциклопедией» как на дрожжах вырастет. Потому-то я и не очень удивился, когда не смог подписаться на 1989 год. Плюнул я с досады и задумался... Вы заметили, как наши граждане плеваться привыкли? Да и как иначе: зашел ли ты в магазин, едешь ли в автобусе, обедаешь в столовой или просто стоишь в очереди — слюноотделение выше нормы... И, главное, вроде и не виноват никто; редакция рада бы еще тираж поднять, и министерство сочувствует, но помочь не может... Если серьезно, то прессе надо браться за дело круто: необходимо показать народу всю глубину того, извините, дерьма, в которое его загнали. Только так можно доказать сомневающимся необходимость революционного обновления общества. Многие ведь просто не имеют возможности сравнить свою жизнь с чем-либо другим, нежели с жизнью первобытных племен бассейна Амазонки. Недавно я поймал себя на мысли, что советский человек вряд ли может себе представить даже торговлю без очередей. Ладно, тема эта неисчерпаема, в отличие от кладовых Родины. Лично у меня к вам вопрос: ежели я хочу оформить подписку на три, скажем, года вперед, то будете ли вы иметь возможность удовлетворить своего читателя? А если нет, то что мне теперь делать с огрызком энциклопедии? Плеваться? Андрей Шатохин». (Павлодар).

И наконец — телеграмма. Одна из многих.

МУРМАНСК 112/344 128 30/9 1040=

МОСКВА 272 СУЩЕВСКИЙ ВАЛ 64
РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА В МИРЕ КНИГ=

МОСКВА 31 РОЖДЕСТВЕНСКИЙ БУЛЬВАР 12 МИНРЫБХОЗ
МОСКВА 91 ДЕЛЕГАТСКАЯ 5 МИНИСТЕРСТВО СВЯЗИ
МАЕ ТЕКУЩЕГО ГОДА ПАРТКОМ ОБЬЕДИНЕНИЯ МУРМАНРЫБПРОМ СООБЩИЛ
РАДИОГРАММОЙ РЫБАКАМ ФЛОТА РЕКЛАМУ ПУБЛИКАЦИЙ ЖУРНАЛА В
МИРЕ КНИГ РАССЧИТАННЫХ ПОЛТОРА ГОДА ТЧК ПОДПИСАЛИСЬ ЖУРНАЛ ВТОРОЕ
ПОЛУГОДИЕ 476 МОРЯКОВ ЗПТ НО НА 1989 ГОД НАМ ПОДПИСКЕ
ОТКАЗАНО ХОТЯ ЭТОТ ЖУРНАЛ НЕ НАЗВАН СПИСКЕ ЛИМИТИРОВАННЫХ ТЧК
МУРМАНСКАЯ СОЮЗПЕЧАТЬ ПОСТАВИЛА НАС НЕЛЕПОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ТИРЕ
ПРОПАГАНДИРУЯ ВАШ ЖУРНАЛ СРЕДИ МОРЯКОВ МЫ ТЕМ САМЫМ ОБЯЗАЛИСЬ
ГАРАНТИРОВАТЬ ИМ ПОЛНЫЙ КОМПЛЕКТ ИЗДАНИЯ ТЧК ПОЙМИТЕ МЫ НЕ МОЖЕМ
ОБМАНУТЬ НАШИХ РЫБАКОВ ТЧК ПРОСИМ ВЫДЕЛИТЬ 476 ЭКЗЕМПЛЯРОВ
ЖУРНАЛА В МИРЕ КНИГ НА 1989 ГОД СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ МОРЯКОВ
МУРМАНРЫБПРОМА ИМЕЮЩИХ АБОНЕМЕНТЫ ПОДПИСКЕ ЭТОТ ЖУРНАЛ ВТОРОЕ
ПОЛУГОДИЕ 1988 ГОДА=
3441 ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА ТРУДОВОГО КОЛЛЕКТИВА
АБАКУМОВ
СЕКРЕТАРЬ ПАРТИЙНОГО КОМИТЕТА
КОНСТАНТИНОВ-

«Наше желание получать ваш журнал остается лишь мечтой», «вернули доставочную карточку», «запретили», «читатели остаются бесправными», «почему я должен страдать?», «курам на смех», «очень горько, когда сталкиваешься с тупостью и равнодушием», «режет меня по живому», «дали от ворот поворот», «нельзя же отказывать постоянным подписчикам», «что мне теперь делать с огрызком энциклопедии? Плеваться?», «мы не можем обманывать наших рыбаков» — это ли не крик души, это ли не гневный протест против равнодушия, черствости, несправедливости, совершенной злоумышленником. Да, да, злоумышленником! И как тут не привести высказывание писателя С. Залыгина из его письма главному редактору «Литературной газеты»: «...где-то в недрах каких-то министерств — вернее всего, Министерства связи, проделаиа поистине колоссальная, не только никому не нужная, но и попросту вредная «работа»... (Это про изменение порядка подписки, согласно которому КАЖДОМУ отделению связи, КАЖДОМУ предприятию и учреждению установлеи лимит на каждый журнал. — Ред.). Ну не торжество ли это нашей бюрократии и всей системы «распределения», при которой она и процветает, которой связаны в единую цепочку все, начиная с Совмина и Госплана и кончая продавцом уличного ларька? Без которой множество людей не найдет себе применеиия, поскольку дефицит — это надежный источник их существования».

Пора, однако, вернуться к детективу. Напомним, что он подразумевает в качестве темы — загадочное преступление (мы, правда, договорились употреблять синоним «окаянство»). Что ж, оно налицо. И результат его почувствовали все подписчики, все советские люди. Что касается загадки, тайны, то предлагаем обратиться к интервью корреспонденту журнала «Огонек» (№ 35, 1988) заместителя министра связи СССР Е. А. Манякина, который на вопрос «Когда и как составлялся этот приказ (№ 315. — Ред.)?» замысловато ответил: «Наступил момент, когда надо издавать приказ, а идет конференция (XIX Всесоюзная партийная конференция. — Ред.), руководство занято, не с кем посоветоваться. Потом я 21 день был в Ереваие. Здесь находились другие люди. Приказ мы издали, впервые в жизни не дожидаясь решения высокого руководства. Решение, кстати, вышло только 28 июля — почти накануне начала подписки. Приехал я из командировки, а мне говорят: «Мы, наверное, положим партбилет». Я: «За что вы его положите? Вы положите партбилет, если не откроете подписку с 1 августа». Поэтому приказ издан заранее. Мы уже знали, что бумаги нет».

Нужны ли, уважаемый читатель, какие-либо комментарии? Думается, не нужны. А вот огромный знак вопроса просится буквально после каждой фразы! Да, все яс... Чуть было не сказали «ясно». Отнюдь. Все запутанно, все покрыто мраком...

В качестве основного достоинства героя детектив, как отмечалось, подразумевает изобретательную логику. Не зиаем, как насчет логики, но изобретательиости нашему «герою» (собирательному, конечно) не занимать. Об этом, в частности, свидетельствуют приведенные выше письма, а также телефонные звонки в редакцию — чтобы напрочь отшить назойливых подписчиков, работники отделений связи, случалось даже, буквально ошарашивали людей откровением: «Журнал «В мире книг» с января вообще прикрывают». Ну не высшая ли это степень изобретательности? Прикрывают, и баста. О чем еще речь — прекратите ходить и надоедать.

Теперь о сюжете — увлекательном розыске и разгадке тайны. В этой части детектива, надо признать, наши сотрудники, образовавшие «следственную группу», сплоховали. Все их попытки доказать работникам «Союзпечати», что жителям районов Урала, Сибири, Дальнего Востока, Крайнего Севера, сельской местности, морякам дальнего плавания и т. д. предоставлены привилегии, все их усилия убедить «оппонентов» в том, что имеющих на руках подписные квитанции на 1988 год они обязаны в первую очередь подписать и на 1989 год, все их старания разжалобить «противника», объясняя ему, что среди подписчиков журнала есть инвалиды, старые одинокие люди, требующие к себе милосердия, — остались без ответа. А после того как нам по телефону официально заявили, что «Союзпечать» ликвидирована и расформирована, мы вынуждены были констатировать, что хитроумный «противник» ускользнул и дальше нам пока придется бороться с тенью.

Перестройка обнажила целый ряд непростых общенародных проблем. В числе наиболее жгучих — культура, нравственность, экология, межнациональные отношения... В их разряд была поставлена и проблема подписки. Горькие уроки извлекли все мы из почти детективной истории, жертвами которой стали миллионы. Но не только горькие. Один урок — главный — не может не вселять оптимизма. Подписной «бум» показал силу и мощь общественного мнения в период гласности и демократии. Именно благодаря общественному мнеиию в начале сентября минувшего года правительством были выработаиы экстренные меры, позволявшие в срочном порядке поправить тех, кто наломал дров. Победои перестройки, торжеством воли народа и здравого смысла явилось решение Совета Министров СССР от 19 октября 1988 г., в отчете о котором, в частности, сказано: «Правительство СССР приняло к сведению сообщение министра связи СССР о том, что снимаются ограничения в подписке на все издания».

На ВСЕ! (Практически на все.) Казалось бы, зачем теперь-то лезть в открытые ворота. А вот зачем: до 15 ноября (срок продления подписки) и позже в редакцию продолжали и продолжали поступать сигналы о том, что далеко не везде работники связи руководствовались постановлениями своего министерства. Обидно, что бюрократы и чиновники местного значения все же умудрились лишить многих наших постоянных подписчиков (равно как, наверное, и ряда других органов печати) полюбившегося им журнала.

Так что детектив, уважаемые читатели, не окончен, он продолжается. Но не классический, основателем которого был Эдгар По, а тот, что идет от романов П.-А. Понсон дю Террайля о похождениях Рокамболя. Кроме того, впереди — борьба за розницу! Не вечно же торговать в киосках «Союзпечати» дешевой бижутерией и сигаретами третьего сорта, вместо популярных журналов и газет.

АДРЕСНЫЙ СТОЛ КНИГОЛЮБА

Вяземский музеи Сергея Есенина разыскивает издания стихов поэта, сборники, антологии, журналы с их публикацией, литературу о нем.

Ждем предложений.

Адрес: 215100, г. Вязьма, Смоленской обл., п. Ефремова, д. 3, кв. 22, ПРОПАЛОВ Павел Никифорович.

* * *

Многие годы ищу все, что имеет отношение к балету и танцам. Хотела бы иметь мемуары и воспоминания балерин и танцовщиков, и в первую очередь книги В. Красовской, Р. Захарова, Ю. Слонимского, Н. Эльяша, а также энциклопедию «Балет». Приобрету вырезки, открытки, марки, журналы.

Адрес: 630119, г. Новосибирск, ул. Зорге, д. 261, кв. 156, РЕДЬКО Е.

* * *

Ищу материалы о жизни и творчестве В. С. Высоцкого: газетные и журнальные публикации или ксерокопии их. Буду рад переписке и обмену с любителями творчества В. С. Высоцкого.

Мой адрес: 232051, Вильнюс, ул. Маршала Крылова, д. 26, кв. 66, МОРОЗОВУ Сергею Петровичу.

* * *

Ищу книги, календари, журналы на белорусском языке, изданные (латинкой и кириллицей) до 1945 года. Интересуют также книги по истории и культуре Белоруссии, изданные в разное время небелорусскими издательствами.

677014, Якутск, ул. Можвйского, 17/2, кв. 39, БАРКОВСКОМУ Александру Анатольевичу.

* * *

Увлекаюсь древней историей, геологией и пчеловодством. Хочу обмениваться книгами по данной тематике.

Мой адрес: 680054, Хабаровск-54, ул. Тихоокеанская, 201—135, ГОЛИКОВ А.

В ЗАЛОЖНИКАХ У ЭКСПЕРИМЕНТА

Репликой А. Володина «Эх, прокачу!» («В мире книг», № 8, 1988) наш журнал откликнулся на тогда еще только брезжившее иа горизонте начинание — организацию в нескольких магазинах Днепропетровска пуиктов проката книг для временного прочтения.

Эксперимент докатился и до Москвы — почему бы не попробовать, еслн покупатель только и ищет, где бы «проголосовать рублем»... Когда готовился этот номер журнала, в Москииге еще только обсуждали детали иового предприятия, в том числе размер залоговой цены. На оперативиом совещании был оглашен такой список: Рыбаков и Цветаева — по 20 рублей, Дудинцев и Высоцкий — по 10—15, «Современный детектив» — 30, Булгаков — 5 рублей... Каждый писатель, по мнению составителей этой шкалы духовных ценностей, получил свое. «Как, за Булгакова всего пятерка?» — встрепенулся, правда, кто-то. «Не сомневайтесь, — дружно заверили остальные, — цены точные, как на черном рынке».

Попытаемся взглянуть на детали эксперимента и глазами других его «участников». В списке обозначены в числе прочих книги Н. Павленко «Птенцы гнезда Петрова» и А. Касвинова «Двадцать три ступени вниз». И ту и другую выпускает издательство «Мысль».

— Впервые слышу об их «прокате»,— удивился директор этого издательства В. ВОДОЛАГИН. — Вижу в таком эксперименте ущемление издательских интересов. Сами посудите, книжная торговля оставляет себе за услуги двадцать пять процентов от стоимости книг. А выделяя литературу для многоразового платиого прочтения, «Союзкнига» значительно повышает ее оборачиваемость и, следовательно, цену каждого издания. Стало быть, торговая скидка за каждый экземпляр увеличивается во много раз и тоже достается только организаторам эксперимента. По какому праву?

Как бы ни льстил писателю сосредоточенный вид человека, поглощенного чтением его произведения, размножеиного на ксероксе, мысль о недовыплаченном вознаграждении нет-нет да и возникает. По существу деньги, минуя авторский карман, стекаются самодеятельным «пропагандистам культуры». Думается, что автор, занесенный книготорговцами в список «дефицита», должен испытывать столь же смешанное чувство гордости и сомнения в законности денежиых условий эксперимента. Впрочем, оставив в стороне эмоции, проконсультируемся у специалиста.

— Это прямое нарушение основного права автора на использование его произведения, — говорит начальник договорно-правового управлення Всесоюзного агентства по авторским правам М. ВОРОНКОВА. — Писателей или их наследников обязаны были спросить, согласны ли оии на такой «прокат», и, если не возражают, им необходимо за него заплатить.

Так считает юрист. Правда, ВЛАДИМИРА ДУДИНЦЕВА, роману которого также уготована новая, экспериментальная жизнь, не взволиовала фииансовая стороиа вопроса. Насторожило другое.

— В этой процедуре я вижу обходной маневр сторонников бюрократической старины. Когда в этом году неожиданно прекратили подписку на многие газеты и журналы, тоже ссылались на нехватку бумаги, о чем мы слышим чуть ли не с юношеских лет. Значит, издавать надо «Белинского и Гоголя», то есть то, что с охотой покупают, а на творениях «милордов глупых» — экономить бумагу. Неужели не ясно? А пункты проката книжного дефицита не снизят. Какая-то нищенская попытка выскочить из иужды...

Так говорит писатель. А что читатель? Куда ему деваться — приходится голосовать рублем. Те же, кто лишен такой экспериментальной возможности — дефицит-то не снижается, — пытаются что-то добыть в библиотеке. И, конечно, бесплатно, потому что там, где речь идет о рубле, она, увы, не конкурентоспособна. Вот что написали в письме в редакцию от имени коллективов библиотек Минска В. ДУДАРЕВИЧ, Л. ЛОБАНОВСКАЯ и В. ДУДИЧ:

«Массовые, профсоюзные и детские библиотеки Минска возмущены нововведением книжной торговли. Это прямое нарушение ленинского завета о первоочередном снабжении книгой библиотек. Магазинам незачем выполнять чужие функции и притом наживаться на этом. Каждый должен заниматься своим делом. Мы за разумные платные услуги, но за те, которые не в ущерб любому читателю. Ведь не каждый может выкладывать по десяти и больше рублей в залог. К тому же книжная торговля будет теперь стремиться направлять львиную долю хорошей литературы не в библиотеки, а в магазины. А мы и так получаем не более половины заказанной литературы повышенного спроса. Не надо зарабатывать на дефиците!

Письмо обсуждено на собраниях трудовых коллективов библиотек Минска».

Московские библиотекари разделяют недовольство минских коллег.

— На деньги, что нам выделяют для комплектования фондов, мы можем заказать очень немногое, — говорит Е. СЕРОВА, заместитель директора централизованной библиотечной системы Бауманского района Москвы. — Ни о сочинениях Карамзина, Ключевского, ни о двухтомнике Ахматовой — всех этих дорогих книгах — мы и мечтать не смеем. Но это пережить можно. А вот то, что не выполняется решение о выпуске «Библиотечной серии», — это безобразие. По замыслу, она должна включать хорошие, добротно, хотя и без особых затей, изданные книги. И, конечио, дешевые. Поначалу так и было. Но постепенно их выпускают все меньше. Теперь, если нам что-то и перепадает, то это преимущественно серийные книжки в мягкой обложке, значит, сразу отдавай в переплет за наши скудные средства. А главное, книги «Библиотечной серии» столь же дороги, как и несерийные. Верните библиотеке дешевые книги, и отпадет нужда в пуиктах проката.

— Если уж принято решение — взимать деньги за чтение, почему только в магазинах? — задает вопрос директор Центральной библиотеки Ждановского района столицы Н. ТИМЧЕНКО. — Бедственное материальное положение библиотек — притча во языцех. Хорошей литературы в достаточном количестве заказать не можем, кадры не удерживаются — всего 80—100 рублей получает рядовой библиотекарь, часы работы у него неудобные — закрываемся в девять вечера. А вот организовав свой хозрасчетный отдел, могли бы поправить дела. Справедливее — поддержать библиотеки, а не увеличивать выручку магазинов столь странным способом...

Может, не во всех случаях разумно перенимать ЧУЖОЙ опыт? Может, зря «дублируют» библиотекарей наши книготорговцы (при некоторой корректировке финансовой стороны дела)? Может, все-таки, как сказано в письме из Минска, каждому следует заниматься СВОИМ делом. Торговле — продавать книги, получая свои законные двадцать пять, а то н тридцать процентов, а библиотекам — выдавать литературу на прочтение; можно в хозрасчетном отделе или на кооперативных началах (кстати, прецедент уже появился — в Дзержинском райоие Москвы). Тем более, как считают руководители нашего книгоиздательского дела, книги, в нынешней ситуации острого дефицита, должны выпускаться преимущественно для чтения, а не для приобретения.

Эксперимент не может быть пожизненным, вечным. Он, плод озарения, внезапно начииается и так же внезапно прекращается, когда экспериментатор вдруг убеждается в нечистоте опыта. В данном случае не приходится ждать научных подтверждений. Тем более, что наша книжная наука никак не поспевает за жизнью, а об опережении и говорить не приходится. Думается, что в самом скором времени решающее слово скажет сам читатель.

А. БОСОВСКАЯ

ПИСАТЕЛЬСКАЯ ПРИЕМНАЯ

Ведущий —
Николай САМВЕЛЯН

ЛИТЕРАТУРА. ИСКУССТВО. ОБЩЕСТВО

Альберто Моравиа: „Я — ваш, а вы — мои"

ИНТРОДУКЦИЯ

ПРЕДВЕСТНИКОМ

этой удивительной истории был телефонный звонок из вечного города Рима от хорошо известного всем нам писателя Альберто Моравиа. Он рассказал, что намерен приехать в Москву, чтобы отснять большую телепрограмму для компании «Паламар» о перестройке в нашей стране, поскольку каждый день перестройки так же важен для истории, как октябрьская пора 1917 года. Революция сознания — одна из самых серьезных революций, которую когда-либо переживало человечество. А она нуждается в беспристрастных и доброжелательных летописцах, каким некогда для революции 1917 года стал Джон Рид.

Но сейчас, во времена доминанты телевидения, наиболее действенной будет уже не книга, не серия очерков, а телефильм, который посмотрят десятки миллионов зрителей.

— Меня интересует все новое, возникшее у вас в последнее время. Что именно? Все. Мышление людей, мнения о перестройке — и прохожих на улице, деятелей культуры, врачей, служителей церкви. И еще — «Писательская приемная», которая вот уже полтора года существует при журнале «В мире книг». О ней рассказал в своих статьях в нашей популярной «Ла Стампа» мой земляк и коллега Марио Ригони Стерн. Знаю, что он был гостем «Приемной» и назвал ее дочерью новейших времен, явлением, которого не могло быть еще три года назад. Я тоже хочу побывать в «Приемной».

— Мы ждем вас, Альберто. И будем рады такому гостю.

— Но я вовсе не намерен быть гостем. У меня большие амбиции: хочу хотя бы на один день стать ее хозяином, принимать тех, кто придет в этот день в журнал, беседовать с ними без какой бы то ни было предварительной подготовки... Готовы ли вы, как хозяин «Приемной», на время уступить мне ее?

— А языковый барьер?

— Есть переводчики.

— Посетители могут приходить с внутренними проблемами, не всегда понятными иностранцу.

— Ну, иностранцем меня можно назвать разве что с целью обидеть. Я множество раз бывал в вашей стране, а интересуюсь ею постоянно. В тот день, когда я буду работать в «Приемной», вы, как гостеприимный хозяин, должны мне ассистировать. По рукам?

— Если это можно сделать по телефону. Хорошо, ждем вас, Альберто.

— Вылетаю ближайшим авиационным рейсом. До встречи в Москве.

— До встречи в «Приемной», синьор Моравиа.

ФОТО В. АРУТЮНОВА

МЫ — ДЕТИ ЕВРОПЫ И ХОЗЯЕВА ЕЕ...

И вот встреча состоялась. Альберто Моравиа, как и обещал, начал свою работу над телепрограммой «СССР — время перестройки» с визита в журнал.

Гость из Италии спешил: он не любит терять время, везде и всегда демонстрирует отнюдь не латинскую пунктуальность. К тому же программа пребывания в Москве очень плотная. Время спрессовано. В этот же день надо побывать на беседе у министра культуры В. Г. Захарова и в Министерстве иностранных дел, ну, а в перерыве еще и перекусить.

— Где стул? Стол? Ждут ли люди? Телеоператоров и фотографов прошу не мешать мне вести беседы. И вообще, не будем терять времени.

Вот уж вправду: стиль — натура человека. Моравиа деловит и внешне суров.

— Итак, приступаем. Кто первый?

Самым смелым оказался заведующий отделом Львовской картинной галереи Владимир Караченцев. Он в Москве проездом. В журнал зашел, чтобы рассказать о том, что делается сегодня в музее Ивана Федорова во Львове после публикации материала в № 6 «В мире книг» за прошлый год. Музей Ивана Федорова — отдел местной картинной галереи. Оказалось, В. Караченцев отлично владеет итальянским. Переводчик не понадобился.

— Расскажите мне подробнее об Иване Федорове. К сожалению, я о нем мало что знаю...

— До недавних пор мы и сами знали о нем не слишком много...

Иван Федоров не просто фигура значительная и масштабная в нашей истории. Да, он, как мы теперь можем судить, великий восточнославянский просветитель, издательская деятельность которого имела огромное значение для формирования русской, украинской и белорусской культур. Но И. Федоров еще и заплатил наш исторический долг Болгарии. От Болгарии мы некогда получили письменность, а Иван Федоров первый опубликовал жизнеописание

Кирилла и Мефодия. По учебнику, созданному Федоровым, вплоть до второй половины XIX века учились дети в Болгарии, Валахии и Сербии. Жизнь Ивана Федорова связана с Москвой, Литвой, Польшей, Львовым; возможно, он бывал в Валахии и Греции, Вене. Не исключено, что переписывался не только с саксонским курфюрстом, но и с итальянскими, армянскими типографами. Есть сведения, что его деятельностью интересовались в Риме. Это был человек Возрожденческого масштаба: издатель, писатель, политик, инженер, специалист военного дела, гравер.

Давно настало время создать во Львове музей истории восточнославянской книги — просветительский и исследовательский центр на базе музея Ивана Федорова. Это было бы актом огромного международного значения. В создании такого комплекса могли бы принять участие русские, украинцы, белорусы, болгары, поляки, сербы, греческие, итальянские и литовские ученые, представители православной церкви, — дьяконом которой был Иван Федоров.

— Мы все дети одного материка — Европы, — сказал Моравиа. — То, что вы мне рассказали об Иване Федорове, очень интересно. В создании такого музейного центра, на мой взгляд, должен принять участие каждый просвещенный европеец или по крайней мере стремящийся стать таковым. Дома я поговорю с учеными, исследователями... Возможно, в итальянских архивах хранятся документы, имеющие отношение к вашему великому просветителю. В любом случае постараюсь быть вам полезным.

И следующий посетитель «Приемной» тоже вел речь о музее, но на этот раз — о музее Бориса Пастернака в Переделкине. Казалось бы, давно принято решение открыть его. Но дело движется медленно. Куда медленнее, чем хотелось бы.

— Борис Пастернак был для меня человеком не чужим. Знаю эту дачу, провел на ней немало часов. Много, долго и откровенно беседовали с Пастернаком. Возможно, напишу об этом. Но создать музей писателя не так просто. Ведь писатель — не художник. Картины на стене не развесишь. Можно, конечно, собрать личные вещи, восстановить рабочий кабинет, расставить на полках изданные им книги. Достаточно ли этого? Музей должен быть живым. Его экспозицию создать совсем не просто. Мы решили с режиссером программы побывать в Переделкине, отснять дачу, посетить кладбище, могилу Бориса Пастернака... Пусть увидят места, где работал поэт, итальянские телезрители. Пленку обязательно подарим Гостелерадио СССР — просто для архива... Музей, конечно, нужно создать. Но каким он должен быть?

...Позднее будет продолжение этой беседы в доме у нашего выдающегося певца Ивана Семеновича Козловского — своеобразная выездная «Приемная». Вспоминали прошлое, думали о настоящем. Телекамера фиксировала беседу. Люди одного поколения, певец и писатель в жизни переживали примерно одни и те же события, заставлявшие их чувствовать себя частичкой («слагаемой») огромного, необъятного мира.

Хозяин, что, может быть, все же простительно артисту, заставил нас немного подождать, а затем легкой поступью сошел по витой лестнице в гостиную — в полуфраке и с бабочкой.

Это было явление, выход на сцену — совсем как в былые времена. Что же касается Моравиа, то он вел себя так, как подобает человеку воспитанному, но знающему цену всем видам суетности: как грустная усталая птица сидел у стола, облокотившись на палку и не замечая заблаговременно расставленного тонкого фарфора. Это была заслуженная палка, с отполированной временем рукоятью.

После беседы Иван Семенович показал в своем кабинете привинченные к потолку гимнастические кольца.

— И сейчас подтягиваюсь двенадцать раз в день. А в свое время, как, может быть, вы знаете, был наездником, участвовал в скачках.

Альберто — он тоже подтянут и точен в движениях, несмотря на необходимость опираться при ходьбе на палку, — говорит:

— Никогда не любил спорт и не интересовался им. Душа не лежит. Понимаю, что это одно из моих бесчисленных заблуждений.

Две правды, два равноценных подхода к жизни и два равновеликих результата: сидели рядом большой певец и большой писатель и толковали вроде бы о мелочах...

— Мне, музыканту, певцу казалось, что революция была совершена для того, чтобы дать народу доступ к настоящему искусству, к его вершинам. Симфоническая, инструментальная и оперная музыка — они должны были стать достоянием каждого. А вышло так, что упор вдруг сделали на ансамбли народных песен и танцев и балалайку. И ансамбли — хорошо, и балалайка — неплохо, но как же быть с фортепьяно и арфой, скрипкой и кларнетом? Разве они не народные инструменты? Почему вдруг началась деградация классического вокального искусства, почему исчезают певческие школы? Придет время, мы спохватимся: но не будет ли поздно?

— Может быть, все дело в нынешней торопливости человечества? Все куда-нибудь спешат, как правило, все равно опаздывают... Некогда остановиться, задуматься, дать себе возможность почувствовать глубину подлинного искусства...

— Возможно, синьор Моравиа, это именно так, но это никого из нас не оправдывает. Я говорю с вами, как с союзником, другом и хочу вам напомнить, что, до того, как в XIX веке оказать влияние на итальянскую культуру, мы сами испытали ее благотворное воздействие. Итальянские архитекторы строили у нас очень много — Кремль, Петербург... Но, приехав к нам, итальянцы становились как бы русскими архитекторами — изучали местные традиции, особенности нашего народного зодчества... А опера? Родилась она в Италии, как и бельканто — прекрасное пение. Но, согласитесь, пришло время, и русская опера пришла на итальянские сцены... А великий опыт Федора Ивановича Шаляпина!

— Как говорят у вас в народе, синьор Козловский, долг платежом красен. Может быть, это и есть один из самых ярких примеров взаимообогащения культур. Естественный и обязательный процесс. Мы не всегда за частностями видим общий процесс. Сегодня несомненно наблюдаем формирование общеевропейского сознания: не только политического, но и философского и художественного... Может быть, сегодня мы перед новым витком? И произойдет очередной переход количественного накопления в качественный скачок... Придут новые Верди и Чайковские, Карузо и Шаляпины.

— Хотелось бы верить!

— Надо верить! Европа культуры, Европа высокого интеллекта и таланта, смелости мысли и поступка еще и еще раз заставит человечество прислушаться к себе. Во всяком случае в новейшие времена Колумбом космоса стал европеец — Юрий Гагарин. Значит, умеем дерзать? Не разучились?

— Вроде бы нет.

— Так будем же оптимистами.

...Но это было отступление. А в тот день, о котором мы рассказываем, беседы в «Писательской приемной» шли своим чередом.

«НЕ УНИЧТОЖАЙ СЕБЯ РОБОСТЬЮ, ЧЕЛОВЕК!»

Следующим собеседником Альберто Моравиа стал молодой поэт Евгений Даенин. Он принес с собой рукопись своей «Единой книги».

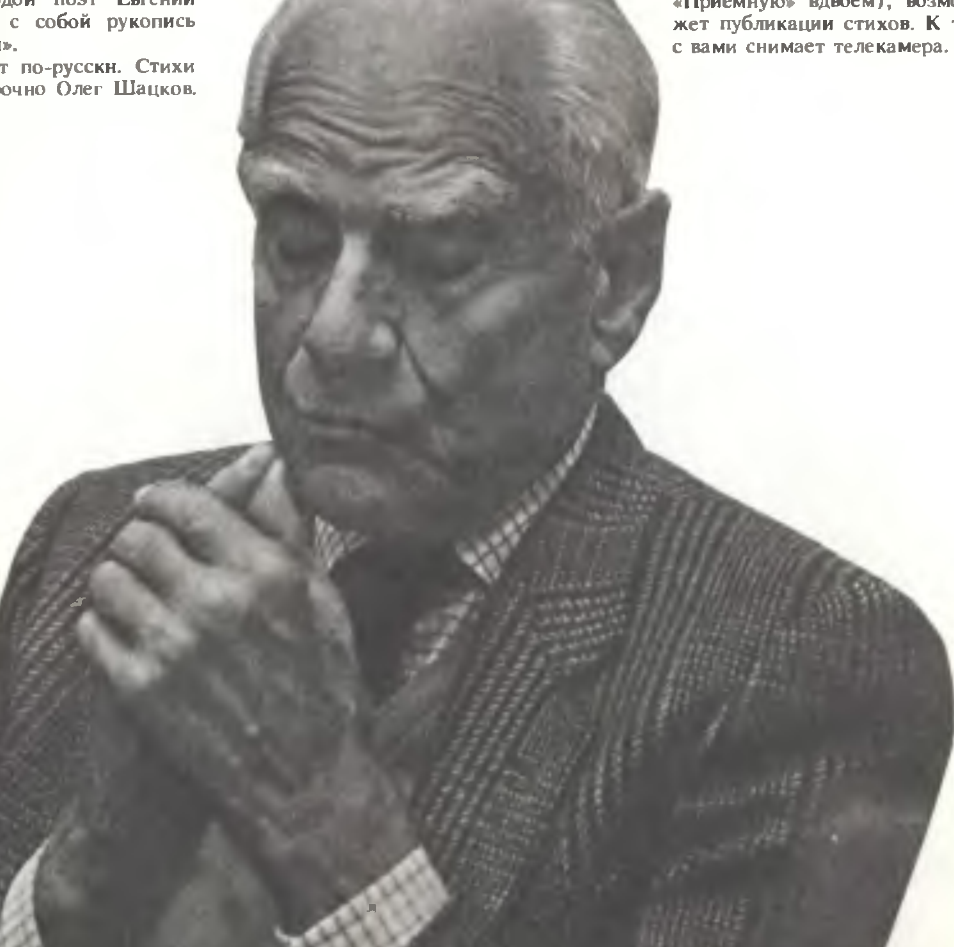
Моравиа не читает по-русски. Стихи переводил ему построчно Олег Шацков. А звучали они так:

Речь сузилась как горлышко кувшина.
В тиски висков стек золотой песок.
Зенит сорвал
зегзицею — пружиной
катамаран созвездия Весов.

— Не печатают? Может быть, правильно делают? Если поэт не может настоять на своем праве быть услышанным, значит, дело его плохо. Говорят: талант — это своевременность. Можно сказать и иначе: талант — умение настоять на своем. Не хочу говорить вам ничего обидного, стихи обязательно постараюсь прочитать, хотя при прямом переводе вряд ли можно ощутить поэтику русского языка, но все же вы, как мне думается, недостаточно настойчивы. Кого вы считаете своим любимым поэтом? Речь идет не о минувших столетиях, а о нашем времени. Поэтому Пушкина не называйте.

— Маяковского. Знаю, что сейчас модно говорить о Маяковском с иронией или с раздражением, но я стою на своем — он крупнейший поэт нашей эпохи. И готов повторить это, несмотря на то, что мое мнение в данном случае совпадает с мнением Сталина. Но, надеюсь, это единственное совпадение...

— Я вас поймал на том, что вы постоянно как бы извиняетесь. Вам нравится Маяковский? Прекрасно! Настаивайте на этом, объясняйте значение его творчества всем, кому можете объяснить и кто способен вас услышать. Есть масса способов обратить на себя внимание: например, устроить шум, чем-то выделиться, выбиться из толпы тихих, унылых граждан, рыцарей не столько скромности, сколько покорности... Внутренняя покорность, фатализм порождают бездействие... Если вы будете ждать, пока вас признают издатели, да еще при централизованной издательской системе, вы никогда ничего не дождетесь. Умейте заявлять о себе, умейте ставить издателей и рынок в трудное положение тех, кто вынужден постоянно расписываться в собственной некомпетентности и старорежимности. Конечно же, централизованная издательская система — апофеоз бюрократизма. Это по самой своей сути настолько несовременно, что жизнь эту практику обязательно сметет. Но жизни надо помогать. И порою это можно делать не без выдумки и не без остроумия. Могут сказать, что рассуждения мои непедагогичны. Возможно, так, а возможно, и не так. И вообще, кто возьмется с лихой уверенностью утверждать, что педагогично, а что нет. Мы не обладаем знанием этого «секрета», а если бы обладали, не жаловались бы на просчеты в воспитании молодого поколения. Так вот, может быть, то, что вы, Евгений, оказались сегодня гостем нашей «Писательской приемной» (говорю нашей, поскольку мы с коллегой Николаем Самвеляном договорились вести «Приемную» вдвоем), возможно, поможет публикации стихов. К тому же нас с вами снимает телекамера. Фильм вый-

дет на европейские экраны. Вдруг кто-нибудь из издателей, посмотрев телепередачу, заинтересуется творчеством пока что не известного поэта. Но неизвестные отличаются той особенностью, что, хоть и нечасто, но становятся известными. На том и порешим.

Теперь о другом. Будучи прагматиком, хотел бы поговорить с руководством журнала «В мире книг» о судьбе своих произведений...

Так напротив Альберто Моравиа оказался заместитель главного редактора Владислав Перфильев. Писатель просил передать всем своим читателям, которых в нашей стране миллионы (книги Альберто Моравиа выходили в свет на русском языке и на языках народов СССР очень большими тиражами), самые лучшие пожелания, советы воспитывать в себе чувство самоуважения и личной ответственности за процессы демократизации и за всю перестройку в целом, поскольку это — исторический шанс сделать потенциально самую богатую и перспективную страну на свете действительно самой богатой и демократичной. Это были пожелания. Затем была и просьба: Альберто Моравиа считает, что далеко не все его лучшие произведения были переведены на русский язык. Назвал, какие именно он хотел бы видеть среди переведенных и изданных и попросил Владислава Перфильева и члена редколлегии Елену Егорунину, отвечающую за «Писательскую приемную», проследить за тем, чтобы названные им произведения попали в поле зрения издателей. («Раз уж я стал внештатным сотрудником вашего журнала, какие-то ответные обязательства по защите моих авторских интересов должны взять на себя и вы»).

Ну, а прощаясь, маэстро пообещал представлять интересы журнала в Италии, а также в Париже, Лондоне, Мадриде, Лиссабоне, Нью-Йорке — повсюду, куда занесет его судьба дорожная.

«ДРУЗЬЯ НЕ ГОВОРЯТ ДРУГ ДРУГУ «АДДИО», А ТОЛЬКО «АРРИВЕДЕРЧИ»! ЭТО — ПРИНЦИП!»

Вдруг ветер нагнал тучи. Мелкий дождь и туман в мгновение ока сделал ласковое «бабье лето» воспоминанием. Но — оказалось — ненадолго. Из Рима прилетел... Фазиль Искандер и тут же бросился искать своего друга Альберто Моравиа в Москве. Нашел в номере гостиницы «Националь». Только что они виделись на Капри. Долго и серьезно говорили о разном. Но не все сказали друг другу и теперь самое время продолжить беседы.

Пожалели, что нет Андрея Битова... В это время он летел где-то над океаном, заканчивая в полном смысле слова кругосветное путешествие. Битов никак не мог оказаться на Манежной площади. Прекрасно, что он находит силы на такие путешествия, но огорчительно, что его с нами нет. Ну что же, повидаемся, когда он вернется, но Альберто к тому времени уже улетит в Рим...

Нежное осеннее утро в Переделкине. Дача Пастернака — пустая и торжественная. Тишина. И кажется, что в поднебесье приглушенно звучит стройный хор сопрано.

— Сопрано — это голос поэзии. Проза — это баритон или бас. Но мне понятнее не столько музыкальные, сколько зрительные образы. Особенность натуры и восприятия мира. Может быть, это можно проследить по моим произведениям. Глаза всегда мне говорили больше, чем уши.

Узкая дорога, поворот. Вот и кладбище, могила Пастернака. Цветы, свежие яблоки. Поэта помнят. Режиссер Джанни Барчеллони незаметно поправляет упавший венок, крестится. На могиле когда-то стоял крест, а теперь на новой плите изображения креста нет.

В Свято-Даниловском монастыре развели руками: не знаем, как это получилось. Тут явное нарушение воли поэта.

Сам монастырь красив и торжествен. В нем простота, идущая от внутренней силы и искренности. Беседуем со служителями, монахами, прихожанами.

— Это русский Ватикан. Понимаю, что сравнение хромает — и церковь другая, и статут монастыря, но все же так легче представить себе его значение...

— Золотая мозаика — подарок из Ватикана.

— Ну вот, значит, и от Ватикана есть польза...

Нас принимает в своем кабинете в отделе внешних церковных сношений Алексей Сергеевич Буевский. Он великолепный собеседник — образован, умен, терпелив, некатегоричен. Беседа широкая, свободная и предельно откровенная: «Мы учимся жить в условиях диалога и сейчас ведем его...», «Единство страны — единство всех ее граждан, понимание общности целей, осознание того, что народ — это все мы, без исключения...» «Перестройка — общенародное дело, никто не имеет морального права остаться в стороне, формальное имеет, но такой человек будет очень неправ перед своей совестью...» «Думаю, рождается новое небывалое единство народа, основанное на подлинном, а не внешнем плюрализме при понимании глубинной общности целей», «Советский патриотизм — реальность, его понимание будет расширяться и углубляться, придет и новый образ страны — сильной своей терпимостью, мудрой, могучей и принципиально миролюбивой...»

Подходят монахи с книгами Моравиа: хотели бы получить автографы. Получив их, радуются и улыбаются.

— Эта естественность отношений должна была к вам прийти. И она приходит, — говорит синьор Альберто.

В тот же день, к вечеру, на улице Неждановой, ожидая машину, говорили об идее создания клуба интеллигенции «Мир культуры» при Советском фонде культуры, который задуман как самостоятельная общественная ассоциация со своими творческими целями и своим кругом деятельности, определенными конкретными предпочтениями и собственными просветительскими возможностями. Девиз клуба: «Через высокую культуру — к достойной жизни личности и общества!» В своей работе клуб намерен исходить из того, что современное общественное сознание должно базироваться на прочном фундаменте отечественной и мировой культуры, формироваться в общем контексте их бытования и развития, в русле нового политического мышления. В оргкомитет «Мира культуры» вошли такие писатели, ученые, композиторы, как С. Аверинцев, А. Битов, М. Гаспаров, И. Золотусский, Ф. Искандер, А. Шнитке, Э. Денисов, С. Губайдулина, итальянец Марио Ригони Стерн, польский философ и писатель Артур Сандауэр и многие другие советские и зарубежные деятели культуры.

— Членом этого клуба стану и я, Альберто Моравиа. И постараюсь быть полезным. Такой клуб — явная и впечатляющая конкретика перестройки. Очень важно, что в работе клуба намерены участвовать именитые и молодые, люди высокой культуры и большого творческого темперамента, такие, например, как замечательный поэт Геннадий Айги и мой друг Фазиль Искандер. Перестройка начинает давать конкретные результаты. Во всяком случае — в области культуры. Я видел своими глазами, я в этом убежден. Высокая культура, которую вы сейчас провозглашаете своим принципом, должна повлечь за собой высокую личностную культуру каждого члена общества, а высокая личностная культура — высокий уровень труда... Это — неразрывный круг и звенья единой цепи.

ЭПИЛОГ

Вот и настал час расставанья.

— Я говорю тебе, говорю всем вам: «арриведерчи». До встречи! Постараюсь скоро вновь приехать и отчитаться в том, как рассказал о сложном и прекрасном времени, переживаемом сейчас вашей страной. Я не просто сочувствующий и не далекий друг, а участник процесса мне глубоко симпатичного. Не забудьте, что я — член клуба «Мир культуры», а также отныне принимаю самое прямое участие в работе «Писательской приемной». Знаю, что ей решили посвятить книгу, которая сейчас готовится к печати. Сразу же оговариваю: по крайней мере одна из глав — моя... Я уже заработал это право.

БЕСЕДА ВТОРАЯ:

О КОМСОМОЛЕ

Мы продолжаем публикацию начатой в № 12 за 1987 год новой рубрики «Беседы с Димоном», которую ведет ученик 10-го класса средней школы Олег БОЛДЫРЕВ.

РИС. Д. МАЛАНИЧЕВА

ИНТЕНСИВНО ХЛЮПАЯ НОЯБРЬСКОЙ ГРЯЗЬЮ, по тротуару шагают четыре ноги, обутые в ботинки сорок четвертого размера. Это мы с Димоном возвращаемся из школы. Уже смеркаетсн, а мы с ним еще в школьной форме. Идем с комсомольского собрания: сидели часа два, периодически подымая и опуская руки, и, решив утвердить, обязать, вынестн выговор и усилить, разошлись.

Димон хмур. Я его поннмаю, дома его ждет свежий диск «Джетро Талл», который он сегодня вряд ли послушает (уроков тьма!). Да и я от радости не прыгаю — завтрашняя контрольная по физике не вдохновляет.

— Елы-палы, — произносит вдруг Димон. — Сидели, сидели, а ради чего? Что решили? Ведь через два месяца все то же самое будет.

— Да, с теми же «разработать, начать, повысить»... Все собрания такие. Мы с тобой уже сколько лет молодые борцы за?..

— Года два, а то и больше.

— Вот-вот. И за эти два года хоть бы что изменилось у нас, пошлю по-другому. Те же собрания, те же речи. А помнишь, как вступали: «Будем работать, исправлять!» Доисправлялись. Теперь от других то же самое выслушиваем. Заявления писали чуть ли не под копирку: «Хочу бороться за дело коммунизма...» Хм! Борцы.

— Слушай, — вопрошает Димон, — это что у тебя — такая самокритика или жалобы на жизнь? Сам ведь что-то отвечал на вопросы о том, чем хотел бы заняться. Сам говорил о необходимости изменить стиль и так далее.

— Ага, у нас с тобой стройный дуэт был.

— Дуэт дуэтом, а ведь ты у нас комсомольский активнст — в комитете комсомола состоишь.

Конец фразы Димон произносит осторожно, он знает, чем я могу ответить. Я вяло шучу:

— Мне хозяйство запущенное досталось. В прошлом году в комитете был ты.

— Да, был, состоял, но и ты-то тоже ничего не делаешь.

Разговор грозит перейти в словесную перепалку. На время оба замолкаем, тем более, что возникает необходимость отскочить подальше от обочины — по лужам гонит порожний «Зилок». Помолчали, успокоились. Я произношу, уже, по-моему, не в первый раз, то, что зовется риторическим вопросом:

— Зачем он вообще нужен? Этот Всесоюзный Коммунистический?

— Не нужен он никому. В таком виде не нужен.

— Ай, Дима, ай, крамольник! Да за такие ужасные речи вас в Сибирь пора!

Димон иронии не замечает.

— Да ладно, Олег. Уж ханжой то быть не надо. Только что вспомнили, как вступали. А ведь уже тогда знали: без комсомольского билета в институт трудновато будет поступить. Что, скажи, не так?

— Так.

— Ведь знали, что придется протирать штаны и ничего не делать. Знали ведь.

— Знали.

— Так вот, я говорю тебе: не нужен он, этот Союз молодежи.

Снова пауза.

— А ведь для чего-то же создавался, — произносит Димон.

— И ведь делали же что-то люди. Я думаю, они сознавали: то, что делают они, никто другой не осилит. Они знали, первые комсомольцы, их труд нужен был. Не будь их, не увидели бы мы Днепрогэса.

— Да и гражданская, я думаю, не так бы пошла...

— А мы сидим и занимаемся какими-то игрушечными проблемами.

На нашем пути возникает какой-то не известный мне приятель Димона. Пока они обмениваются репликами, я размышляю.

Действительно, все наши дела никому, кроме нас, не нужны. Тем более, что спускаются они чаще всего «сверху». А там, наверху, не все Спинозы и Корчагины. Вот скажите, вы бы что изобразили на конкурсе агитбригад под лозунгом «Перестройка и мы»? Кого агитировать, за что? Если агитировать, то за что-то себе самому уже окончательно ясное. А мы, школьники, чего уж скрывать, только слышим о перестройке. Мы ее не осуществляем. Так как мы должны агитировать? Или взять комсомольские походы. Я не могу без отвращения смотреть на двадцать — тридцать комсомольцев и комсомолок, выводящих под аккомпанемент расстроенной гитары: «Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались». Кому нужна эта фальшивая дружба? Да, да, — фальшивая: ведь все эти комсомольские методисты и организаторы знают, что ни один из собравшихся у костра на поляне в пяти километрах от Москвы вовсе не рад тому, что они все «здесь сегодня собрались». Это только два примера, а ведь их можно найти десятки.

Димон прощается со своим приятелем, идем дальше.

— Я вот еще подумал, — говорит он. — В те, самые первые годы, комсомольский вожак был действительно вожаком. Его знали, понимали, уважали. А у нас как чаще всего? Какого-нибудь отличника-замухрышку изберут в комитет единогласно, а потом на него и смотреть не хотят. Он и не делает ничего, лишь на отчетно-перевыборном собрании прочтет по бумажке доклад, который писал, не покладая рук, несколько дней. Слава богу, что хоть мы с тобой не такие замухрышки. Хотя нас в этом плане тоже не слушают.

— Неинтересно слушать. Да и к тому же за восемь-девять лет в школе у нормального человека вырабатывается своеобразный иммунитет на все общественные дела. И знаешь что: я думаю, не потерял бы комсомол, если бы нижний уровень в возрасте был бы лет девятнадцать, двадцать. И в институте на семнадцатилетних «беспартийных» косо смотреть не будут, и к тому времени уже действительно собственная позиция появится.

Мы подходим к автобусной остановке. Мне в одну сторону, Димону в другую. Он резюмирует:

— Конечно, советовать — дело последнее, но я, если б случай представился, посоветовал бы всем этим руководящим работникам и методистам: «Ну дайте какое-нибудь живое дело! Такое, чтобы, кроме нас, его никто не сделал, но и такое, чтобы оно было действительно нужно». Я верю, что, окажись такое дело в наших руках, мы бы все-таки раскачались.

— Ты оптимист, Димыч.

— Оптимизм — дело хорошее.

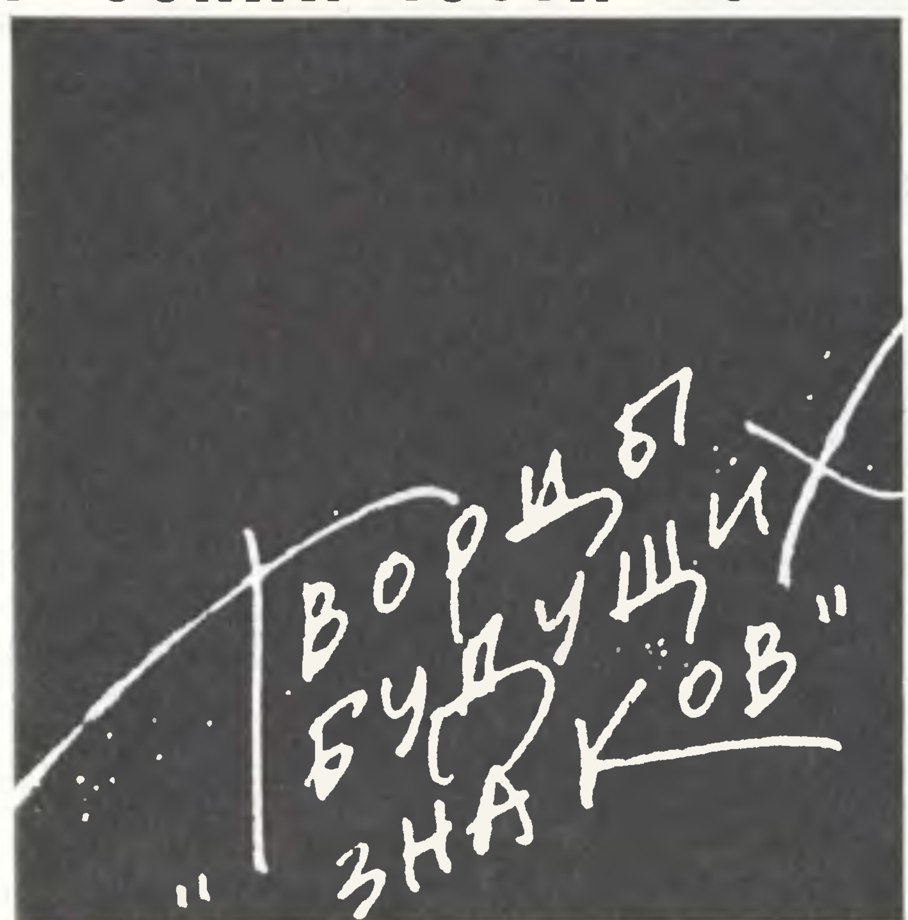
И, напевая: «Ви олл лив ин э елоу сабмарин» (это «Битлы», узнаете?), мой друг скрылся в подошедшем автобусе.

Я поспешил домой. Контрольная по физике — дело серьезное.

ЧЕРНЫЙ КВАДРАТ

С этого номера мы открываем новую рубрику — «Антологию русского поэтического авангарда». Она будет иметь название всемирно знаменитой картины Казимира Малевича «Черный квадрат». Что будет в ней опубликовано! Зачем она нужна!
Дело в том, что публикации последних лет вернули нашему читателю многих забытых и полузабытых русских поэтов XX века. Но — несмотря на это — многие еще из значительных и настоящих поэтов незнакомы нашему читателю, особенно так называемые «поэты-авангардисты»; некоторые из них публиковались только при жизни, а другие вообще никогда не печатались в нашей стране. Кроме того, их опыт, их творчество, их новаторство повлияли на целый ряд более поздних поэтов, которые, не имея возможности печатать свои творения, образовали своеобразную «подпольную» культуру, существовавшую параллельно с «официальной», вплоть до настоящего времени.
Нашей рубрикой мы хотим восстановить справедливость. Мы хотим дать по возможности полную картину не известной читателю «подпольной» поэтической культуры; начав с 10-х годов XX века, мы собираемся закончить публикации уже нашими днями, печатая только тех поэтов, которые либо вообще не издавались у нас в стране, либо издавались 50—70 лет назад. Мы считаем, что, совместив наши публикации с известной ему историей советской литературы, читатель получит, наконец, полное представление о русской словесности XX века.
Вести нашу рубрику будет поэт Геннадий Айги.
Известный и почитаемый во многих странах мира, лауреат многих премий (в том числе премии Французской Академии им. П. Дефее (1972), Венгерского агентства по литературе, театру и музыке (АРТИСЮС), Геннадий Николаевич только сейчас приходит к нашему читателю; только в наши дни его стихи стали публиковаться в газетах и журналах, и в скором времени выйдут отдельной книгой в издательстве «Советский писатель».
Мы гордимся тем, что журнал «В мире книг» был одним из первых изданий, опубликовавших в № 3 за 1988 год стихи Геннадия Айги.

РУССКИЙ ПОЭТИЧЕСКИЙ

Ведущий — **Геннадий АЙГИ**

АВАНГАРД

Геннадий Николаевич в 1961—1971 годах работал в Государственном Музее В. В. Маяковского, был лично знаком с Б. Пастернаком, А. Крученых, Д. Бурлюком, приезжавшим в СССР в 1965 году; в 60-е годы принимал активное участие в деятельности разных поэтических кружков и объединений, существовавших в противовес «официальной» поэзии, и сам является одним из участников и творцов «подпольной» культуры, которую мы хотим вывести «на свет» в нашей рубрике.
Мы надеемся, что блестящая эрудиция, знание материала не только «из книг» и высочайшая поэтическая одаренность Геннадия Айги как ведущего «Антологии русского поэтического авангарда» сделают нашу рубрику интересной для многих читателей, интересующихся русской литературой XX века.
По возможности, мы будем оформлять публикации картинами и рисунками художников, близких по духу публикуемым поэтам.
Все тексты печатаются с соблюдением авторской орфографии и пунктуации.

1.

Почему еще одна журнальная антология, на этот раз — «Руссский поэтический авангард»?

Сейчас много говорят и пишут о наших художниках-авангардистах, для зрителей — то тут, то там — становятся доступными их работы. А представления о русском поэтическом авангарде все еще остаются смутными и обрывочными, — они, в основном, связаны лишь с именами Велимира Хлебникова и Владимира Маяковского. Алексей Крученых и доныне остается только «легендарным» ввиду его неиздаваемости, то же самое происходит с Еленой Гуро, не переиздаются ранние произведения Василия Каменского.

Между тем, облик русского поэтического авангарда создавали десятки поэтов, — они могли бы быть представлены объемистой антологией.

Здесь я постараюсь лишь набросать контуры этой предполагаемой антологии, ибо нашей целью является не очередное пространное рассуждение «по поводу авангарда», а предоставление читающей публике **самих текстов** русских поэтов-авангардистов.

Попытаюсь объяснить, почему, на мой взгляд, не только возможно, но и закономерно вычленение творческого наследия поэтического авангарда из общего свода новейшей русской поэзии.

Обычно в европейских изданиях антологии новой русской поэзии начинают с символизма, конкретно — с Владимира Соловьева как предтечи этого поэтического направления.

Символизм видоизменил русское стихотворное слово тем, что называемые вещи и явления стали иметь значение многоликое и многоемкое, — метод работы над словом в поэзии символистов, в конечном счете, стал импрессионистическим. «Субъективированный» таким образом мир, наряду с «объективированным», классическим, стал вполне приемлемым и законным в восприятии читателя, зрителя, слушателя, — импрессионизм охватил все эстетические сферы, как новая эра в истории искусства.

С этой точки зрения, все дальнейшие течения и школы в искусстве (футуризм, дадаизм, сюрреализм) можно рассматривать как явления, выделившиеся из той же сферы «субъективированного» выражения мира, — то есть, из того же импрессионизма.

Расходящиеся пути этих направлений прокладывались в острой драматической борьбе с символизмом. Будто некоторым творческим силам не терпелось рвануться не только в «неведомое» и «неисследованное» в сегодняшнем дне, — само слово **авангард** говорит о появлении тех сил, главным импульсом для которых было — **предвидение** будущих изменений средств поэтики, «нащупывание» и конкретизация их, — как бы вырывая их **из будущего**. Не забудем главного и очевидного: художники и поэты авангарда творили с «эйнштейновским» осознанием Времени, вторгаясь в будущее со «знаменем», на котором, по выражению Велимира Хлебникова, «сверкнуло пространство Лобачевского».

Как я уже упомянул, я не собираюсь углубляться в историко-хронологическое повествование о действиях тех или иных авангардных поэтических групп. Количество трудов такого порядка растет, исчисляясь сотнями, почти во всех европейских странах.

Хочется взглянуть на русский поэтический авангард, сообразуясь с конкретными задачами сегодняшней поэтики, — постараться увидеть в произведениях авангардистов то **живое и отстоявшееся**, что в эстетическом отношении представляет собой непреходящую ценность.

В этом подходе к наследию поэтов-авангардистов может весьма помочь одно из кардинальных определений поэтически-творящего Слова великим русским мыслителем Павлом Флоренским.

«Язык антиномичен. Ему присущи два взаимоисключающие уклона, два противоположные стремления», — говорит Павел Флоренский в статье «Термин».

Первое, «творческое, индивидуальное» стремление в языке он определяет как «импрессионистическое», второе называет «монументальным», «общим», «общественным».

«Работа над языком, — продолжает далее ученый, — имеет задачею своею: железную антиномию его закалить в сталь, т. е. сделать двойственность языка еще бесспорней, еще прочней». По мысли Флоренского, только из такой закаленности выходит «зрелое слово».

Объединить в накале своего творчества «импрессионистичность» и «общественную, общую монументальность» и добиться **зрелого слова** удалось из русских авангардистов только таким выдающимся личностям, как Велимир Хлебников, Владимир Маяковский и Елена Гуро (это же относится и к Борису Пастернаку времени «Начальной поры» и «Поверх барьеров»).

Однако и тем, кто в поэтических поисках более был занят **импрессионистичностью** слова, удавалось внести свой вклад в развитие нашей поэтики. Односторонне-нетерпеливая (под-

час и агрессивная) наступательность выявляла те модификации поэтических средств, которые в будущем должны были содействовать новой напряженности синтеза «импрессионистического» и «общемонументального» стихотворного слова.

Наиболее темпераментными, непримиримыми искателями (во многом и экспериментаторами) в этом «чисто авангардном» русле были кубофутуристы Давид Бурлюк, Алексей Крученых и Василий Каменский, из эгофутуристов — Иван Игнатьев (не забудем и главного эгофутуриста Игоря Северянина, — этому талантливейшему поэту так и не удалось дойти до «зрелого слова» в силу частой безвкусицы в его поистине дерзком новаторстве). Необходимо упомянуть и трагически-жертвенного Игоря Терентьева — замечательного прозаика, блестящего поэта и выдающегося режиссера, причислявшего себя к «заумной» (да и «абсурдистской») школе Крученых.

Стоит привести еще несколько имен авангардистов, чье творчество до сих пор незнакомо читателю. Одаренный Божидар (Богдан Гордеев, покончивший с собой в 1914 году в возрасте 20 лет), которому с авангардным подходом удалось придать родному поэтическому мелосу древнеславянское архаичное звучание. Уникальный Василиск Гнедов — создатель теории и практики «антиискусства» («отмена искусства» довела его до того, что одно из его творений — «Поэма конца» — представляло собой чистый лист бумаги, поэма эта «читалась» автором при публике, — дирижировалась несколькими жестами). Одновременно с Алексеем Крученых Василиск Гнедов уже в 1913 году вплотную подошел к предметной трансформации «обычных элементов» языка (одна из его поэм состояла только из одной буквы «Ю», — это было не звуком, не заумью, а неким существующим явлением-«объектом»).

(«Слышали мы о таких шалостях», — может сказать читатель. Не будем торопиться с таким приговором. Какими только словами не крыли французского художника Марселя Дюшана, когда он, в том же 1913 году, в качестве художественного экспоната выставил, на специальной подставке, колесо от велосипеда. Прошли десятилетия, и оказалось, что этот и другие последовавшие «акты» Дюшана приучили нас видеть «обычные», примелькавшиеся вещи в неожиданном, «эстетическом» ракурсе. У русской авангардной поэзии были и шалости — настоящие, но были и «дюшаноподобные акции» с серьезным поэтико-семантическим отношением. Одну из брошюр Крученых под названием «Заумная гнига», содержащую некоторые «шалости», выдающийся лингвист Роман Якобсон в шестидесятых годах увидел в новом качестве, — Крученых с гордостью показывал мне телеграмму Якобсона: «Твою разумную книгу получил»).

Вернемся, однако, к «серьезному разговору», — к дальнейшей характеристике наших поэтов-новаторов.

Ядром русского авангарда был кубофутуризм. Подчеркнем здесь составляющую часть «кубо»: русские поэты, основатели этого кардинального течения авангарда, словом «кубо» подчеркивали новую видоизмененную предметность слова, противопоставляя созидательно-фактурную сущность своего направления идейно-агитационной тенденции итальянского футуризма с явной шовинистической устремленностью.

Сила кубофутуризма была такова, что с ним считались, находились под тем или иным его влиянием (под знаками плюс или минус) многие тогдашние мелкие группировки: упомянутые уже эгофутуристы, а также — московские поэты из группы «Центрифуга» (Борис Пастернак и Николай Асеев), художники Михаил Ларионов и Наталия Гончарова, создававшие не только «лучистскую» живопись, но и «лучистскую» поэзию.

Теоретические изыскания Хлебникова (прежде всего, его «исследования времени») и алогические словесные опыты Крученых, этого первого дадаиста в мировой поэзии, создавшего свою «заумную школу» (Ольга Розанова, Илья Зданевич, Игорь Терентьев) в сильной степени будировали и вызвали к жизни, уже в конце двадцатых годов, последнее авангардистское поэтическое направление Обэриу («Объединение реального искусства»), объединявшее Даниила Хармса, Александра Введенского, раннего Николая Заболоцкого. В то же время поэзия обэриутов вбирала в себя переосмысленные «одические» отзвуки прошлого столетия под влиянием странной лирики Константина Вагинова, абстрагированной, при всей алогичности, до редкостной классической эвфонии почти «гельдерлиновского» совершенства.

Учась у кубофутуристов и одновременно борясь с ними, утверждали себя и конструктивисты Алексей Чичерин и Илья Сельвинский (позже, и выдающийся поэт Георгий Оболдуев, начавший свой путь как «младоконструктивист»).

Более того. Достижения кубофутуристов «учли», в противопоставлении себя им, даже поздний, «воронежский» Мандельштам, не говоря уже о позднем Есенине — авторе «Пугачова».

Таким образом, с точки зрения сегодняшнего дня, можно уже говорить и о классическом периоде русского поэтического авангарда, укладывающемся в рамки 1908—1930 годов. И здесь, имея в виду его историческую перспективность (что сказывается и до наших дней), возможно говорить о нем и в исторической ретроспекции. Прежде всего, сравнивая русский авангард с родственными явлениями европейской культуры того времени, необходимо подчеркнуть его национально-специфическую особенность.

Русская литература обошлась и без «зацикленности» на фрейдистских «комплексах» (и это — несмотря на то, что сам фрейдизм немыслим без Достоевского), обошлась она и без созерцательно-нарциссического сюрреализма. В национальном формотворчестве русского авангарда главным оказалась не психология личностной отчужденности и абсурдности «экзистенции» (по-существу, антикьеркегоровской в детеизированном сартровском варианте), а его предметно-строительная, фактурно-созидательная направленность. Эту строительно-реформаторскую особенность я назвал однажды петровской чертой (по имени Петра Великого): авангардная устремленность (в противовес регрессивной, — провинциализирующей) может веками таиться в большой культуре, для которой характерно стремление к «всечеловечности» в понимании Федора Достоевского. Русский авангард не только «слушал музыку Революции». Он творил формы ее культуры, разворачивающейся в будущее, творил — с новым пониманием материала Слова, Цвета и Звука (вспомним, например, определение искусствоведа Николая Пунина: «Живопись это, говоря прямо, — распределение массы красок на поверхности холста». Новое распределение! — почти осязаемая фактура, а вскоре — выход изобразительной вещности из рамок картины. Это было и у Пикассо, но контррельефы Владимира Татлина Пунин не без основания считал новым шагом в истории изоискусства). Стоит сказать и о том, что упомянутая «предметность» превышала своей величавостью всякий временный утилитарный функционализм, — примером такого величия навсегда остаются «Окна РОСТА» Владимира Маяковского.

Достижения русского авангарда закономерно рассматривать сегодня не как давний «анархистско-бунтарский взрыв», а как общенациональное наследие, уходящее корнями в далекую историю русской культуры, становящееся на наших глазах достоянием культуры мировой. «Картина — тоже слово», — говорит Павел Флоренский. Картины Казимира Малевича уже воспринимаются нами как великое «зрелое слово» (благодаря гениальному чутью художника, его авангардная «импрессионистичность» настолько сопряжена с «монументально-общественной» стороной изоискусства, что мы могли бы говорить и об иконописно-русской мощи его творений, — разумеется, в «ином», но все же — «вечном» уже качестве).

2.

С чем, конкретно, мы будем иметь дело в наших публикациях? Что принесли русской поэзии реформы авангардистов?

Они, прежде всего, ввели в нашу поэзию новое ритмическое мышление. «Хлебников выдвинул поэтический размер живого разговорного языка. Мы перестали искать размеры в учебниках — всякое движение рождает новый свободный ритм поэту», — говорилось в «Манифесте», опубликованном во втором выпуске футуристического сборника «Садок судей» в 1913 году. Эту дерзкую мысль, в году 1965-м, мирно повторил Алексей Крученых в разговоре со мной: «Море волнуется не метрично, а ритмично». О возможном кризисе русской силлаботоники предупреждал — еще в 1813 году — не кто иной, как «реакционный министр» народного просвещения С. С. Уваров: «Первые памятники нашего стихотворения представляют особенный характер, основанный на весьма определенном отношении долгих и кратких слогов. Сие стопосложение тем более соглашается с Гением нашего языка, что мы находим и доныне в нем большую наклонность к напеву и музыке; но вместо того, чтобы сему следовать и постепенно усовершенствовать Русскую прозодию, первые и лучшие стихотворцы отступили от сего правила... славный Ломоносов... был увлечен общим предубеждением, и эпоха сия решила судьбу русской Поэзии... Каждый народ, каждый язык, имеющий свою словесность, должен иметь свою собственную систему стопосложения, происходящую из самого состава языка и образа мыслей» (цитирую по классической работе Александра Квятковского «Тактометр», опубликованной в конструктивистском сборнике «Бизнес» в 1929 году).

Запоздалость действительно реакционного суждения Уварова в отношении стихотворной реформы Тредиаковского-Ломоносова самоочевидна. Но в озабоченных высказываниях министра есть и толика здравого смысла. Отказ от силлабики произошел с потерей в одном «пункте», — Уваров предупреждал, что отмена старого «стопосложения ударит», прежде всего, по мелосу гласных, по их роли разнодолготной, музыкальной организации стиха.

Считаю необходимым настойчиво подчеркнуть, что я, конечно же, не собираюсь здесь бросить какую-либо «тень» на великую силлабо-тоническую эру нашей поэзии. Я хочу только сказать, что чувство «разъезженности» силлабо-тоники закономерно привело Маяковского к его стиху (назовем ли мы этот стих акцентным или каким-то другим тоническим вариантом), мелос гласных в его поэзии был восстановлен в их древне-самобытной силе.

Утверждение верлибра Хлебниковым, Маяковским и Еленой Гуро также не является подражательным заимствованием из европейских литератур, — в свободных стихах этих поэтов, говоря вкратце, мы скорее слышим отзвуки древних русско-славянских сказаний и православной литургии.

Не буду подробно останавливаться на фонетике авангардистов («Наши слова — мужчины! Мы им придали новый костяк — новой концентрацией согласных», — любил повторять Алексей Крученых).

Скажу здесь несколько слов о той самой зауми, которая, чуть ли не на столетие, завязла у нас в зубах. Алексею Крученых никогда не прощали его знаменитое «дыр бул щыл», как только не обзывали эти три «словоподобия» (и «чепухой», и «кретинизмом»), а забыть не могли и не могут, — вот уже в течение 75 лет. Уместно привести здесь ответ самого Крученых на этот счет. Однажды, когда мы долго бродили с ним по московским переулкам, он вдруг обернулся ко мне и сказал с лукавыми искринками в антрацитово-поблескивающих глазах:

— Гена, скажи, — как перевести «дыр бул щыл» на французский?

— ?

— А вот как... По-французски это будет: «дир бюль шиль». Я сконцентрировал в этих «словах» самые характерные звуки из тембра русского языка!

Заумью пользовались и Хлебников, и Гуро, но заумью служебной, замещающей (замещение прилагательных, существительных, глаголов). Чистая, автономная заумь — «открытие» Крученых.

Однажды мне довелось добиться записи нескольких «заумных вещей» Крученых на магнитофон в исполнении автора. Я изумился музыкальной организованности этих маленьких — смею сказать, шедевров — абстрактного звучания. Почему бы не сохраняться в антологиях русской поэзии нескольким образцам этого вида словотворчества? Что было, то было. А что доказал дерзкий «заумный» эксперимент Алексея Крученых? Лишь то, что расщепить слово возможно, но — бесполезно. С расщеплением ядра Слова-Логоса слово просто перестает существовать. Но пусть останется в нашей памяти дерзкая попытка «зудесника» Крученых, — одна из экспериментальных проб «безумства храбрых».

«Словоновшество», «корневое словотворчество», множество «языковых плоскостей». Об этом говорено столь много, что я, лишь упомянув эти хлебниковские термины, перейду к вопросу о формах авангардной поэзии.

«Картину можно писать и навозом, и трубкой, лишь бы это было картиной», — сказал как-то Гийом Аполлинер. Эти слова, на мой взгляд, уже не должны бы вызывать возмущения даже у весьма «правильных» современных художников

Определений поэзии может существовать столько, сколько будет желающих ее определять. Что такое поэзия? — спросим себя в русле нашего разговора. В отношении русского авангарда, можно было бы ответить так: «Поэтическим является то произведение, которое создающий его считает таковым».

Рене Шар в свой поэтический сборник военных лет, «Листки Гипноса» (1943—1944), включил и «дневниковые записи», и «военные приказы» (Шар, один из героев французского Сопротивления, был командиром крупного партизанского соединения). Поэзия ли это? Да, — к этим текстам надо подходить как к поэтическим произведениям, ибо так «подходил» к ним сам автор, — они выглядели бы иначе, если бы поэт относился к ним только как к дневникам и приказам в обычном понимании.

В наших публикациях читатель встретится и со стихокартинами, и с графически-буквенными леттрическими стихотворениями, и с такими видами поэзии, как предметная и визуальная. Чтобы не загружать это предисловие, характеристики конкретных произведений этих видов будут даны в биографических данных об их авторах.

Следует отдельно сказать о стихотворениях, написанных в виде прозы. Это у авангардистов не стихи в прозе в тургеневском смысле (за исключением миниатюры «Русский язык», стихи в прозе у Тургенева все-таки являются вариантами лирической прозы, — прозы как таковой). Назвать ли этот вид стихопрозой? По-видимому, произведения этого жанра лучше никак не определять, принимая их за поэтические произведения без оговорок, — так, как это делается в литературах ряда европейских стран.

1929-й — год «великого перелома» (добавим: рокового). 1930-й — гибель Маяковского. Именно с этого времени авангардистская творческая стихия, уже вырождавшаяся в служебный функционализм лефовцев и конструктивистов, постепенно затухает; живые авангардные импульсы (у тех же обэриутов) изредка вспыхивают, но уже — в условиях вынужденного подполья. В поэзии господствует однобокое «монументально-общественное» слово, не питаемое словом «индивидуально-импрессионистическим» (но честь и слава тем, кто, подобно Александру Твардовскому, Ярославу Смелякову и Борису Слуцкому, сохраняет в этих условиях живое слово русской Поэтической Речи).

Между тем, невозможно скрыть обоюдоострое, — актуально-нужное и неудержимо-новаторское, — искусство Владимира Маяковского, спутавшего все «карты» в унылой словесной «игре в аду» сочинителей-функционеров. И бродит еще по Москве, как гофмановский призрак, непоседа Крученых, ставший собирателем литераторских автографов и редких изданий. Кто помнит о нем? Николай Глазков, друг Михаила Кульчицкого (наиболее «левого» из поэтов фронтового поколения). Не сняв еще фронтовую шинель, появляется у «Кручи» Ян Сатуновский — с острыми, как перец, стихотворениями-«репликами». В подмосковном поселке Лианозово нескольким юношам рассказывает о Гуро, о кубистах и Казимире Малевиче странный старик (родившийся в один год с Маяковским) — Евгений Кропивницкий, — из его «лианозовской школы» выйдут в середине пятидесятых годов поэты Генрих Сапгир и Игорь Холин, «найденные» Кропивницким в лианозовских рабочих бараках, — недоброжелатели так и будут называть эту группу «барачной школой».

Неисповедимы пути творящего Слова. Так и держится, слабо загораясь то тут, то там, — «импрессионистическое» слово русского авангарда, — что, какое явление еще возгорится от него в наши дни? — ныне ветер — не задувающий, а повсеместно раздувающий (как мы надеемся) пламя нового действенного Слова.

Оглядываясь на русский поэтический авангард со свежим взглядом, мы начинаем его антологию с Елены Гуро. С замечательной художницы, поэта, прозаика и драматурга, в чьем творчестве восемьдесят лет тому назад успели проявиться все основные черты, характерные для русского поэтического авангарда. Провидением ли судьбы было то, что она, тридцати шести лет, умерла в год апогея кубофутуризма, — в 1913 году?

«Творцы будущих знаков» — так называла она своих друзей-будетлян, обращаясь к ним по-матерински: «Как мать закутывает шарфом горло сына, — так я следила вылет кораблей ваших гордые, гордые создания весны!»

Прислушиваясь к этому чистому и звонкому голосу, мы начинаем серию наших публикаций.

Геннадий АЙГИ

Родилась в семье генерала — интенданта русской армии. Еще в раннем юношестве, порвав с отцом «по мировоззренческим причинам», стала жить самостоятельно, училась живописи.

Была замужем за композитором и художником Михаилом Матюшиным, одним из зачинателей новейшей русской живописи.

В 1908—10 гг. с Еленой Гуро познакомились Давид Бурлюк, Велимир Хлебников, Василий Каменский, в 1912 году — Владимир Маяковский. Первые сборники русских футуристов («Садок судей», 1910; «Пощечина общественному вкусу», 1912; «Садок судей», второй выпуск, 1913) были изданы на средства Гуро, по инициативе ее, Матюшина и Бурлюка.

Принимала участие в организации первых выставок новейшей русской живописи «Импрессионисты» (1909), «Треугольник» (1910); как художница постимпрессионистического направления, выставлялась и на последующих выставках «Союза молодежи». В советское время выставка ее живописи была устроена в Государственном Музее В. В. Маяковского в 1961 году искусствоведом Н. И. Харджиевым.

Еще в 1908—1910 годах Елена Гуро разрабатывает «описательно-повествовательный» и «разговорно-ораторский» виды верлибра, начинает вводить в прозу и поэзию «кубистические», «динамо-футуристические» приемы, сознательно пользуется «заумными моментами».

Исследователи неоднократно отмечали влияние Елены Гуро на поэзию Владимира Маяковского. Образ «поэта-мученика» у Гуро, по словам Николая Харджиева, историка русского авангарда, «близок тому образу поэта — трагического шута и непризнанного пророка, который с особенной силой выражен в трагедии «Владимир Маяковский». Харджиев отмечает также, что исповедально-ораторские интонации Гуро предвосхищают некоторые «идеологические лейтмотивы дореволюционного Маяковского».

Прижизненные книги Елены Гуро были изданы самим автором («Шарманка», 1909; «Осенний сон», 1912).

Умерла Елена Гуро от белокровия в 1913 году, в финском местечке Усикирко. Матюшин, Хлебников, Малевич и Крученых, участники сборника «Трое» (1913), посвященного памяти Гуро, писали: «В молодом напоре «новых» она сразу узнала свое — и не ошиблась. И если для многих связь ее с ними была каким-то печальным недоразумением, то потому только, что они *не поняли ни ее, ни их*».

В 1917 году А. М. Горький предполагал издать том неопубликованных стихов и прозы Гуро, издание не было осуществлено по не зависящим от Горького обстоятельствам.

В 1977 году в Дании вышел фундаментальный труд Кьеля Бьорнагера «Русский футуризм, урбанизм и Елена Гуро», полностью посвященный творчеству выдающейся писательницы. Между тем, произведения Елены Гуро у нас не переиздавались начиная с 1914 года, а почти половина ее наследия все еще остается неопубликованной.

Как мать закутывает шарфом горло сына, — так я следила вылет кораблей ваших гордые, гордые создания весны!

Не хотим нежиться — хотим пересиливать, мастеровые купили бы семечек — купим — чем мы лучше? Уныла брезгливость и связывает!

Г-н поэт! ты уронишь за борт записную книжку!

Яхта вылетела в море. В море мы увидели вдруг черное брюшко — так и легло... и повернули так ловко, что она лососинкой стала крылатой... Играла в волнах не могла натешиться — опять и опять!

А волны были порядочные!

Раздружимся?.. Не верно, ведь мы попутчики, — буря за нами, — впереди весна!..

Нас раскачало и взбросило высоко.

Разлука только для тех, кто остался сидеть трусливо... Вместе куда-то лететь и прянуть и захлебнуться в блестящих брызгах...

Вместе, зараз!..

А навстречу дул свежий ветер и благоухали лиственницы.

На выставке наших публика хохотала! «Прекрасно! прекрасно!.. Кончите скоро свою драму?.. Верим в кредит! верим!..»

Вчера со взморья насилу вернулись, волны били, ветер пищал комаром в волосах — «смерть! смерть!..»

«Прекрасно! прекрасно!» публика хохотала.

И сияли лиственницы весной!..

ФИНЛЯНДИЯ

Это-ли? Нет-ли?
Хвои шуят, — шуят
Анна-Мария, Лиза, — нет?
Это-ли? — Озеро-ли?

Лулла, лолла, лалла-лу,
Лиза, лолла, лулла-ли.
Хвои шуят, шуят,
ти-и-и, ти-и-у-у.

Лес-ли, — озеро-ли?
Это-ли?

Эх, Анна, Мария, Лиза,
Хей-тара!
Тере-дере-дере... Ху!
Холе-кулэ-нээ.

Озеро-ли? — Лес-ли?
Тио-и
ви-и...у.

Я хочу изобразить голову белого гриба умной и чистой, какой она вышла из земли, захватив с собою часть планетной силы. Стены и крышу финской виллы, какой они выглянули из лесной коры, омытые удаленностью на высоте к облакам.

Облако над горой, каким оно стало, переплыв светлую небесную сферу.

Лбы зверей, освещенные белою звездочкой, как их создало живое Добро дыхания.

И моего сына, с тех пор, как он стал похож на иву длинным согнутым станом, а поникшей мило прядкой волос на лбу — на березу, а светлыми глазами на молодую лиственницу, вонзившуюся вершиной в небо.

Только он еще добрее ивы: на нем вместо коры нежность — и светлее лиственницы. Он смеется над собой. Его прикосновенье благословляет вещи.

Ах ты, лучинный воин! Принц! Ах ты, герой из моченой пакли!

Хорошо лететь кверху ногами со споткнувшегося коня?

Хорошо в толпу насмешников угодить из замков мечты и глядеть испуганно голубыми глазами.

Это что еще за нежности!
Вот тебе чувствительность!
Вот тебе искания и чуткость!
Что не понравилось?
Как смеешь ты быть нежным,
Когда все должно стремиться к планомерной устойчивости,
Выносливости, здоровью и силе?
Дайте ему выправку!
Не смей горбиться! Стой прямо!
Не таращи глаз, смотри почтительно!
Мы тебе судьи, мы тебе правда — мы тебе...
Что за нежности!

ЛУННАЯ

Над крышами месяц пустой бродил,
Одиноки казались трубы...
Грациозно месяцу дуралей
Протягивал губы.
Видели как-то месяц в колпаке,
И, ах, как мы смеялись!
«Бубенцы, бубенцы на дураке»!..
. . . .
Время шло, — а минуты остались.
Бубенцы, бубенцы на дураке...
Так они заливались!
Месяц светил на чердаке.
И кошки заволновались.
. . . .
Кто-то бродил без конца, без конца,
Танцевал и глядел в окна,
А оттуда мигала ему пустота...
Ха, ха, ха, — хохотали стекла...
Можно на крыше заночевать,
Но место есть и на площади!
. . . .
Улыбается вывеске фонарь,
И извозчичьей лошади.

Вянут настурции на длинных жердинках.
Острой гарью пахнут торфяники.
Одиноко скитаются глубокие души.
Лето переспело от жары.
Не трогай меня своим злым током...
Меж шелестами и запахами переспелого, вянущего лета,
Бродит задумчивый взгляд
Вопросительный и тихий.
Молодой, вечной молодостью ангелов, и мудрый.
Впитывающий опечаленно предстоящую неволю, тюрьму
и чахлость
Изгнания из страны лета.

Море плавно и блеско
Летают ласточки.
Становится нежно розовым.
Мокнет чалочка,
Плывет рыбалочка
Летогон, летогон,
Скалочка!

Что еще за скалочка? Это просто так, я выдумал. Это очень мило. Скалочка! — Скалочка! Это должно быть что-то среднее между ласточкой и лодочкой!..

Дождики, дождики,
Прошумят, прошумят.
Дождики-дождики, ветер-ветер
Заговорят, заговорят, заговорят —
Журчат.

ТАЙНА

Есть очень серьезная тайна, которую надо сообщить людям.
Мы, милостью Божьей мечтатели,
Мы издаем вердикт!

Всем поэтам, творцам будущих знаков — ходить босиком, пока земля летняя. Наши ноги еще невинны и простодушны, неопытны и скорее восхищаются. Под босыми ногами плотный соленый песок, точно слегка замороженный и только меж пальцев шевелятся то холодные то теплые струйки. С голыми ногами разговаривает земля. Под босой ногой поет доска о тепле. Только тут узнаешь дорогую близость с ней.

Вот почему поэтам непременно следует ходить летом босиком.

ЭТОГО НЕЛЬЗЯ ЖЕ ПОКАЗАТЬ КАЖДОМУ?

Прости, что я пою о тебе береговая сторона,
Ты такая гордая.
Прости, что я страдаю за тебя —
Когда люди, не замечающие твоей красоты,
Надругаются над тобою и рубят твой лес.
Ты такая далекая
И недоступная.
Твоя душа исчезает как блеск —
Твоего залива,
Когда видишь его близко у своих ног.
Прости, что я пришел и нарушил —
Чистоту, твоего одиночества;
Ты царственная.

Ветрогон, сумасброд, летатель,
создаватель весенних бурь,
мыслей взбудораженных ваятель,
гонящий лазурь!
Слушай, ты, безумный искатель,
мчись, несись,
проносись, нескованный
опьянитель бурь.

Рисунки Елены ГУРО

АЛЬБОМЫ

АЛЬБОМЫ

Александр
СЕВАСТЬЯНОВ

Бежит время. Еще каких-то двенадцать лет — и девятнадцатый век станет для нас «позапрошлым». Труднее будет вообразить себе реалии, окружавшие людей этого времени, их речь, образ мысли и поведения, быт, городской пейзаж, в котором они проводили жизнь. Мы и современников-то не всегда понимаем адекватно. Как же, каким чудом можем мы вдохнуть тот воздух, которым дышали наши недавние предки? К счастью, дух времени хранят в себе старые вещи и изображения. Дагеротипы, фотографии приближают к нам ушедшую эпоху.

Ну, а семнадцатый, восемнадцатый века? Заглянуть бы хоть одним глазком в жизнь Версаля времен Луи XIV! Живопись... Да разве живописец скажет правду? Ватто идеализировал своих придворных жеманниц и кавалеров, наряжая их в костюмы эпохи Генриха IV и помещая в аркадские сады. А классицисты и подавно не желали и не могли видеть жизнь, как она есть. Возьмешь голландских жанристов — ан, тут вся действительность с изнанки, стало быть опять неправда...

В те годы, когда еще не была изобретена фотография, только черно-белая видовая гравюра оказалась способной «остановить мгновенье», донести до нас фрагменты отжившей жизни. Поэтому, перелистывая старинные гравированные альбомы с видами улиц, парков, дворцов, мы в силах бываем мысленно перенести себя к этим стенам, деревьям и... людям.

Как мы помним, виды городов и местностей встречаются уже в книгах пятнадцатого века — например, в «Хронике» Шеделя или «Путешествиях в святую землю» Брейденбаха[1]. В гравюрах Дюрера запечатлены ландшафты, зарисованные им в годы странствий. Николо Беатризе гравировал виды Рима для издателя Антонио Лафрери. К концу XVI века книги-галереи, созревшие как тип издания, сделали распространенными увесистые тома разнообразных «Ведут». В семнадцатом столетии многочисленные гравированные городские пейзажи, объединенные под одним переплетом, в изобилии выпускались в Германии и Голландии. В большинстве своем их отличали скорее справочные, чем художественные достоинства: однообразием и заурядностью повеивает от скучновато-ремесленных гравюр, изданных в мастерской Мерианов во Франкфурте-на-Майне или в печатнях Амстердама. Впрочем, среди моря видовых гравюр XVII века встречаются (особенно в Германии) большие, прекрасные листы[2], где воплощены пышно-изобретательные барочные здания, вырастающие на узких улицах и широких пустоватых площадях. Мимо громад этих дворцов и храмов (в завитках волют, замысловатых наличниках и накладных лепных украшениях) проносятся резные кареты, гарцуют всадники в широкополых шляпах с плюмажем, проходят дамы в кринолинах. Крохотные, игрушечные человечки на фоне огромных архитектурных объемов — тесной или просторной чувствовали они жизнь?

Ближе к концу века развитие французских дворцово-парковых ансамблей в стиле классицизма дало возможность художникам и граверам этой страны создать наиболее интересные альбомы видов. Такие мастера как Габриэль Перелль или Себастьян Леклерк прославили свое имя, популяризируя искусство архитекторов и садоводов, создавших Версаль, Марли, Трианон. Хочу подчеркнуть, что речь здесь идет только о тех гравюрах, где нет иного сюжета, кроме гармонической прелести строго распланированных садов, куртин, аллей, шпалер и галерей в сочетании с многооконными и из-за этого как бы ажурными зданиями дворцов. Ведь вообще-то как графика, так и живопись с конца семнадцатого века вовсю использовали в качестве роскошного фона утопающие в зелени террасы, веранды, аллеи, где несут свой бессрочный караул античные статуи, гермы, вазы. (Вспомним все того же Ватто.) Здесь легко было разойтись фантазии художника, создающего из собственного воображения бесчисленные радующие глаз подробности. Но в данном случае имеются в виду лишь серийные листы, специально посвященные реальным видам. К числу лучших из них, прославивших свою эпоху, относятся работы Жана Риго (ок. 1700—1754), посвященные архитектурным творениям Л. Лево и Ж. Ардуэна-Массара, а также паркам А. Ленотра. Эти гравюры — верные «снимки» жизни общества времен Короля-солнца, Людовика XIV. Разъезд карет у Большого Трианона, прогулка дам на ялике и кормление сазанов в прудах Марли... Всюду мы встречаем маленькие фигурки, одетые художником-гравером со скрупулезной точностью, населяющие «регулярные»[3] парки и перспективы аллей и газонов. Общепризнанное очарование этих листов было столь велико, что уже современники Риго порой расшивали выпущенные им альбомы, чтобы, расправив сложенные вдвое гравюры, заключить их в рамы и украсить ими свои жилища. Эта мода на «раздирание» альбомов лишь усилилась со временем, и сегодня, пожалуй, с трудом можно найти целый экземпляр. В воспоминаниях А. Бенуа, относящихся к началу нашего века, можно найти эпизод, повествующий, как подобный альбом Риго был разодран и «иллюминован» от руки красками всем семейством мемуариста. Раскрашенные Бенуа — и не только им — гравюры ценятся у коллекционеров и сейчас.

Французские граверы семнадцатого и первой половины восемнадцатого века преимущественно пользовались смешанной техникой резца и офорта. Причем офорту — самому вольному, свободному виду печатной графики — отводилась чисто вспомогательная роль: им подготавливался лишь общий контур изображаемого, набросок, затем довершаемый правильными, строго рассчитанными штрихами резца. Возможно, здесь сказалось идейное влияние установок классицизма, стремившихся все упорядочить и все рассчитать. Но это влияние холодного рассудка оказалось бессильным перед жарким творческим импульсом художников юга: в Италии вершина пейзажного искусства была достигнута именно в офорте.

Случайно ли оба самых выдающихся итальянских гравера-пейзажиста родились в Венеции? Думаю, что нет. Гравюра в Венеции восемнадцатого века переживала заметный расцвет, особенно видовая[4]. Наплыв путешественников превратил островную республику в один из центров, куда стекались своего рода паломники — ценители искусства. Спрос на венецианские пейзажи необычайно возрос, как и спрос на репродукции с картин и фресок Тициана, Веронезе, Тьеполо и многих других художников, живших и творивших на берегах каналов-улиц. И вот уже в 1703 году появляются «Строения и виды Венеции», награвированные Карлеварисом (104 листа), затем «Большой театр живописи или виды Венеции» Доменико Ловизим (1720), а после — «Виды Венеции» и «Остров Венеция» Антонио Визентини (всего 58 листов) и «Виды Венеции» Микеле Мариески (1741 год: 21 лист, не считая фронтисписа). В этот же промежуток времени предприимчивый немец Йозеф Вагнер (он же Джузеппе Вагнер) открывает в Венеции мастерскую по воспроизведению в гравюре художественных памятников из дворцов и церквей «жемчужины Адриатики». Под его руководством работают молодые талантливые граверы — Джованни Вольпато, Доменико Кунего, молодой Франческо Бартолоцци, немало добавивший впоследствии к славе своей родины. Но все же ни один из этих замечательных мастеров, создававших своим творчеством особую атмосферу в городе, не достигли такой известности и не ценятся так у потомков, как выросшие в этой атмосфере Каналетто и Пиранези. (Хотя первый успех они как граверы нашли не у соотечественников.) Расскажу о них.

Антонио Канале (1697—1768), прозванный Каналетто, то есть «маленький Канал», родился в семье театрального художника, и в начале пути шел по стопам своего отца и учителя. Впервые мы встречаем их имена, совместно упомянутые, в либретто опер, шедших в театрах Сан Анжело и Сан Кассино в 1716—1718 годах. Это были блистательные постановки, музыку к которым писали Вивальди («Арсильда, королева Понта», «Коронация Дария»), Челлери («Пенелопа»), Орландини («Антигона»). В постановке восьми пьес принял непосредственное участие хрупкий юноша — начинающий художник Антонио Каналетто.

Но в 1719 году, заявив, что театр разочаровал его, надоел ему, и что больше он для театра работать не станет, Антонио уезжает в Рим, чтобы заняться там как следует живописью с натуры. Однако путь в большое искусство не так-то прост: вскоре Каналетто оказался вынужден вновь поступить в художники сцены. В 1720 году на Римском карнавале были представлены две оперы Скарлатти; в либретто обеих вновь упомянуты отец и сын Канале. По-видимому, Антонио был глубоко травмирован подобным результатом поездки. Вскоре он вновь возвращается домой в Венецию и в 1720 году вступает в гильдию Венецианских художников.

Здесь, на родине начинается долгий путь к мастерству и известности. В 1722 году мы застаем Каналетто в совместной работе с такими крупными живописцами, как Джованни-Батиста Пьяцетта, Марко Риччи, Питтони, над двадцатью четырьмя аллегорическими изображениями гробниц, увековечивших различных английских знаменитостей. Работа выполнялась по заказу и под наблюдением ряда англичан, проживавших в Венеции по долгу службы или ради собственного удовольствия. Среди них был и Джозеф Смит, которого его соотечественники именуют «великим коллекционером». Ему суждено было сыграть большую роль в творческой судьбе Каналетто.

Судя по переписке Смита, он начал покровительствовать художнику с 1730 года, когда впервые приобрел его холсты. К этому времени (а Смит поселился в Венеции в 1700 году), его коллекция была уже велика по объему и весьма известна. Сегодня она включена в состав коллекции английских королей и насчитывает пятьдесят первоклассных холстов, сто сорок три рисунка и пятнадцать чрезвычайно редких офортов Каналетто, не считая других гравюр. Печатной графикой Смит заинтересовался довольно поздно: в 1724 году по его заказу швейцарец Ж.-М. Лиотар, учившийся во Франции, награвировал несколько пейзажей Себастьяно Риччи. Но к 1730 году у Смита уже обозначился стойкий интерес к гравюре и тонкое понимание ее особенностей. Мастерская Джамбаттисты Паскуале, с которым коллекционер был знаком лично, поставляла для его собрания все новые и новые листы (разумеется, в наилучших отпечатках). В частности, именно у Паскуале были выпущены «Виды Большого Канала в Венеции», исполненные Антонио Визентини по оригиналам Каналетто из собрания Смита. Данную серию гравюр украшали портреты как художника, так и самого гравера.

Каналетто был в расцвете своих способностей, его талант полностью созрел, когда в 1744 году или чуть позднее он создает сюиту офортов «Ведуты, взятые с натуры и воображаемые», посвятив ее своему другу и покровителю Смиту, ставшему к этому времени английским консулом в Венеции. Гравюры Каналетто не похожи ни на чьи, они исполнены в совершенно своеобразной манере. Почти все пространство доски заполнялось им легкими, зыбкими, неровными штрихами, благодаря чему все изображение становилось как бы живым, чуть-чуть вибрирующим в наступающих после жаркого летнего дня сумерках. Как будто воздух, слоящийся в лучах садящегося солнца, сгущающийся и темнеющий в тенях, покрывал каналы, гавани и площади легкой дымкой, как матовым стеклом, за которым контуры храмов, домов, рыбачьих лодок и человеческих фигур то растворялись в мареве, то вдруг обретали необыкновенно четкий силуэт. Чистота и прозрачность, нежный поэтический настрой, задушевность в передаче повседневной жизни города-легенды — эти достоинства и сегодня выделяют офорты мастера среди работ подобного жанра. Всего в серию входит тридцать одна гравюра; есть в ней большие листы, есть и маленькие. Второе и последнее ее издание состоялось, по-видимому, уже после смерти художника. А всего за свою жизнь он создал только тридцать пять офортов, причем два из них существуют в единственном числе (в королевской коллекции в Виндзоре). Но и этого вполне оказалось достаточно, чтобы имя Каналетто заняло почетное место в списке офортистов всех времен.

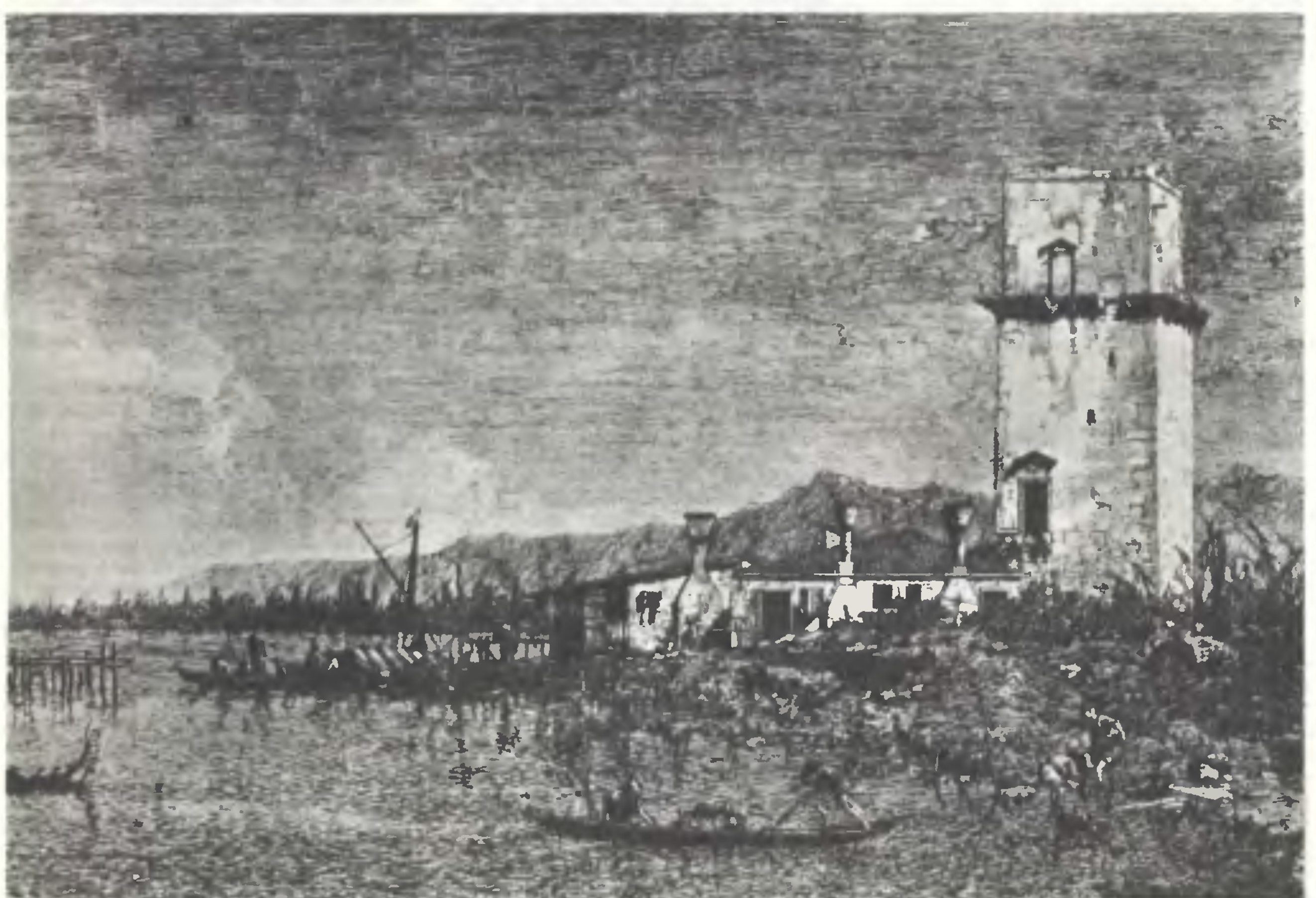
Уехав в 1746 году в Англию и проведя там почти десять лет, Каналетто по возвращении уже больше не гравировал, но только делал рисунки для последующего воспроизведения в гравюре. Знаменитая серия «Герцогские церемонии и праздники, которым посвящает внимание дож» награвирована Джованни Баттистой Брустолони.

Несмотря на то, что многочисленные иностранцы в Венеции охотно раскупали живописные и гравированные виды города, соотечественники не очень-то ценили пейзажистов такого рода. Слава пришла к Каналетто поздно. Лишь за пять лет до смерти он избирается в Венецианскую Академию. К этому времени его работы, прославляющие родину, уже были известны всей Европе.

Другой мастер офортного пейзажа, о котором следует здесь рассказать — Джованни Баттиста Пиранези (1720—1778). Родившись близ Венеции в местечке Мояно, он перенял у отца-каменщика как любовь к камню, так и неуживчивый и пылкий характер. Под влиянием старшего брата — ученого монаха Анжело, знатока греко-римской культуры, знакомившего будущего гениального гравера с историей погибших великих государств, Пиранези воспылал страстью к тем остаткам былой цивилизации, которыми полны земли Италии. У него возникло, как пишет его биограф Ж.-Г. Легран, «непреодолимое желание изучить и увидеть те знаменитые города, где было сделано так много великих дел, и рисовать их памятники, свидетели великого прошлого». Рим прошлого, отчасти скрупулезно восстановленный по его руинам, отчасти созданный безудержным полетом воображения, — навсегда становится основной темой его творчества.

Впрочем, пока что Пиранези прилежно изучает, измеряет, зарисовывает остатки величественных построек, какие только удается сыскать в окрестно-

Д. Б. Пиранези. Лист из сюиты «Виды Рима». Офорт. Собр. П. С. Романова.

А. Каналетто. Лист из сюиты «Виды Венеции». Офорт.

Д. Б. Пиранези. Развалины храма в Пестуме. Офорт. Собр. П. С. Романова.

Д. Б. Пиранези. Лист из сюиты «Тюрьма». Офорт. Собр. П. С. Романова.

стях. Он действует скорее как исследователь, чем как художник, да и особого умения рисовать у него еще нет. Но вот его отдают в помощники и ученики к дяде по матери — архитектору и инженеру водного магистрата Венеции Маттео Лукези. Вместе с дядей он участвует в проектировании и возведении монументальных сооружений — мостов, набережных, каналов. Одновременно он берет уроки рисунка и перспективы у венецианского живописца, архитектора и гравера Карло Цукки, а также самостоятельно и углубленно изучает творения великого теоретика архитектуры Палладио. Вряд ли участие в дядиной работе было столь уж велико, но Пиранези впоследствии гордился полученной профессией и часто подписывал свои работы: «венецианский архитектор». Несомненным и значительным его архитектурным предприятием было, пожалуй, лишь участие в реставрации церкви св. Марии Авентинской и аббатства Мальтийского ордена. Но это — уже в зрелые годы. А тогда, двадцатилетним, едва постигнув азы мастерства, он уезжает из Венеции — в Рим, о котором столько мечтал.

В Вечном городе он изучает не только грандиозные руины, порой причудливо сросшиеся с современными постройками, но и творчество предшественников — граверов-пейзажистов. В Риме той поры уже почти ничего не строилось, поэтому борьбе художественных направлений в архитектурном пейзаже не было места. Но архитекторы и театральные декораторы продолжали создавать в воображении грандиозные и небывалые постройки, а некоторые из них издавали сюиты своих проектов, награвированных порой с подлинным величием. Пиранези впитывал глазами бесчисленные композиции, созданные Паннини, Дукарелли, Белотто, Валериани, Галлиари, встречались ему, вероятно, и полотна его соотечественника Каналетто. Есть мнение, что какое-то время, числясь рисовальщиком при венецианском посольстве, он работал в мастерской известных художников сцены Джузеппе и Доменико Валериани и даже успел взять несколько уроков у их прославленного коллеги — Фердинандо Бибиены (ум. 1742). Энтузиазм молодого рисовальщика был беспределен. Рассказывают, что, посещая дом известнейшего офортиста, автора огромных видов Рима Джузеппе Вази, Пиранези просил его с ним заниматься, но вскоре, заподозрив, что Вази скрывает какие-то секреты мастерства, возревновал до такой степени, что пытался убить своего учителя. Впрочем, Вази был далеко не единственным мастером архитектурных видов, чье искусство Пиранези настойчиво изучал, чтобы затем превзойти. Но главным учителем остались священные камни древнеримских построек. «Эти говорящие руины, — писал Пиранези, — наполняют мою душу такими картинами, какие я не был бы в состоянии себе представить даже на основании таких точнейших рисунков этих руин, которые выполнены бессмертным Палладио... И так как нет надежды, чтобы современный архитектор получил возможность сделать хоть что-либо подобное им... у меня... не остается другого выхода, как выражать собственные архитектурные идеи лишь одними рисунками». Так, в сплаве впечатлений от римских развалин и собственных архитектурных мечтаний, рождались те полуфантазийные — полуреалистические композиции Пиранези, которые прославили его имя.

Однако, сколько известно, в эти ранние годы пребывания в Риме Пиранези не имел успеха, и, подобно Каналетто, был вынужден вернуться в Венецию, как раз в тот год, когда последний выпустил свою сюиту. Установлено, что на родине Пиранези посчастливилось учиться живописи у Джованни Баттисты Тьеполо. Тем не менее, достоверно атрибутированных ему картин мы не знаем; возможно, они существуют где-нибудь под именем Марко Риччи или Д. Панини, влиявших на стиль его архитектурных композиций.

Точно неизвестно, сколько времени провел Пиранези в родном городе, прежде чем снова набрался смелости, чтобы вернуться в Рим. Уже упоминавшийся владелец мастерской эстампов Джузеппе Вагнер помог ему и снабдил средствами для открытия в Риме подобной же лавочки, где Пиранези впоследствии не только рисовал и гравировал, но также реставрировал и продавал различный антиквариат. К этому времени первые отмеченные гениальностью работы — «Каприччи» и «Карчери» («Тюрьмы») — уже созданы. По-видимому, была начата и главная серия гравюр, над которой он продолжал работать всю жизнь — «Виды Рима». Теперь, наконец, к мастеру приходит успех, большой, настоящий. Сюита за сюитой продолжают выходить из его мастерской. В 1760-е годы его имя известно уже не только в Италии, но и во всей Европе, и богатые путешественники, посетители Рима, разыскивают его обиталище, чтобы приобрести такие необычные и привлекательные эстампы. В 1765 году сам римский папа возводит Пиранези в рыцарское достоинство. Пиранези работает как одержимый, его продуктивность — вне всякого сравнения: за свою жизнь им награвировано офортом около тысячи (!) эстампов. Причем главным образом это — детально, подробно проработанные листы большого формата. Многие из этих листов — плод не только пламенного воображения и верного глаза Художника; для некоторых изданий, например, для «Римских древностей» или «Различных видов Рима, как древнего, так и нового» Пиранези производил тщательнейшие обмеры, делал добротные подготовительные рисунки. После его смерти осталось огромное количество набросков, замыслов, осуществить которые довелось уже его сыновьям и дочери Лауре. В том числе пришлось им закончить и последний труд, начатый в год смерти, когда Пиранези вместе с сыном Франческо предпринял путешествие в Грецию, собирая материал для серии «Пестум», частично им самим награвированной. Похоронили мастера в церкви св. Марии Авентинской, им когда-то реставрированной.

Всего за Пиранези числится двадцать девять изданий различных наименований и различного объема. Они, разумеется, неравноценны. Резко выделяются необычностью ранние серии — «Каприччи» и «Тюрьмы». Хотя здесь, как и в дальнейшем, главным «героем» Пиранези является камень — то дикий, то обработанный человеком, но, пожалуй, нигде больше не проявился такой размах пленительной фантазии мастера, как в этих сюитах. Прихотливая, затейливая, изобретательная в первой сюите, обнаруживающей влияние Тьеполо, эта фантазия становится мрачной и величественной во второй, захватывая воображение зловещей и грандиозной символикой. Позднее, работая в Риме, Пиранези, хотя и добавляет выдуманные компоненты в различные архитектурные виды и даже изобретает таковые, все же его композиции не порывают больше до такой степени с реальной основой. Из последующих увражей на первом месте следует поставить «Виды Рима», насчитывающие в полном составе сто тридцать семь листов, и «Римские древности».

Художественность гравюр Пиранези неповторима и очень привлекательна. Ее секрет не только в мощном порыве фантазии и смелой, но гармоничной композиции. Особую роль играет травленый офортный штрих, которым мастер умел виртуозно пользоваться. Он не боялся резких контрастов, он соединял широкий, провально черный штрих с легкими касаниями офортной иглы, добиваясь неповторимой игры светотени, создавая легкие, полупрозрачные объемы. Такое сочетание как нельзя лучше передавало романтическую прелесть освещенных итальянским южным солнцем руин, поросших травой и кустарником. А маленькие фигурки занятых своей повседневной суетой человечков только подчеркивают величие зодчества и духа древних. Что ж, мы можем понять воодушевление Пиранези: ведь и нам нередко встречаются обломки цивилизации, некогда могучей и горделивой!

У Пиранези были последователи и подражатели, назову в первую очередь его сына Франческо, а также Луиджи Россини (1790—1857). Но тот эффект, которого умел достичь маэстро, владея как никто техникой офорта, оказался недостижим, и сравняться с ним никому не удалось.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. См. «В мире книг», 1987, № 7. Статья «Путеводители по времени и пространству».
2. Выпущенные, к примеру, Иеремией Вольфом.
3. «Регулярными» назывались парки, созданные в стиле французского классицизма, в отличие от «иррегулярных», порожденных духом английского сентиментализма и романтизма.
4. Виды Венеции всегда были обаятельны: еще в XVI веке их гравировали различные мастера, такие как Якопо Каральо или Джакомо Франко. Но восемнадцатый век увеличил число таких гравюр.

ЦЕНА И ЭТИКА

Пережив некоторое оцепенение от внезапно нагрянувших свобод, издатели понемногу раскручивают свой подзаржавевший маховик. Не все сразу и не так дружно, но все чаще мелькают сообщения об интересных новинках. Только вот где их купить... Об этом информация умалчивает — ведь так ничтожны тиражи. Один из читателей журнала даже предложил организовать для наиболее популярных книг специальные магазины. Наивно? Пожалуй, нет. Просто он правильно понимает значение слова «популярный» — не только пользующийся широкой известностью, но и общедоступный. Вот и мой первый вопрос к главному редактору издательства «Книга» И. А. Прохорову касался именно этой темы — как совместить два понятия — широкий спрос и общедоступность.

— Иван Александрович, многие книги с маркой вашего издательства быстро приобретают популярность. «Вечер» Ахматовой, сочинения Всеволода Иванова, грядет целая серия «Книжные редкости», сорокатомная «Пушкинская библиотека»... Сужу, увы, лишь по сообщениям прессы, на полках магазинов эти редкости вряд ли увидишь.

— Можно сломать себе голову в условиях острого бумажного дефицита, выбирая, что лучше — выпускать большими тиражами ограниченное количество изданий самых занимательных книг, или малыми — широкий спектр разнообразной, в том числе «элитарной» литературы. В подобной ситуации вряд ли можно придумать что-то радикальное. Поэтому поэтапное тиражирование книг, пользующихся наибольшим читательским спросом, едва ли не единственный выход. Можно по-разному относиться к общесоюзным издательским программам, но никто не станет отрицать, что это не мечты, а реальная попытка преодолеть дефицит. В эти программы продукция «Книги» не вошла, но поскольку целый ряд наших книг вызывает живейший интерес, мы будем их переиздавать, как это было в прошлом году с томиком Владимира Высоцкого «Я, конечно, вернусь...» — мы два раза дополнительно допечатывали его тираж. В нынешнем планируем повторить издание воспоминаний М. Белкиной о Марине Цветаевой и исследования М. Чудаковой о Михаиле Булгакове.

— Насколько я поняла, эти издания внеплановые. Где же отыщется бумага?

— Она также внеплановая — сэкономленная типографиями или купленная издательством у других владельцев, бумажных комбинатов в том числе. Надо только найти ее и заключить с печатниками договор. Бригады, которые начали действовать у нас в «Книге», включают сотрудников производственного отдела — технологов и «бумажников», знающих, где искать свободные полиграфические мощности и материалы.

— Что это, ваш бригадный подряд?

— Нечто вроде того. Бригады в таких случаях включают ведущих редакторов, других специалистов издательства, которые принимают участие в судьбе работы, взятой «на подряд», сверх нормы. Именно так готовится, например, репринтное издание «Вечернего альбома» Марины Цветаевой. Редактор таким образом получает возможность в большей степени проявить свои творческие способности, вкус. Тем более, что в нашем издательстве он уже не работает под многоступенчатым началом и контролем заведующего редакцией, заместителя главного редактора. Кстати, в первые годы советской власти этой должностной иерархии не было, существовал редактор. И никто не боролся за «повышение его роли в издательском процессе». Просто если редактор не умел работать «без страховки», он не был нужен. Ныне пять редакций «Книги» превращены в двенадцать творческих групп — по два редактора в каждой. Это позволило значительно расширить тематический диапазон издательства. Мы теперь можем всерьез заниматься исторической темой, выпускать культурологические справочники вплоть до путеводителя «Исторические кладбища Ленинграда». На основе труда известного этнографа Д. Зеленина «Очерки русской мифологии» готовится не имеющий аналогов справочник. В него войдет отпечатанный репринтным способом текст самой книги, снабженный подробнейшими аннотированными указателями — предметным, биографическим, именным. Читатель сможет узнать, кто же такие Русалка, Леший, Упырь...

Ахматовский «Вечер» ждал своего второго рождения — репринтного издания «Книги» — более семидесяти лет. Но, как заметил один из критиков, хуже от этого только нам с вами, — «репрессированные» книги не утратили своей духовной ценности. А вот публицистика ждать, как известно, не любит. Сегодня — это литература высокого спроса, которая просто не может быть плановой. И ее в нашем издательстве готовит группа оперативных изданий. В производстве находится книга «До приговора и после». Ее авторы, правдисты А. Г. Черненко и Г. С. Овчаренко, касаются болевых точек нашего общества: политической структуры, экономики, юриспруденции, нравственных проблем. Заказ книжной торговли на нее составил 105 тысяч экземпляров. А у нас есть уже договоренность на ближайшее будущее — с известными широкому читателю публицистом А. А. Нуйкиным и юристом Б. П. Курашвили.

— Когда мы узнаем о том, что такая-то фабрика начинает хозяйствовать по-новому, то с невольным опасением предполагаем: теперь на этом предприятии начнут «считать деньги». Стало быть, жди удорожения продукции. Наверное, и «Книга» считает деньги»...

— Безусловно. Оценить остродефицитную книгу по действующему прейскуранту, значит прямиком отправить ее на черный рынок. Поэтому стали в таком ходу договорные цены. Но их обоснованность тоже условна. Например, за томик Ахматовой мы «спросили» у покупателя два рубля пятьдесят копеек. А могли бы и пять — такой ажиотаж.

Наивно сейчас говорить о свободной конкуренции между издательствами. Например, между «Советским писателем», назначившим на «Белые одежды» В. Дудинцева цену в два рубля шестьдесят копеек, и «Книжной палатой», запросившей за этот роман почти вдвое больше. То и другое издание расхватали мгновенно, и, наверняка, заплатили бы дороже. Как, не сомневаюсь, возьмут сборники К. Бальмонта, О. Мандельштама, М. Волошина, на каждый из которых «Книга» намеревалась назначить цену в 25 рублей. Однако уже за первые тома серии «Из литературного наследия» — сочинения А. Белого и Вс. Иванова, — оформленные на высоком художественном уровне, снабженные подробным справочным аппаратом, мы решили взять соответственно 15 и 12 рублей.

Строго по номиналу пойдет в продажу публицистика. При ненасытности книжного рынка и сложившейся издательской монополии часто приходится руководствоваться соображениями нравственного порядка, профессиональной моралью, хотя все это и лежит за пределами экономики.

Когда наше книгоиздание сравнивают с зарубежным, можно услышать, что «там» именно законы рынка будят в издателях демократические начала при выборе объектов для тиражирования. Однако под рынком почему-то подразумевают диктат потребителя, забывая, что «у них» спрос не только изучают, но широко и умело формируют. Не только приноравливаются к покупателю, но и

активно направляют его интересы. Называется это еще необиходным у нас словом «маркетинг». И хотя здесь видится соблазн поэксплуатировать нередко невзыскательный вкус читающей публики, зато какой простор для развития читательского кругозора, эрудиции. Это к слову о профессиональной этике...

— Кстати, сейчас, когда происходит расширение международных книгоиздательских связей, что бы вы, решив «приноровиться» к вкусам зарубежного читателя, ему предложили?

— Честно говоря, у нас смутные представления о его интересах. Мы плохо знаем свои экспортные возможности. Общение с коллегами из других стран идет, в основном, через посредничество объединения «Международная книга», организации, к сожалению, до сих пор малоповоротливой. К тому же она плохо изучает и наш рынок и зарубежный. Значит надо самим выходить на прямые контакты с иностранными фирмами. Кое-какие шаги уже делаем, но определенно говорить о конкретных результатах пока рано.

— И несколько слов о планах самых сокровенных.

— «Книга» намерена взять... «Книгу» в аренду.

Беседу вела
Е. НИКОЛАЕВА

ЗАПИСКИ СТАРОГО КНИГОЕДА

М. ОСОРГИН

Еще профессор П. Н. Берков, много поставивший для пропаганды лучших достижений отечественного библиофильства, не однажды говорил, что есть целый пласт, огромных материк русского книголюбительства, к сожалению, неведомый пока советским специалистам. Имелось в виду зарубежное (прежде всего европейское) русское книголюбительство 1920—1930 гг. Ученый намеревался посвятить этой проблеме самостоятельную работу, активно подбирал нужные материалы. Смерть помешала осуществить оригинальный замысел. Если бы труд П. Н. Беркова был написан, мы встретили бы на его страницах имена С. П. Дягилева, С. М. Лифаря, Ю. Б. Генса, Ю. С. Вейцмана, Н. В. Зарецкого, Л. С. Багрова, Я. Б. Полонского и многих иных. Но безусловно, одна из центральных глав была бы отдана Михаилу Андреевичу Осоргину.

Авторитет Осоргина в московской ученой и художественной среде помог в создании книжной лавки писателей (сентябрь 1918—1922 гг.). По ее образцу возникли вскоре лавки в Петрограде и другие подобные лавки в самой Москве. С помощью таких кооперативов литераторы получали средства к существованию в тогдашних суровых условиях хозяйственной разрухи. Среди пайщиков писательской лавки, помимо Осоргина, были искусствовед П. П. Муратов, поэт В. Ф. Ходасевич, филолог Б. А. Грифцов, философ Н. А. Бердяев, историк А. К. Дживелегов, беллетристы А. С. Яковлев, Б. К. Зайцев и др.

В 1921 г. режиссер Е. Б. Вахтангов обратился к М. А. Осоргину с просьбой перевести в стихах пьесу Карло Гоцци «Принцесса Турандот». Михаил Андреевич переводил и других итальянских драматургов (например, К. Гольдони, Л. Пиранделло), пьесы которых шли в разных театрах, но славу принесла именно «Принцесса Турандот». В блестящей постановке Вахтангова она не сходила со сцены долгие годы. До сих пор знаменитый спектакль вахтанговцев (правда, в несколько измененном виде) идет с указанием имени переводчика на афише...

Несмотря на бытовые и иные неурядицы, М. А. Осоргин много и плодотворно работал, строил планы на будущее. Неожиданно все оборвалось. Осенью 1922 г. ему, как и большой группе московской интеллигенции (профессорам, писателям, инженерам, агрономам и др.) было предложено срочно покинуть Россию — через Петроград, пароходом в Германию. Идея этой высылки принадлежала Л. Троцкому. За границу вынуждены были уезжать люди, далекие от политики, в расцвете своих духовных сил, готовые сотрудничать с новой властью. Правда, им было обещано, что года через три они смогут вернуться, но обстоятельства сложились так, что пришлось остаться за рубежом навсегда.

Год провел М. А. Осоргин в Берлине, а в конце 1923 г. перебрался в Париж. Во Франции застает его вторая мировая война. Вступившие в столицу гитлеровцы сначала осоргинскую квартиру опечатали, а потом разграбили — погибли архив и библиотека. Спасаясь от оккупации, Михаил Андреевич с женой покинули Париж и остановились в маленьком городке «свободной зоны» — Шабри. Тяжело воспринимает М. А. Осоргин весть о вероломном нападении фашистов на СССР. Не выдержав лишений и нервного потрясения, вызванного войной, он умирает в Шабри 27 ноября 1942 г. «Заметки старого книгоеда», которые готовит к печати издательство «Книга», выходят отдельной книгой впервые. О ее характере дают представление помещенные ниже отрывки.

...Позвольте рассказать об одном собственном моем сокровище, хотя многие могут и смеяться, сказав: вот так книжка! Я же, будучи, думаю, единственным ее обладателем, так как нет ее больше ни у кого во всей России, и никто ее не описал, действительно очень горжусь. А впрочем, содержание ее небезлюбопытно для дам и деаиц, обладающих недостатками лица, как то: вялая кожа, веснушки, прыщи и пр. Называется книжечка «Щеголеватая аптека, или Туалетные препараты», издана в 8-ю долю листа в г. Костроме, в Вольной типографии Н. С., в 1796 году. Упомянута у Сопикова и у Смирдина, однако не совсем верно, потому что вряд ли кто ее видал; названа же «редким провинциальным изданием», каковым и была даже 123 года тому назад, когда Сопиков напечатал свой «Опыт Российской библиографии».

«ЩЕГОЛЕВАТАЯ АПТЕКА»

Нынешний сочинитель, даже и романов, не всегда представляется читателям в предисловии, как того требует вежливость; раньше же было это обязательным, и всякий старался сделать это с изящным поклоном и в отборнейших словах. Обычай тот был прекрасен, в чем удостоверяемся, например, прочтением нижеследующего обращения составителя нашей «Щеголеватой аптеки».

Прекрасному полу!

Примите сию книжку. Она Вам приносится от всей моей искренности. Она хотя и мала, но важность ее кажется для меня великою, потому что служит некоторым образом к сохранению красоты Вашей. Желаю, чтоб успешные опыты произвели ее достойною приятного воззрения Вашего. Тогда б была она драгоценна, а я бы остался с совершенным удовольствием.

Автор

Далее же начинаются советы, как составлять разные воды и притирания, каковые рецепты мне всех не изложить, но некоторые отмечу в точности с подлинником. Напечатаны они приятным шрифтом, где буква «т» еще в три палочки, на манер нынешнего «ш», а каждая страничка окружена рамкой из звездочек, чем достигается старинная красота.

Бабушки наши не менее нынешних правнучек дорожили прекрасной мягкостью кожи, хотя не было тогда нынешних институтов красоты, никто не резал кожи близ уха, чтобы подтянуть морщины, свойственные возрасту, и лица утюгами гладить не умели. Надеялись же на чудное последствие правильно составленных притираний, каковые, однако, смываали поутру, а не оставляли на лице на позор. Не красили и губ жирным и весьма вредным составом, так что издали все молоды и свежи, вблизи же здорового человека берут ужас и тошнота. Что до мазей, притираний и душистых вод, то делали их не из нынешних нечистот, а дома из настоящих трав с прибавлением того, что указано старым опытом и советами хороших аптекарей. Вот например:

«Личная датская вода, называемая голубиной водою. Возьми следующих вод, известных в аптеках: воды травы нюфаровой, воды бобовой, воды дынной, воды огурешной и соку лимонного, каждого по одному унцу. Прибавь к тому травы брионии, дикой цикории, цветов лилейных и цветов бобовых по горьсти. Потом заколи семь или восемь белых голубей, отдели головы и па портки; прочее все изруби весьма мелко и положи в кубик вместе с вышеописанными вещами. Закрывши кубик, оставь на четыре недели настаиваться.

По прошествии же сего времени перегони обыкновенным образом, воду же от перегонки храни в удобных сосудах для употребления. Прежде употребления сей воды должно притираться следующим: возьми горячего мякиша ячменного хлеба четверть фунта, четыре яишных белка и бутылку уксусу, смешай хорошенько и прожми сквозь редкую холстину. Употребление обоих сих притираньев чрезвычайно очищает кожу, делает нежною, белит и противляется морщинам».

И замечательно как не жалели затраты труда, причем требоаалась большая точность при немалом расходе. Восемь белых голубей достать еще трудно. В иных же советах предписывалось взять «речной воды, которая с мельничных колес падает» или же сделать щелок из ста пчел, вымоченных в бутылке французского вина, и держать настой в горячем лошадином навозе. Была такая личная помада, для которой было приказано в нашей книжечке:

«Возьми тринадцать бараньих ног и шесть говяжьих, мясо и оных очисти хорошенько, выбери одни только длинные позвонки, а протчее брось, положи в новый глиняный горшок, налей воды и вари, нечистоту и накипь снимай бережно серебряною ложкою. Прибавь к сему равное количество сала с кож молодых козлят» и пр.

Требовалось иной раз припасти майского молока от черной коровы, молодых виноградных побегов, приятных и пахучих трав и всяких специй..., а иной раз даже «тертого хрусталю».

Из всего этого изготовлялась для бабушек наших пудра для волос, помада от морщин и губная, «помада для рощения волосов» и для «изгоняния волосов излишних», порошок «чистить весьма черные зубы», «небесная вода», «лавенделевская вода для напрыскивания», «ангельская вода, имеющая благовонный запах», курительные свечки, разные мыла, «английский пластырь» и всевозможные притирания для лица, «изтребляющие на оном разные пятна».

Как и ныне, нелегко было тогдашней женщине сохранять всегдашнюю красоту и свежесть. Нужно было и кожу иметь белой, и руки нежными, и пахнуть приятно. О табачном дыме и думать не могли дамы и девицы — никто бы замуж не взял и жить с такою не стал. В книжечке нашей есть и такой краткий рецепт:

«От дурного запаху во рту. Ложась спать, положи в рот с орех величиною мирры, и чтоб она в роту распустилась».

Перед текстом заставка — куст живых цветов, а по тексте концевка — рог изобилия в виде как бы вазы, а кругом виноградные грозди, оглавление же заключается малым букетом.

Книжечку эту храню бережно у себя, но придет время — сам ли отвезу, либо отвезти завещаю обратно на родину, чтобы не пропала такая ценность. Пока же тянется здесь, на чужбине, одинокая жизнь старого книгоеда, перевязанная ленточкой, потому что нет у меня ни детей, ни имущества, ни лучшей привязанности, как старая русская книга.

Иной имеет счастье гулять в садах за пределами города; мне же, сидя в комнате и вдыхая городскую пыль, пропитанную бензином, все же иной раз представляется, будто тянет ко мне от малой книжки «Щеголеватой аптеки» и цветком розмарина... и алоиным деревом, и ладоном росным, и гвоздичным стебельком.

Так что уж не посетуйте за подробное книжечки описание.

ТУТ ВЗВОЛНУЕТСЯ СТАРЫЙ КНИГОЕД

К благородным же книжным редкостям отнесу и записку «Об уничтожении телесных наказаний в Российской империи и Царстве Польском», написанную князем П. А. Орловым в 1861 году; у книголюбов она встречается в оттиске из журнала «Русская старина».

Мы очень любим вспоминать о нашем «добром старом времени». И правда, к тому времени уже перестали в России рвать ноздри, каковая мера наказания незадолго перед тем еще включалась в карательную систему. Однако драть — драли, и даже говорит князь Орлов: «...У нас бьют всякого, кто только дает себя бить». Сам же он, князь и автор статьи, держался того мнения, что «в России можно обойтись и без плетей и без смертной казни». И считал, что такие меры не только вредны и безнравственны, но и унизительны для нашей страны.

Сколько господ профессоров защищает смертную казнь? Не во всей ли Европе убивают по суду человека? Не вы ли, читатель, выносили свой протест «против безрассудных казней», тем самым как бы утверждая возможность казней по суду? Нет, рано нам забывать благородных мыслителей и смелых писателей!

Нам, книжникам, волноваться не годится; мы с мудрым спокойствием подходим к старой книге, стараясь забыть о злобах дня сего. Но бывает, что невозможно удержаться.

Главное — что нам грустно? Вот писали люди в разные времена хорошие мысли и слова, и ценилось это, и читалось, — а мир все на том же месте топчется, и скучно нашей человеческой совести — томится она и покрывается ржавчиной.

Извиняясь за настоящее отступление, постараюсь закончить мои заметки более веселым и вполне общедоступным, как бы имея в виду всякому человеку необходимый дивертисмент.

КАК НУЖНО НЮХАТЬ?

По поводу слова «табак» выше вспомнилась мне редкая книжка конца позапрошлого века (1788) в двух частях: «Отрада в скуке, или Книга веселия и размышления». В ее предисловии сказано: «Книга эта из числа таковых, которые по разнообразию и приятному содержанию научают, увеселяют и даже смешат. Она похожа на английский сад, в которых сверх чаяния встречаются поразительнейшие предметы».

И вот в этой книге, на странице 47, напечатано наставление по части «табачной экзерцицин», касающееся, впрочем, не папиросы или сигары или же трубки, а нюханья, по тем временам очень распространенного, ныне же почему-то забытого, хотя, при наличии хорошей табакерки и если положить внутрь «малинку», приятности, по нашему мнению, не утратило. И дает аатор книги такие советы нюхательщикам:

1. Возьми табакерку в правую руку;
2. Переложи в левую;
3. Постучи по табакерке;
4. Открой табакерку;
5. Потчевай из табакерки;
6. Прими табакерку назад;
7. Сровнн табак в табакерке, постучав по ней;
8. Понюхай табаку правой рукой;
9. Держи табак несколько времени а перстах, не нося его к носу;
10. Поднеси табак к носу;
11. Нюхни вдруг обеими ноздрями, не кривляясь;
12. Закрой табакерку, утирайся, харкай, плюй, сморкайся в красный платок.

Вот так двенадцать заповедей! А про то, чтобы чихнуть — забыто!

УСТРИЦЫ

Как известно, в «Путешествии...», в шестой главе, Радищев не только осыпал благородным негодованием Потемкина, любимца императрицы Екатерины, но и о самой государыне позволил себе заикнуться, чем вызвал ее гнев и снискал себе самому погибель.

И вот какую критику написала сама императрица на книгу злосчастного сочинителя:

«Намерение сей книги на всяком листе видно; сочинитель оной исполнен и заражен французским заблуждением, ищет и выищивает все возможное к умалению почтения к власти и властям, к приведению народу в негодование противу начальников и начальству.

Он же едва ль не мартинист или чего подобное знание имеет довольно и многих книг читал. Сложение унылого и все видит в темночерном виде, следовательно черножелтого вида. Воображение имеет довольно, и на письме довольно дерзок».

Очевидно — весьма изволнли разгневаться, потому что обычно изволили писать гораздо грамотнее!

И из-за чего все вышло? Лишь из-за того, что сказано про Потемкина, будто «пристрастился он к устрицам, как брюхатая баба: спит и видит, чтобы устрицы кушать; когда приходит пора, то нет никому покою».

Из-за подобного пустяка — погиб человек! Вы же, любезный читатель, эти устрицы кушаете, и никто вас не осуждает, и никто через это не может жестоко пострадать.

Откуда следует, что времена переменились много к лучшему.

ОБ ИЗЯЩЕСТВЕ НРАВОВ

Во днн, от наших времен удаленные, было этакое особое изящество нравов. То есть, конечно, и секли, н четвертоаали, и вымогательствовали, но в этом не было большой разницы со временами настоящими, потому что голове-то все равно, рубят ли ее топором на бреане, или жи отчикивают точным научным инструментом. И нечего грех таить — таскали жен за волосья и младенцев учили битием нещадно. Но зато ежели накатывала на человека голубая волна любви, то внешне он проявлял это в выражениях, супротив нынешних гораздо тончайших.

Современных поэтов читаешь — и диву даешься, до чего их чувства открыто неумеренны. Чуть что — сейчас ему нужно совлекать нежно-журчащий шелк ее одежд, и, лба не перекрестивши, немедленно физически изнуряться, и все это публично описывать. Я, — говорит, — от страсти изнемогаю, и наши, — говорит, — потрескавшиеся от жара губы потребовали соединения. А прилично ли такое обнародовать?

Между тем старинный молодой человек, естественно воспылав, сдерживался и старался действовать уместным тонким комплиментом. Как раз я нашел в старом журнале стихотворение, автор которого неизвестен, но предположительно это — поэт Шаликов, ибо его стиль. И вот какие прекрасные по изящной умеренности строки восхищения:

В окне за стеклами у вас алела роза,
Я думал, это вы, и поклонился ей.

Лучше не скажешь! Как бы: «Разрешите лишь мимоходом и издали поддаться невольному восхищению несказанными прелестями». А не то чтобы тут же броситься на предмет любви и проявить непохвальную несдержанность натуры, что на женщин воспитанных производит отталкивающее впечатление, хотя иногда и завершается победой.

Другая человеческая черта — искренняя признательность и благодарность. И она в наше время встречается реже: норовят использовать, ничем не отблагодаривши. Уснуло чувство признательности, обуяла человека ненасытная жадность!

НЕ ЗНАЛА «ПРОКЛЯТИЯ КНИЖНОСТИ»

Однажды наблюдательный человек нашел в ней сходство с Жанной д'Арк.

Людмила Борисовна Магон была просветителем по призванию, вернее, просветительство было одним из ее призваний. Уникальная библиотека, любимое детище, вобрала в себя все интересы.

В начале пятидесятых годов Людмила, дочь агронома-садовода, прошла отличную филологическую школу в семинаре профессора Юлиана Григорьевича Оксмана, известного историка литературы и текстолога. (Саратов был ему назначен для проживания после мест более отдаленных). По ее дипломной работе о Чернышевском и политической платформе «Молодой России» в университетских изданиях были опубликованы две статьи.

В г. Марксе, куда она поехала по назначению, после первых лет учительской страды вокруг нее начал стягиваться кружок друзей. Она была погружена в так называемую внеклассную работу: кружок, факультатив, дальние походы со старшеклассниками (сначала — на велосипедах, позже — на мотоциклах) — в Константиново, Лермонтово, Белинский, Болдино, Спасское-Лутовиново, Орел, Ясную Поляну. Походы всегда продумывались, им предшествовала основательная подготовка руководителя и всех участников.

Домашняя библиотека служила. Топорщилась закладками, на полках лежали конспекты, четвертушки бумаги с выписками, планами лекций. Не только сама Людмила Борисовна постоянно ими пользовалась, но и коллеги, знакомые, ученики.

Статья Л. Магон «Факультативные занятия по лирической поэзии» (опубликованная в журнале «Литература в школе», 1970, № 3) позволяет судить не только о группе ее старшеклассников в 12—15 человек, посещавшей факультатив, но и о серьезности занятий вообще. Ученики получали обширную библиографию, от отдельных статей до монографий и мемуарной литературы. Десятки книг доставались с полок, годами ходили по рукам. Людмила ввела в обычай музыкально-литературные вечера — стихотворения Тютчева, Фета проникали в душу с музыкой русских композиторов.

Без книг она не мыслила себе жизни, но при этом вовсе не знала «проклятия книжности», не была тем, кто называется «книжной душой». Еще в отрочестве ей полюбились слова Гейне о нежелании «разменивать чистое золото созерцания на бумажные деньги книжных определений».

Со временем в ее библиотеке появились руководства по езде на мотоцикле, «Умелые руки», «Учебная книга цветовода», «Резьба по дереву».

Работая в Марксе, она не теряла связи с университетом, появлялась на интересных докладах на кафедре, на концертах. Тогда не было асфальтированной дороги в Маркс, автобусы ходили редко. Снегопвд моментально останавливал движение. Нельзя было опаздывать на работу; ей случалось в мороз под тридцать градусов и ниже, когда «ничто не летало и не ехало», на лыжах ночью возвращаться из Саратова в Маркс. Рассказывали о волках. Она отшучивалась.

Библиотека — это богатство. Как удавалось учительнице собирать свои сокровища? Отец, которого она очень любила, умер. После него осталась добрая, уважительная память и никаких сбережений. Быт в Марксе: дом без водопровода, воду тогда возили с реки и только несколько лет назад стали брать из колонки. Печное отопление, всегдашняя забота о дровах и угле, которые нужно купить, привезти, распилить. Из одежды не покупалось ничего сверх необходимейшего. Каждая вещь носилась долгие годы; для работы — костюм из самых дешевых; зимой стеганки и брюки, удобные для мотоцикла. Голубые глаза смотрели из-под неизменной серой шапочки с козырьком.

У моря она побывала впервые еще студенткой — нанималась в противофилоксерную экспедицию на крымские виноградники, летом ездила в Одессу и Аккерман. Поездки были голодные; жила на юге помидорами, абрикосами на копейки. Однажды любовь к морю и жажда нового заставили ее искать работу в Крыму. В хороших местах, на Черноморском побережье, вакансии не оказалось, нашлась только в селе Мысовка, на некурортном азовском берегу. Она писала оттуда, как они с сыном пристрастились к рачкам и сушеным бычкам, как по вечерам уходили гулять, оставляя свой домик ярко освещенным, и когда возвращались, только он один светился на всем побережье. В мысовской 11-летней школе Людмиле Борисовне удалось проработать только год: туманы, стоявшие там большую часть времени, были вредны ее ребенку. Но еще только пробуя эти места для жизни, зная, что там, возможно, не удастся закрепиться надолго, она все же не могла обойтись без хотя бы части своих книг и повезла с собой тяжеленные ящики. А Маркс стоит в стороне от железной дороги, и Мысовка тоже.

Она вернулась. Была назначена инспектором районо и стала объезжать на казенном мотоцикле школы марксовского района. Приносила в новой должности всю пользу, какая была возможна; однако при абсолютной добросовестности, относилась к ней с долей иронии, ценила только поездки и преподавание в старшем классе. В это время появилось ее полное ликования стихотворение «Дорога» (дорога — не из главных ли вдохновляющих тем ее жизни?)

Прекрасное стихотворение Бориса Слуцкого «Романы из школьной программы, На ваших страницах гощу...» она выговаривала так, будто сама произвела на свет эти строки, как свое кровное и заветное. Она была неспособна замазывать кричащее противоречие между лозунгами тех лет; официальщиной — и жизнью, практикой. Как заветное и кровное любила и приводила не раз слова Бруно Ясенского из романа «Заговор равнодушных»: «Не бойся врагов, они могут только лишить тебя жизни. Не бойся друзей: они могут только тебя предать. Бойся равнодушных, ибо лишь с их молчаливого согласия существуют на земле предательства и убийства». Однажды публично вступилась за повесть «Один день Ивана Денисовича».

Не могло не последовать увольнение с должности инспектора. Хотя завгороно, знавший цену своему работнику, не раз подписывавший ей блестящие характеристики, уволил ее «по семейным обстоятельствам», на нее легло клеймо. Было решение не допускать ее к преподаванию.

Людмила сделала попытку вырваться из Маркса. Она уехала в Тарханы и в течение года работала в музее экскурсоводом, научным сотрудником. На этот раз библиотека оставалась в Марксе; ее верно стерегла мать, Елизавета Даниловна. Ее пенсии едва хватало на хлеб, но ей никогда не приходило в голову продать что-нибудь из книг дочери, она гордилась ими.

Из тарханских писем:

16.XII. 70. «...Вот жизнь пустынников святая. Ходим в музей низом, прудами. Зима здесь сказочная, древнерусская, картинная до неприличия: ни на минуту глаз не оторвешь. То иней в два пальца толщиной, то идут белые тихие снеги. Морозов больших пока нет. Все белымбело, а деревья изгибаются под тяжестью снегов. Сосны шишкинские, прикочевав-

шие с севера дикого. По парку страшно ходить: как в опере».

1. vi.71. «... У нас в разгар экскурсионного сезона, что практически означает от трех до шести экскурсий в день. Я и Володя Наумов (он вернулся насовсем) водим дольше всех из-за нелюбви принципиальной и эмпирической к стереотипам, поэтому к концу дня напоминаем пустополостных: абсолютно полые, выпотрошенные, приходим, ставим концентрат на плитку и бултыхаемся в пруд. Володя называет эту водную процедуру «принять пруд». Принимаем дважды в сутки: до и после работы, а пищу единожды, на ужин, т. к. по утрам довольствуемся кофе и сигаретами.

Принимаем, в связи с режимом питания и загрузки, ажурно-астральную конфигурацию, чем не огорчаемся. Когда на работе кто-нибудь в 10-минутный разрыв потока говорит робко о еде, Володя басом изрекает что-нибудь презрительное о томлении плоти и суете сует, на этом и успокаиваемся.

Доцветает сирень, пылят дороги, и жизнь приобретает мутно-пыльный колорит».

Экскурсии Людмилы Борисовны ходили слушать сотрудницы музея, потому что она каждый раз рассказывала новое. Но за нею «шла телега»... и немыслимо было жить на два дома с зарплатой экскурсовода.

В лучшие периоды жизни излучение внутренней силы придавало ей спокойное достоинство. Но из Тархан она приехала больной, униженной, сломленной. Судьба бывает иронична: появилось ощущение своей ненужности... Ее терзает чувство вины перед матерью и сыном. Тоскует по преподаванию литературы. Убивает быт, топка (сколько пудов угля перетаскала она на себе?). От ее настойчивости, от боевого духа, чудесно служивших ее педагогическим замыслам, не оставалось и следа, когда нужно было отстаивать себя, свои права; только уязвимость и беззащитность. «Запредельная нищета...» — вырвалось у нее однажды.

«Жаль, что нельзя жить так просторно и естественно, как течет река», — писала она на пустынном берегу Волги, сравнивая себя с баржой, медленно меняющей курс у нее на глазах.

Отрешиться от всего можно было только на мгновения. Горе не отпускало, и теперь это было детское горе, которое она увидела, став воспитателем спецшколы.

Спецшкола, по словам Людмилы Борисовны, «вежливое маскировочное название детской тюрьмы».

Сколько могла, мешала избивать детей, морить голодом, морозить. Среди известной породы «воспитателей» была инородным телом и постоянно выдерживала схватки с бездушной злостью, постоянно получала уколы и раны.

Организовала в своем отряде ПиМ — кружок поэзии и музыки, начала учить детей играть. На ее некрасовском вечере, любовно подготовленном и удавшемся, заезжий столичный инспектор был поражен выступлениями учеников — их уровнем. Когда Людмила дежурила с раннего утра и должна была поднимать детей в морозной, облезлой казарме, она будила их звуками мандолины.

Как непросто было искать ключ к этим детям. Она его находила, и дети тянулись к ней.

В письме от 22 августа 1973 года рассказывает, как неожиданно, без всякой необходимости, выпестованный ею отряд расформировали, разбросали по трем другим, а ей дали новый: «Распроданы поодиночке!.. У меня нет никакой адаптации к привычному злу. Оно колется и жалит постоянно, а кожа, вместо того, чтобы задубеть, становится все чувствительнее».

На четвертый год работы в спецшколе во время отпуска, полученного в неудобном феврале, она начала писать повесть об этом учреждении: «...подперло, подошло, под самое горло, непременно надо выговориться... Сейчас я вроде перенасыщенного раствора на стадии кристаллизации. Пока не думаю, на какой предмет пишу... Лишь бы выговориться сполна, точно и честно. Я давно знаю, как вредны и относительны полуправды».

Рукопись — 35 густо исписанных листов поражает отсутствием помарок: действительно, хлынуло на волю долго сдерживаемое.

Приведу из рукописи большую цитату — о миссии «книгоноши» (именно в спецшколе закрепилось за ней это прозвище!): «Воспитатель приходил на работу с огромной сумкой, набитой книгами. Сам себя, посмеиваясь, называл коробейником, книгоношей... В учительской всегда толпились ребята около заветных полок, и это всех раздражало.

Теперь станет тише. С уходом воспитателя исчезнут многие раздражители, докучавшие его коллегам. Не сразу, конечно, но постепенно исчезнут и следы его влияния, — разлагающего, тлетворного, как им кажется, губительного для дисциплины, порядка. Кроме личности самого воспитателя, книжки все же раздражают их сильнее остального. Книги, как дым или запах, распространяются повсюду: их находят спрятанными под матрацы и подушки — непорядок! Снимают баллы. Они громоздятся тоненькими стопочками или увесистыми булыгами томов Майн-Рида, Жюля Верна на подоконниках у старших ребят — не положено! Снимают баллы. В спальнях нельзя хранить книги, нельзя их там и читать: по единому режиму и распорядку, принятому в спецшколе, «работе с книгой» (есть такая официальная графа) отводится один день в неделю. Естественно, не весь день, а два часа одного дня. Так было два года. На третий год работы воспитателя в спецшколе часы «работы с книгой» просочились струйками еще на два дня. Не без причины коллеги его отнесли это новшество за счет раздражавшего их воспитателя: книжное заполонение спецшколы ведь связано с ним! Книги плодятся быстро, как тараканы. Уже читают в столовой (неслыханная вещь!), дожидаясь команды: «Приступить к еде!» Читают украдкой, стоя на линейке, когда она затягивается томительно долго, а слабых, случается, выносят в обмороке (это летом; зимой бодрит холод). Читают на уроках, на переменах, в санчасти, и на постах, где воспитанники из ЮД (юные дзержинцы) подменяют «дубаков», то есть надзирателей, режимников. Читают в клубе во время беседы или другого дежурного «мероприятия» с дружиной, которому дружина (220—230 человек) каждое воскресенье еженедельно подвергается три— четыре часа.

Нельзя сказать, чтобы с книгами не вели борьбу. Ведут, и очень последовательную! Например, надзорсостав, «Дубаки», или надзиратели, часами сидя на постах в безобразных надзирательских будках, чрезвычайно похожих на будки собачников, поставленные на торец, — скучают. Они рады перехватить любую книжонку, детскую или взрослую — безразлично, лишь бы она оказалась занимательной». (Следует сценка такого перехвата и портрет «дубака» по прозвищу «Хрящ», «самого пылкого охотника за чужими книгами»).

Приобщая своих мальчишек к книге, она создавала просветы в их черной жизни, точно насосом перекачивая в них духовное богатство из своей библиотеки, из своего сердца. Глубокая подоснова ее сдержанной иронии, уверенного писательского слова — любовь и непреклонность духа.

...Ее похороны кое-кого в Марксе удивили. Они были подлинно массовыми, за гробом шла толпа, протянувшаяся на несколько кварталов. Шли ученики и друзья разных поколений, приезжие из Саратова и области, из Москвы. (Насчитали 35 венков и сбились со счета). В последний раз вспыхнуло богатство человеческих связей, по которым она тосковала.

Р. РЕЗНИК

Привет! Мы открываем новую рубрику — «СТУДИЯ-99». Ее гостями будут молодые, но уже смело и интересно заявившие о себе — писатели, композиторы, музыканты, кинорежиссеры, поэты, артисты, режиссеры драматических театров, модельеры, ученые, журналисты, дипломаты, политические деятели. Те, кто талантлив, оригинален в своем творчестве и не боится идти непроторенными путями, чьи имена еще не очень хорошо известны широкой аудитории. Мы не только познакомим вас с ним, но и дадим высказаться приглашенным в студию гостям по наиболее волнующим их вопросам.

Путь к признанию, успеху всегда непрост, а порой трагически труден. Может быть, в чем-то мы поможем им, уверены, что и они много смогут дать нам, — необычность, неординарность, непривычность их взглядов и поисков, уверены, расширят наши горизонты.

Вести эту рубрику буду я, журналист Владимир Котыхов. Образование высшее, факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, вечернее отделение, родился в Москве, сразу после школы работал почтальоном, лаборантом в одном из бесчисленных НИИ столицы, затем телевидение — ассистент режиссера. После того как в 1984 г. закончил университет и по сегодняшний день — редактор отдела литературы и искусства еженедельника «Говорит и показывает Москва». Печататься начал с 1985 г. Первая заметка, небольшая рецензия на книгу чудесного человека театра М. Кнебель появилась в журнале «В мире книг», 1985 г., в № 12. Рецензия была чуть ниже среднего уровня, но я необычайно гордился этой публикацией и показывал ее всем родным, близким и знакомым (больше я никогда этого не делал). Прошло время, статьи и заметки печатались в массовых и специализированных изданиях, журналах «Советский балет», «Театральная жизнь», «Телевидение и радиовещание», «Музыкальная жизнь», Вестнике АПН, выступаю и на страницах своего родного еженедельника. Но особые чувства, благодарности и признательности, продолжаю испытывать к журналу, первому предоставившему свои страницы и поверившему в мои силы, журналу «В мире книг».

Кажется, с официальной частью покончено и можно начинать. Что ж, попробуем.

ТЕАТР МОДЫ

ВАЛЕНТИНА ЮДАШКИНА,

где основное действующее лицо он сам, со своей открытостью, красочной роскошью эскизов и моделей; яростным трудолюбием, сияющей, белозубой улыбкой в пол-лица, изобретательностью художественной фантазии, простотой, безукоризненным вкусом и нежностью.

Как одеваются модельеры? Задавал я себе этот вопрос, направляясь на встречу с ним. Из всех ныне здравствующих знаменитых художников-модельеров, живьем мне приходилось видеть только Вячеслава Зайцева, и он всегда был разный, даже очень разный. То элегантно-репрезентативный, то романтический, то карнавальный, то изысканно-спортивный, в общем Модельер. В случае с Юдашкиным все гораздо проще. Джинсы, куртка, свободная рубаха. Но на этом лежит печать особого очарования и шарма, артистической небрежности, утонченного благородства и профессионального чутья. Не знаю, как он будет выглядеть в иной, более парадной ситуации, но уверен: изначальные простота и демократизм останутся.

Я недаром вспомнил имя Вячеслава Зайцева, Юдашкин несколько лет проработал в его Доме моды.

— Валя, что тебе дал этот период?

— Попасть к Зайцеву было и интересно и ответственно, сегодня он мэтр отечественной моды. Мне, когда я к нему пришел, исполнилось двадцать два года. Получить в учителя человека столь оригинального, яркого, сильного было большой удачей. Что мне дали годы работы у него? Самое главное — дисциплинировали, привили чувство ответственности к делу, а это в творческих профессиях, на мой взгляд, один из важных компонентов; труд и ответственность, вот что делает человека творцом.

— А в каком возрасте ты себя решил посвятить этой профессии?

— Мне всегда нравилось наряжать кукол, смотреть журналы мод, что-то изобретать в одежде, конструировать, но, когда это произошло осознанно, не смогу сказать, я шел как-то постепенно к этому.

— Помнишь ли ты дни вступительных экзаменов, кстати, что ты заканчивал?

— Московский индустриально-педагогический техникум, экзамены помню довольно смутно, решил для себя: пройду так пройду, а если нет, так ничего не поделаешь. Конкурс был большой, и я не добрал одного балла.

— Что надо было сдавать?

— Живопись, рисунок, моделирование, математику и сочинение. И уже где-то в октябре, через месяц после экзаменов пришло письмо, где мне сообщили, что я все-таки зачислен. Проучился дней десять и ушел в армию. После армии вернулся туда же и в 1986 г. закончил техникум с отличием.

— И как складывалась дальнейшая твоя судьба?

— После окончания меня пригласили в лабораторию Центрального программно-конструкторского технологического бюро на должность художника, где я был дизайнером команды и старшим тренером по декоративной косметике.

— Извини, а что это такое?

— Есть команда мастеров-парикмахеров, которая принимает участие в различных международных конкурсах, каждый из них имеет свои условия, программу. Правила высылаются заранее. И наши мастера должны, исходя из этих жестких условий, создать для своей модели прическу. Здесь учитывается все: и техника исполнения, и быстрота, и, конечно, насколько прическа соотносится с внешним обликом, костюмом, макияжем. Все вместе должно работать на образ. Создавал модели для команды и помогал в подборе декоративной косметики.

— А косметика — это обязательно, или можно и без нее?

— Нет, без нее нельзя.

— Почему ты, такой молодой, был старшим тренером?

— Наверное, потому что чуть-чуть более других в команде познал таинства декоративной косметики.

— Конкурс заканчивался и...

— И дальше ничего. Праздник ради праздника. Никакого практического использования

найденного, никаких выводов из сделанных успехов, полное безразличие. А ведь мы на одном энтузиазме добивались выдающихся результатов. Первые места, призы, овации публики и восторженные отзывы жюри, статьи в прессе. И кто обо всем этом знает у нас? Никто. Где парикмахерские, в которых работают наши золотые медалисты? Увы, их нет.

— Как получилось, что ты, художник-гример, занимаешься моделированием?

— Почему бы и нет? Это очень естественно. Каждый ищет свой путь, все зависит от того, к чему тебя тянет. Человек может закончить архитектурный, а потом заниматься живописью или скульптурой. Скажем, известный французский модельер Пака де Рабан по образованию архитектор, а создает платья: из металла, золота, камней. Великий Ив Сен-Лоран никакого специального образования не имеет: три месяца школы по моделированию при фабрике, вот и все. Главное не лишить художника мыслей, идей, пристрастий, своего лица, что зачастую происходит в наших учебных заведениях, где всех стремятся приравнять, причесать. Колоссальное количество художников-модельеров выпускается каждый год. Но я не ощущаю этого ни в легкой промышленности, ни на творческих выставках. Захожу в художественный салон, и мне становится плохо, когда вижу, какие висят вещи — это просто рукоделье, никто этого не купит, потому что не согласуется ни с нашим образом жизни, ни с нашими требованиями. А ведь авторы — все члены Союза художников.

— У тебя есть какой-то любимый период в истории костюма?

— Два. Один относится к эпохе Возрождения. Чистота, естественность, легкость, ничего лишнего; костюм эпохи Возрождения для меня что-то вроде цветка, только-только начинающего распускаться, свежего, загадочного и совершенного. Второй период уже относится к нашему времени: 50-е — 60-е. Послевоенные годы, когда после трудных, тяжелых, непростых лет страдания, лишений, аскетизма все возвращается к жизни, радости, свету. Мода этого времени очень стабильна и уравновешенна, менялись только детали. Хотелось бы даже создать такую коллекцию, от военной темы — шинелей, фуражек, пилоток, черных плащей, острых плеч, различных поясов и портупей, сапог — к моде мирных лет, к широким, летящим юбкам, ситцевым сарафанам, легким крепдешинам, шляпам и шляпкам, шарфам и брошам из цветов, от военных маршей к лирической песне и городскому романсу.

Когда я спросил его — «Твой любимый цвет?», то не сомневался, что услышу в ответ — «Зеленый». Об этом можно было догадаться, рассматривая эскизы Валентина, где рядом с насыщенными, богатыми, полнокровными — синим, красным, черным, желтым присутствуют все оттенки зеленого. То сверкающего, подобно драгоценному изумруду, то слегка затуманенного, словно китайский нефрит, то дымно тлеющего, как осколки гранатов, а то таинственно влекущего вроде сказочного уральского малахита.

Валентин и его жена Марина живут в районе Строгино, в небольшой однокомнатной квартире, где в шкафах разнообразные вазы и кубки — призы Марины (она известный парикмахер), завоеванные на международных конкурсах, а на стенах его картины, фантазии на темы одежды, в которых так легко заблудиться взглядом. В них переплелись линии и мотивы, соединились краски и настроения. Здесь угадываются ностальгическая влюбленность в русский костюм и стремление к осознанию авангардной моды, маскарадная, броская, эффектная красочность с хрупкой трепетностью японской акварели.

Ему исполнится только двадцать пять, но он уже коечего достиг. Его имя хорошо знают и специалисты, и те, кто просто следит за модой. О нем писал журнал «Вог», у него есть спонсоры в США, им созданы различные коллекции для многочисленных зарубежных показов, в АПН была организована выставка его работ. Но свое будущее он связывает с... Театром моды, который в скором времени должен начать свою работу. Если все будет нормально, то первый спектакль состоится в марте месяце. Театр создается под эгидой Всесоюзного центра МЖК при ЦК ВЛКСМ, это будет хозрасчетный коллектив, и он назначен художественным руководителем и главным модельером.

— Здесь будет вестись рассказ о большой моде, с показом последних новинок. Хочется создать при театре небольшой магазин, где можно будет купить понравившиеся модели. Постараемся сохранить статус театра, его законы и специфику. Сам я буду работать со своими моделями одежды и манекенщиками-артистами только одно отделение, второе будет отдано молодым, начинающим музыкантам, артистам, певцам или поэтам, писателям, художникам, а может быть, это будет драматический или оперный, или балетный спектакль. Наш театр станет стартовой площадкой для тех, кто только начинает свой путь в искусстве, литературе. Вот в этом, думается, основное его отличие от других подобных коллективов. Хочу, чтобы наш театр выступал меценатом в молодежном искусстве. Сейчас для нас самое главное — найти единомышленников, создать сплоченный, верящий в дело и идею коллектив.

— Что ж, мне кажется, это интересный и благородный замысел. Тем более есть замечательный пример подобного сотворчества. Пьер Карден и его театр, сцену которого знаменитый модельер также предоставляет молодым талантам. Но думаю, о международном сотрудничестве говорить еще несколько рано. А вот ты не находишь, что цели и задачи вашего театра и нашей «Студии-99» в чем-то схожи?

— Да, и буду рад, если кто-то из гостей «Студии-99» примет участие и в наших программах. Журнал мог бы нам помочь и представлять молодых не только на ваших страницах, но и у нас в театре.

— Спасибо, большое спасибо, Валентин, за такое заманчивое предложение. Уверен, оно с энтузиазмом будет встречено теми, кто посетит нашу студию. И до свидания.

А вас, уважаемые читатели, приглашаем на следующий выпуск «Студии-99». Кто станет нашим новым гостем? Мне не хотелось заранее представлять его вам. Но я все-таки это сделаю.

В Таллине, в Старом городе, есть уютный бар, где на крохотной сцене дает свои представления очень симпатичное, веселое, изобретательное и пикантное варьете; руководит им балетмейстер талантливый и необычный — МАЙТ АГУ.

До встречи.

Владимир КОТЫХОВ.

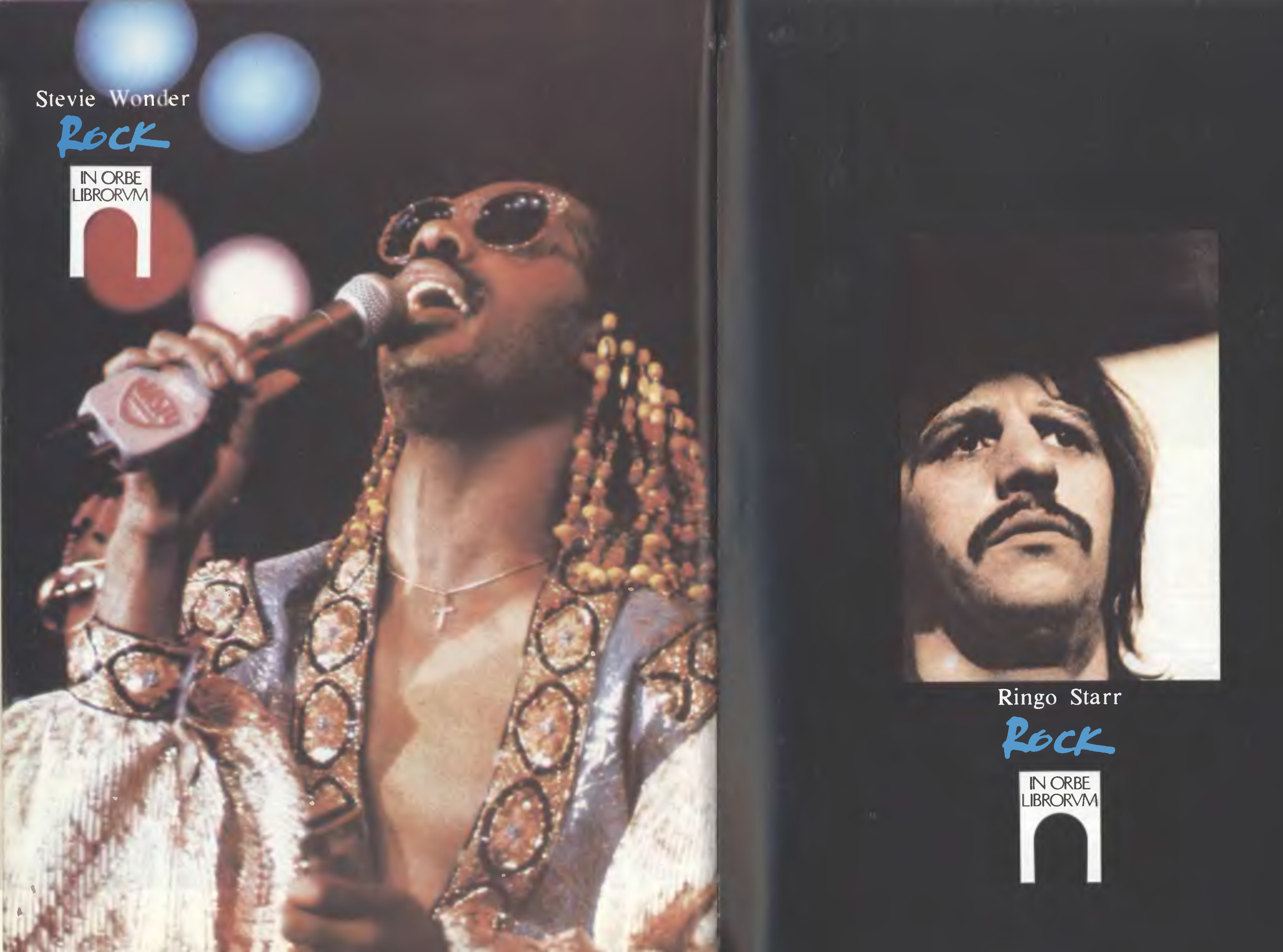
ТЕАТР МОДЫ
ВАЛЕНТИНА ЮДАШКИНА

И КАПЕЛЬКА ЯДА

ЧТО, ЗАЛ ЕЩЕ НЕ ГОТОВ?

Фото В. ЮДАШЕВА

Stevie Wonder
Rock
IN ORBE
LIBRORVM
Ringo Starr
Rock
IN ORBE
LIBRORVM

ЗНАКОМЬТЕСЬ, «КРУГ ЧТЕНИЯ»

Политиздат начал выпускать календарь «Круг чтения».

Вернуться к опыту Л. Н. Толстого по составлению сборника-календаря «Мысли мудрых людей на каждый день», который позже получил название «Круг чтения» и включал в себя «недельные» и «месячные» чтения, философско-этические рассуждения, вернуться, как к устью, к истоку истины, но одновременно развить эту идею, наполнить современным содержанием, найти новые подходы, заинтересовать читателей, не снижая при этом истинно философского, «высокого» мышления, такую нелегкую задачу предстояло решать редакторам-составителям этого издания.

Удалось ли воплотить столь благородные намерения?

Пожалуй, в календаре на 1989 год лишь намечены пути, разработаны темы, найден стиль ежегодника. Ясно одно: есть первый опыт. Творческий поиск продолжается.

Современный календарь «Круг чтения» предназначен для широкой аудитории любителей словесности.

О юбилярах года — крупнейших деятелях отечественной и мировой литературы — рассказывается в небольших этюдах, дополненных стихами и отрывками из художественной прозы. Тематические развороты, такие как «Русский фольклор», «Древнерусская литература», «Страницы советской поэзии», «Ленин и литература», «Публицистика на марше перестройки», а также разделы античной, французской, немецкой, английской, американской, восточной литератур, знакомство с крупнейшими литераторами социалистических стран дают возможность прикоснуться к сокровищнице мировой литературы.

Картину дополняет «Литературная панорама», где рассказывается о журналах, библиотеках, литературных обществах, современных художниках-графиках, посвятивших себя книге, библиофилах; приводятся высказывания великих мыслителей прошлого, эпиграммы, юмористические зарисовки.

Художник Г. Д. Расторгуев оригинально решил оформление календаря.

Календарь на 1989 год поступил в книжные магазины.

А редакторы уже закончили работу над рукописью календаря «Круг чтения» на 1990 год.

Подход к новому выпуску ежегодника был принципиально новым. Создана общественная редколлегия «Круга чтения», куда вошли С. С. Аверинцев, Д. С. Лихачев, М. Л. Гаспаров, Н. Г. Самвелян, А. Г. Битов, И. И. Виноградов, И. П. Золотусский, В. П. Енишерлов, Ф. А. Искандер, А. А. Ерохин.

На заседании редколлегии был разработан тематический план издания. Те же авторитетные литераторы стали одновременно авторами разделов. В работе календаря участвуют и другие известные писатели, журналисты, литературные критики, деятели культуры.

Появились новые разделы, в том числе — «Путешествие по литературной карте страны». Рассказы об усадьбах-музеях, связанных с жизнью и творчеством великих русских писателей; подробные схемы литературных заповедников и другие полезные сведения наверняка заинтересуют всех, кто бережно относится к нашему культурному прошлому, считает себя наследником этого духовного богатства.

Еще одно новшество «Круга чтения» — награда «Золотой экслибрис». По условиям конкурса этот приз будет присуждаться за лучшее литературное произведение года или за особые заслуги в литературно-просветительской деятельности. Победителя будет выбирать редколлегия путем тайного голосования. Авторы и читатели предлагают в качестве приложения к «Кругу чтения» выпускать ежегодно несколько книг. Идея заманчивая, и направленность приложения может быть интересной, но пока существует проблема с бумагой и полиграфическими мощностями, реализация этих предложений видится только в перспективе.

Л. ДОРОФЕЕВА

Elvis Presley

Rock

IN ORBE LIBRORVM

Продолжение. Начало в №№6—12/1988

Booker T. & The MG's
Букер Ти энд Эм-Джиз

Американский ансамбль. 1962—1972.

Состав: Booker T. Jones (12.XI.1944, настоящее имя — Booker T. Washington) — клавишные, Steve Cropper (21.X.1941) — гитара, Donald «Duck» Dunn (24.XI.1941) — бас-гитара, Al Jackson (27.XI.1935 — 1.X.1975) — ударные.

Букер еще подростком демонстрировал незаурядные способности в игре на разных музыкальных инструментах. В 1959 году менеджер Jim Stewart и его сестра Estelle Axton пригласили юного мультиинструменталиста на работу в только что созданную ими фирму грамзаписи «Stax Records» в Мемфисе, штат Теннесси. Аккомпанируя в студии известным соул-исполнителям, Букер играл партии клавишных, саксофона, гитары, бас-гитары. Именно в это время и в студиях этой фирмы зарождалось и крепло новое направление в рок-музыке, известное сегодня как «мемфисское звучание». Его звездами стали ведущие исполнители музыки соул и госпелз Otis Redding, Wilson Pickett, Rufus Thomas, Carla Thomas, William Bell, «Sam and Dave»... В 1960 году Букер Джонс присоединяется к группе «The Triumphs», а в 1961-м — к ансамблю «The Mar-Keys», в котором играли Стив Кроппер и Дональд «Дак» Данн. В 1962 году Джонс предложил им основать новый коллектив под названием «The Memphis Group», вскоре сокращенным до «The MG's». К образовавшемуся трио примкнул ударник Эл Джексон, и 11 августа 1962 года ансамбль выпустил свой первый сингл «Green Onions» — инструментальную композицию, месяц спустя занявшую третье место в национальном хит-параде США, а чуть позднее ставшую «золотой». Фигурировала она и в британской таблице популярности. Под тем же названием и в том же году вышел дебютный альбом квартета, также имевший крупный успех. Примечательно, что при этом ансамбль продолжал, как и прежде, аккомпанировать звездам «мемфисского звучания» в студиях фирмы «Stax». Параллельно со столь активной работой Букер Джонс учился в университете штата Индиана, который окончил в 1966 году, получив высшее музыкальное образование. К этому времени он выступал не только в группе, но и в составе различных симфонических оркестров как тромбонист. В 1964 и 1966 годах группа Букера Джонса выпустила два альбома, на которых Эл Джексон и Дональд Данн продемонстрировали неслыханные до тех пор возможности ритм-секции. Эти диски, по мнению музыковедов, во многом определили развитие стиля хард-энд-хэви. В 1967 году ансамбль записал сразу три новых диска, в 1968-м — еще три. Одновременно с этим участники группы писали музыку для кино и театра, активно выступали с концертами. С 1962 по 1969 год вышло 13 синглов, входивших в национальный хит-парад, а композиции «Hang 'Em High» (ноябрь 1968) и «Time Is Tight» (март 1969) занимали ведущие места. В 1970 году Букер Джонс женился на Присцилле Кулидж (Priscilla Coolidge, сестра известной певицы Риты Кулидж — Rita Coolidge), совместно с которой стал работать над сольными пластинками. Кроппер и Данн все чаще выступали в составе группы «The Blues Brothers». В конце концов ансамбль «Букер Ти энд Эм-Джиз» в 1972 году прекратил существование. Стив Кроппер в дальнейшем участвовал в концертах и записи дисков таких суперзвезд как Jeff Beck, Rod Stewart, Ringo Starr, затем стал ведущим инженером звукозаписи фирмы «Stax Records», открыл собственную студию. В качестве продюсера сотрудничал со многими знаменитыми исполнителями, в частности с Jose Feliciano. В 1971 году выпустил два сольных альбома... Эл Джексон ненадолго пережил группу: 1 октября 1975 года он был убит у себя дома при невыясненных обстоятельствах... 4 февраля 1977-го Джонс, Кроппер и Данн выступили в юбилейном выпуске популярного телешоу «American Bandstand» (корпорация «ABC-TV»), посвященном 25-летию первого выхода этой программы в эфир. В концерте также участвовали Chuck Berry, Gregg Allman, Johnny Rivers, Donald Byrd. Букер Джонс после распада группы главным образом работал в качестве продюсера, но в 1981 году вернулся к активному творчеству. 24 октября его сингл «I Want You» вошел в национальный хит-парад США, аналогичного признания был удостоен и одноименный сольный диск.

Дискография: Green Onions (1962, Stax Rec. — U. S., London Rec. — U. K.); Soul Dressing (1964, Stax — U. S., Atlantic Rec. — U. K.); And Now (1966, Stax); Hip Hug Her (1967, Stax); Soul Christmas (1967, Stax); Back To Back (1967, Stax); Best Of... (1967, hits, Stax); Doin' Our Thing (1968, Stax); Up Tight (1968, Stax); Soul Limbo (1968, Stax); McLemore Avenue (1970, Stax); Booker T. Set (1970, Stax); Meltin' Pot (1972, Stax); Greatest Hits (1982);

Букер Ти Джонс, соло — Booker T. and Priscilla (1971, Stax); Home Grown (1972, Stax); Chronicles (1973, Stax); I Want You (1981);

Стив Кроппер, соло — With A Little Help From My Friends (1971, Stax); Jammed Together (1971, Stax).

The Boomtown Rats/Bob Geldof
Бумтаун Рэтс / Боб Гелдоф

Ирландский ансамбль. Основан в 1975 году.

Начальный состав: Bob Geldof (5.X.1954) — вокал, Garry Roberts — гитара, Gerry Cott — гитара, Johnnie Fingers — клавишные, Pete Briquette — бас-гитара, Simon Crowe — ударные, Albe Donnelly — саксофон.

Адрес: c/o Phonogram Records (Press Office), 49 New Bond Street, London W1Y 9HA, England.

Ансамбль образовали в Дублине шестеро безработных музыкантов-любителей. Позднее к ним присоединился саксофонист Элби Доннелли. В этот период (середина 70-х годов) на базе панк-рока возникает музыкальный стиль, сочетающий в себе жесткость и агрессивность панк-звучания с ритмичностью и мелодичностью поп- и диско-музыки. Новое стилистическое направление получило название пост-панк, или нью-уэйв-рок (рок «новой волны»). Одним из первых представителей этого направления в Англии стал ансамбль «Бумтаун Рэтс». Первоначально основным вокалистом был Гэрри Робертс, а Гелдоф выполнял функции менеджера; однако, став лидером коллектива, Гелдоф вскоре взял на себя и роль солиста. В 1976 году музыканты переселились в Лондон, где подписали контракт с продюсером фирмы «Ensign Records» Маттом Лэнджем (Mutt

Lange), который помог им выпустить в 1977-м дебютный альбом «The Boomtown Rats». Стилистически диск получился неровным: в нем перемешались «чистый» рок в духе Брюса Спрингстина (Bruce Springsteen), рок-баллады, напоминающие маиеру группы «Mott The Hoople», иронично-саркастические миниатюры наподобие «рок-виньеток» ансамбля «Dr. Feelgood». Тем не менее две песни с этой пластинки («Looking After No. 1» и «Mary Of The Fourth Form») попали в таблицы популярности. Следующий альбом вышел более цельным («A Tonic For The Troops», 1978). Ансамбль сумел создать собственный, легко узнаваемый стиль. Композиция «Rat Trap» с этого диска 18 ноября 1978 года возглавила британский национальный хит-парад. Пользовались немалым успехом и песни «She's So Modern», «Like Clockwork». В 1979 году «Бумтаун Рэтс» выпустили сингл «I Don't Like Mondays», попавший и в американский хит-парад, а в Великобритании занявший первое место и объявленный «синглом года». Весной того же года ансамбль совершил первое гастрольное турне по США, завершившееся 5 мая большим концертом в нью-йоркском зале «Palladium». В ходе турне (7—8 апреля) музыканты приняли участие в фестивале «California Music Festival» в Лос-Анджелесе (110 тысяч зрителей), где выступили с такими звездами стиля хард-энд-хэви как «Aerosmith», Ted Nudgent, «Cheap Trick», «Van Halen»... Начало 80-х было для группы неудачным: работа не клеилась, пошатнулись коммерческие дела. В конце 1981 года ушли Джерри Котт и Элби Доннелли, коллектив оказался на грани распада. В 1982 году Боб Гелдоф снялся в главной роли в фильме «The Wall», созданном по мотивам одноименного двойного альбома ансамбля «Pink Floyd» (режиссер — Alan Parker). В декабре 1984-го по инициативе Гелдофа был выпущен «рождественский» сингл «Do They Know It's Christmas?», в записи которого приняли участие 38 суперзвезд рок-музыки, в том числе Boy George, Sting, «Duran Duran», «U2». 9 миллионов фунтов стерлингов, полученные от продажи этой пластинки, музыканты передали в фонд помощи голодающим Эфиопии. В конце того же года Гелдоф основал фонд «Band Aid Trust», предназначенный для оказания помощи африканским странам (к 1987 году в нем насчитывалось более ста миллионов фунтов стерлингов). 13 и 14 июля 1985-го одновременно в Лондоне и Филадельфии проходит концерт «Live Aid» с участием крупнейших поп- и рок-звезд. Через 9 искусственных спутников Земли его транслируют почти в сто стран, количество зрителей — около миллиарда. Полученные в результате этой акции, также организованной по инициативе Боба Гелдофа, 90 миллионов долларов перечисляются в фонд «Band Aid Trust»... Имя Гелдофа у всех на устах, к нему приковаио виимание прессы, так что, когда в том же 1985 году «Бумтаун Рэтс» выпускает очередной альбом, тираж его быстро расходится. Критики отмечают острую социальную направленность композиций группы, однако фирмы грамзаписи недовольны: с их точки зрения, песни Гелдофа и его товарищей не сулят коммерческого успеха. Но Бобу Гелдофу в этот период ие до коммерции, он создает новые и иовые благотворительные фонды: «School Aid», «Sport Aid», «Fashion Aid»... В 1986 году его представляют на соискание Нобелевской премии мира, однако он не набирает иеобходимого количества голосов. Тогда же он издает автобиографическую книгу «Is That It?» и выпускает сольный диск «Deep In The Heart Of Nowhere», записаиный с помощью пианиста Дэйва Стюарта (Dave Stewart). 11 июля 1987 года Боб Гелдоф организовал грандиозиый фестиваль-марафои «One World» (по принципу «Live Aid»), «связав» через спутник рок-исполнителей, находившихся в нескольких столицах на разных континентах. В этот раз фестиваль транслировался в двести стран, а прибыль (свыше 50 миллионов долларов) была перечислеиа в фонд Междуиародиой организации защиты детей.

Последний состав: Гелдоф, Робертс, Фингерс, Брикетт, Кроу.

Дискография: The Boomtown Rats (1977, Ensign Rec. — U.K., Mercury Rec. — U.S.); A. Tonic For The Troops (1978, Ensign — U.K., Columbia — U.S.); The Fine Art Of Surfacing (1979, Ensign — U.K., Columbia — U.S.); Mondo Bongo (1981, Mercury — U.K., Columbia — U. S.); Rat Tracks (1981, EP, hits, Vertigo Records, Canada); V Deep (1982, Mercury— U.K., Columbia — U.S.); The Boomtown Rats (1982, EP, hits, Columbia, U.S. only); Ratrospective (1983, EP, hits, Columbia, U.S. only); The Fine Art Of Surfacing (1984, переиздание, Phonogram, U.K. only); In The Long Grass (1985, Mercury — U.K., Columbia — U.S.);
Боб Гелдоф, соло — Deep In The Heart Of Nowhere (1986).

Debbie Bonne
Дебби Бун

Американская певица.

22.IX.1956, Hackensack, New Jersey.

Дочь известного американского певца Пэта Буна (Pat Boone) и певицы Шерли Фоли (Shirley Foley). Дебби было четыре года, когда семья переселилась в Лос-Анджелес. В 1960 году дебютировала на профессиональной сцене как участница регулярной телепрограммы «The Pat Boone Family Show», где также выступали ее отец, мать и три сестры — Lindy, Cherry и Laury. Вскоре сестры образовали ансамбль «The Boones», солисткой которого стала Дебби. Подписав контракт с фирмой грампластинок «Motown Records», они записали несколько синглов, ни один из которых, однако, не имел успеха. Более удачным оказалось сотрудничество с фирмой «Warner-Curb Records», но — лишь для Дебби. Владелец фирмы продюсер Mike Curb увидел в ней задатки будущей звезды и предложил напеть вокальную партию на уже готовую звуковую дорожку с инструментальным аккомпанементом к песне «You Light Up My Life» из недавно вышедшего иа экраны одноименного фильма. 15 октября 1977 года сингл «You Light Up My Life» (автор — Joe Brooks) возглавил национальный хит-парад США и продержался на первом месте 10 недель. 22 ноября пластинка стала «платиновой», затем была признана самой популярной записью года в стиле поп и удостоена премии «Оскар», а лично Дебби, как лучшая исполнительница-дебютантка, получила премию «Грэмми». Столь крупного успеха не удавалось добиться даже ее отцу. Триумф, однако, не вскружил Дебби голову. Напротив, выпустив в том же году единственный сольный альбом, она выступала очень редко, а 1 сентября 1979 года вышла замуж и, став матерью, совсем покинула мир профессионального искусства.

Диск: You Light Up My Life (1977, Warner-Curb Rec.).

Pat Boone
Пэт Бун

Американский певец.

Настоящее имя: Charles Eugene Boone.
1.VI.1934, Jacksonville, Florida

Вторая по величине после Элвиса Пресли (Elvis Presley) звезда рок-н-ролла в Америке. Отрочество его прошло в Нэшвилле — «столице» музыки кантри, — однако гораздо большее впечатление на Пэта производили концерты исполнителей ритм-энд-блюза. Первые уроки вокала ему и его младшему брату Нику (в будущем — певец Nick Todd) давала мать. Братья пели на школьных вечерах, семейных праздниках, в церкви. В Северном Техасе, где Пэт учился в колледже, судьба свела его с Роем Орбисоном (Roy Orbison), восходящей звездой ритм-энд-блюза, а в марте 1954 года ои и сам принял участие в престижном конкурсе «The Original Amateur Hour», где состязались вокалисты-любители. В апреле Пэт Буи становится победителем конкурса начинающих талантов «Arthur Godfrey's Talent Scouts» (примечательно, что одним из его соперников был тогда Элвис Пресли, но жюри отдало предпочтение Пэту)... Подписав контракт с фирмой грампластинок «Republic Records», Пэт записывает несколько композиций, но в виде сиигла ни одна из них не появляется. В том же 1954 году он жеиится на Шерли Фоли (Shirley Foley), дочери известного кантри-певца Реда Фоли (Red Foley), и обосновывается в Дентоне, штат Техас, не помышляя, похоже, о продолжении музыкальной карьеры. Вскоре, однако, он случайно знакомится в Нэшвилле с диск-жокеем местной радиостанции Хью Шерри (Hugh Cherry), который представляет его президенту фирмы «Dot Records» Рэнди Вуду (Randy Wood). Вуд видел и слышал Буна на конкурсе и тотчас предложил ему контракт. В феврале 1955 года Пэт записывает свой первый сингл «Two Hearts, Two Kisses», но пластинка успеха не имеет. Зато следующая, «Ain't That A Shame» (интерпретация песни Фэтса Домино — Fats Domino), 6 июля 1955 года попадает в национальный хит-парад США... С 1955 по 1958 год Пэт Бун выпустил 11 синглов, каждый из которых имел в среднем миллионный тираж. Это были композиции в стилях ритм-энд-блюз и рок-н-ролл. В 1956-м одновременно два его сингла возглавляли таблицы популярности в Англии («I'll Be Home») и в США («I Almost Lost My Mind»). В начале 1957 года он подписал семилетний контракт с кинофирмой «20th Century Fox» и снялся в своем первом фильме «Bernadine». Песня «Love Letters In The Sand» из этой картины в его исполнении заняла 3 июня первое место в американском хит-параде, продержавшись пять недель. С октября Пэт стал выступать в персональном телевизионном шоу «The Pat Boone — Chivy Showroom» (телекомпания «ABC-TV»), продолжая при этом сниматься в кино и записывать синглы. 23 декабря 1957 года исполненная им песня «April Love» из одноименного фильма снова выносит его имя на «вершину» таблицы популярности. Это была первая лирическая композиция Буна, удостоенная такого признания, но отнюдь не последняя: впоследствии он все дальше отходил от каноиов рок-н-ролла и ритм-энд-блюза, все больше отдавал предпочтение «шлягериости» как в музыке, так и в кино... 12 января 1960 года альбом-сборник Буна «Pat's Greatest Hits»стал в США «золотым», но популярность певца уже начинала идти на убыль. Последним крупным успехом стал сингл «Moody River» (19 июня 1961 года — № 1 в хит-параде)... Проработав 13 лет по контракту с фирмой «Dot Records», Пэт Бун сотрудничал затем с «Capitol Records», «Tetragrammatron Records», «MGM Records» и наконец — с «Motown Records», где записывались и его дочери: Debbie, Cherry, Lindy и Laury, образовавшие позднее ансамбль «The Boones». С середины 60-х годов имя Пэта Буна едва всплывало в музыкальной прессе. Вновь заговорили о нем лишь в октябре 1977 года, в связи с сенсационным успехом сингла его дочери Дебби «You Light Up My Life». Вдвоем они отправились в Лас-Вегас, где выступали с концертами целый сезон. В дальнейшем Пэт Бун написал книгу для подростков «Twixt Twelve and Twenty», занимался постановкой телевизионных шоу.

Дискография: Hymns We Love (1957); Star Dust (1958); Pat's Greatest Hits (1959, hits); Pat's Greatest Hits, vol. 2 (1959, hits); Side By Side (1959); He Leadeth Me (1959); Tenderly (1959); Great Great Great (1961, hits); My God And I (1961); Moody River (1961); Golden Hits (1962, hits); Days Of Wine And Roses (1963); Star-Spangled Banner (1963); Sing Along Without (1963); Touch Of Your Lips (1964); Pat Boone (1964); 12 Greatest Hits (1964, hits); Boss Beat (1964); Golden

Era Of Country Hits (1965); Memories (1966); Wish You Were Here (1966); True Love (1967); I Was Kaiser Bill's Batman (1967); Golden Hits (1967, hits); First Nashville Jesus Band; S-A-V-E-D; Pat Boone Sings Golden Hymns; Pat Boone Sings The New Songs Of The Jesus People; Born Again; Christian People; Crisis — America; Cross And The Switchblade; How Great Thou Art; Original Early Top 40 Hits; 16 Great Performances; Songs From The Inner Court; 10 Giant Country Hits; Greatest Hits (1980, hits, Warwick Rec.).

Duke Bootee
Дюк Бути

Американский музыкант, композитор.

Настоящее имя: Edward Fletcher.

Творческую карьеру начинал в 1982 году на фирме грамзаписи «Sugar Hill» студийным музыкантом — исполнителем музыки рэп. Первый удачный сингл, записанный им совместно с вокалистом Меллом Мелом (Melle Mel), «The Message» (1982), вышел под псевдонимом: «Grandmaster Flash and The Furious Five». Следующие синглы, «Message II» и «New York, New York», Бути и Мел выпустили уже под своими именами. Успех этих пластинок позволил Дюку Бути начать в 1983 году сольную карьеру. Вскоре вышел его дебютный альбом «Bust Me Out» (фирма «Mercury Records»), созданный при участии студийных музыкантов фирмы «Sugar Hill» и содержавший композиции в стилях рэп и фанк-рок.

Диск: Bust Me Out (1984, Mercury Rec.).

The Bo Street Runners
Бо-Стрит Раннерз

Английский ансамбль.
1964—1966.

Состав: Tim Hinkley — клавишные, Mike Patto — вокал, клавишные, ударные, Mick Fleetwood (24.VI.1942) — ударные.

Группу основал в городе Харроу, графство Миддлсекс, Тим Хинкли. Первые синглы («Bo Street Runner», 1964, Decca Rec., и «Tell Me What You're Gonna Do», 1965, Columbia Rec.) успеха не имели, но привлекли внимание двух известных исполнителей ритм-энд-блюза Майка Пэтто и Мика Флитвуда. Вместе с Тимом Хинкли они в 1965 году образовали новый состав группы. Пэтто в начале 60-х возглавлял собственную группу «Mike Patto and The Breakaways», затем выступал с джаз-ансамблем «The National Youth Jazz Orchestra». Мик Флитауд прежде играл в группах «The Cheynes», «The Peter B's» и «John Maybll's Bluesbreakers». Новый сингл трио, «Drive My Car» (1966, Columbia Rec.), принес коллективу огромную популярность, но в конце года группа распалась. В дальнейшем Хинкли и Пэтто образовали новый ансамбль, «The Chicago Line Blues Band», затем Пэтто создал собственный коллектив «Timebox», переименованный позднее в «Patto» (распался в 1973-м), после чего основал группу «Boxer». Впоследствии он, как и Хинкли, работал студийным музыкантом. Мик Флитвуд в июле 1967 года образовал ансамбль «Fleetwood Mac».

Boston
Бостон

Американский ансамбль.
Основан в 1975 году.

Начальный состав: Tom Scholz (10.III.1947) — гитара, клавишные, бас-гитара, ударные, Barry Goudreau (29.III.1951) — гитара, Brad Delp (12.VI.1951) — вокал, гитара, ударные, Fran Sheehan (26.III.1949) — бас-гитара, Sib Hashian (17.VIII.1949) — ударные.

Основатель группы Том Шольц, по образованию инженер-механик, в начале 70-х работал консультантом в корпорации фототехники «Polaroid». В свободное время, как музыкант-любитель, выступал в бостонском клубе «North Shore Club» с группами «Mother's Milk», «Middle Earth», «Revolting Tones Revue», а также экспериментировал в своей небольшой студии, где методом наложения записывал собственные композиции, исполняя партии всех инструментов. Со временем в его работе стали участвовать музыканты из других местных групп, вошедшие затем в состав ансамбля «Бостон». Контракт на первый альбом группа подписала с фирмой «CBS Records». Диск записывался поэтапно: зимой 1975 года в городе Уотертаун, штат Массачусетс (студия «Foxglove») и весной 1976-го в Голливуде (студия «Capitol») и Лос-Анджелесе (студия «The Record Plant»). 25 сентября 1976 года он попал в американский национальный хит-парад и вскоре занял в нем третье место. 22 ноября диск стал «платиновым»; всего же его тираж составил 7,5 миллиона экземпляров. Песня «More Than A Feeling» с этого альбома в начале 1977 года достигла пятого места в национальной таблице популярности. Новаторским в звучании группы явились синтез хврд-рока и элементов рок-н-ролла при активном использовании акустической гитары, а также оригинальное вокальное многоголосие с ведущей партией сопрано. Одним из первых в США новый коллектив продолжил в своих аранжировках традиции английской группы «Deep Purple» (мощный акцент на звучании электрооргана). Концертные выступления ансамбля имели меньший успех, и музыканты решили сосредоточить усилия на студийной работе. На создание второго альбома ушло около двух лет, но вышел он менее удачным, чем первый, хотя его основная композиция («Don't Look Back») также попала в хит-парад. В 1979 году группа отправилась на гастроли в Европу, но воспроизвести на сцене сложные студийные эффекты не сумела. Популярность коллектива падала. Записанный в 1980-м в студии фирмы «CBS» третий альбом, «Third Stage», выпущен не был: руководство фирмы опасалось, что тираж его не разойдется. В несколько доработанном виде диск появился на прилавках магазинов лишь в 1986 году, когда группу уже считали распавшейся. Такое мнение имело основания: в 1980-м ансамбль покинули Гудро, Шизн и Хэшиан. В том же году Барри Гудро выпустил сольный диск «Barry Goudreau» (фирма «Portrait Records»), в записи которого участвовали Брэд Делп и Сиб Хэшиан, а также вокалист Fran Cosmo. В 1983-м Гудро основал группу «Orion», куда вошли Фрэн Космо, Bruce Smith (бас-гитара) и Michael Derosier (ударные, из ансамбля «Heart»), однако и этот коллектив вскоре распался. В 1986 году Шольц и Делп возродили анлмбль «Бостон» в новом составе, пригласив таких музыкантов как David Sykes (гитара), Jim Masdy (клавишные), Gary Phil (бас-гитара), Doug Haffman (ударные). Они методом наложения и «доработали» старые записи альбома «Third Stage». Песня «Amanda» с этого диска заняла в 1986 году ведущие места в хит-парадах многих стран, сам же диск разошелся тиражом свыше трех миллионов экземпляров. В 1987 году «Бостон» с успехом выступил на фестивале «Texas Jam», выпустил миниальбом «Can'tcha Say (You Believe Me)». Казалось, группа обрела второе дыхание, но в 1988 году ее покинул Брэд Делп и музыканты объявили, что прекращают карьеру.

Дискография: Boston (1976, CBS-Epic); Don't Look Back (1978, Epic); Third Stage (1986, CBS); Can'tcha Say (You Believe Me) (1987, EP, CBS Rec.).

Dennis «Blackbeard» Bovell
Деннис «Блэкбиэрд» Боувелл

Английский певец, музыкант, композитор, продюсер.

Известность приобрел как участник английской регтей-группы «Matumbi». Особенно значителен его вклад в создание альбома «Point Of View» (1980, EMI Americв) этого коллектива. Как продюсер работал со многими исполнителями британского рока «новой волны», в частности — с женской группой «The Slits» (альбом «Cut», 1979), синтезировавшей стили панк-рок и регтей. Первую сольную пластинку («Strictly Dub Wize», 1978) Боувелл почти целиком записал один, лишь отдельные партии исполнили музыканты из группы «Matumbi». Так же, методом многократного наложения, создан и второй его диск, «I Wah Dub» (1980). Оба альбома он выпустил под псевдонимом «Blackbeard». Дебютный диск пользовался такой популярностью, что его в том же году переиздала фирма «Ballistic-UA». Лишь на третьем диске Боувелл выступил под своим настоящим именем («Brain Damage», 1981). В отличие от двух первых пластинок, выдержанных в традициях европейского варианта регтей, третья стилистически разнообразна: кроме регтей, здесь представлены стили буги, рок-н-ролл, римт-энд-блюз. В дальнейшем Боувелл ограничивается продюсированием дисков других исполнителей.

Дискография: Strictly Dub Wize 1978, Tempus; переизд. — Ballistic-UA); I Wah Dub (1980, More Cut-EMI); Brain Damage (1981, Fontana-Phonogram).

Jimmy Bowen
Джимми Боуэн

Американский певец, музыкант, продюсер, менеджер.
1937, Santa Rita, New Mexico.

В детстве пел в церковном, затем в школьном хоре городка Дамэс, штат Техас. Тогда же подружился с Доном Лэниером (Don Lanier), с которым задумал создать ансамбль. В период учебы в колледже к ним присоединились Buddy Knox и Dave Alldred. Образовавшийся квартет стал называться «The Rhythm Orchids» и исполнял жесткий вариант музыки кантри. Боуэн играл на бас-гитаре, Нокс и Лэниер — на гитарах, Оллдред — на ударных. Основными авторами песен выступали Нокс и Боуэн. В конце 1956 года их услышал нью-йоркский музыкальный издатель Phil Kahl. Он пригласил молодых музыкантов в Нью-Йорк и устроил им контракт с фирмой «Roulette Records». В январе 1957-го вышел первый сингл группы, «Party Doll», сразу попавший в национальный хит-парад США. Не меньшим успехом пользовались и последующие синглы: «I'm Sticking With You», «Ever-Lovin'Fingers» (оба — февраль 1957-го), «Warm Up To Me Baby» (май 1957), «By The Light Of The Silvery Moon» (июль 1958). «Ритм Оркидс» стали признанными лидерами стиля кантри-рок. Пользовались успехом и сольные выступления Боуэна и Нокса. 12 апреля 1957 года они приняли участие в десятидневном концертном марафоне «Rock and Roll Easter Jubilee», огранизованном «крестным отцом» рок-н-ролла легендарным диск-жокеем Аланом Фридом (Alan Freed) в нью-йоркском зале «Brooklyn Paramount». В 60-е годы интерес к творчеству группы снизился и музыканты покинули рок-сцену. Джимми Боуэн стал менеджером и продюсером. В настоящее время возглавляет нэшвиллский филиал корпорации грампластинок «Elektra / Asylum Records», работает со звездами кантри-рока.

David Bowie
Дэвид Боуи

Английский певец, музыкант, композитор, поэт, актер, продюсер.

Настоящее имя: David Robert Jones.
8.1.1947, Brixton, London.

Адрес: Bowie and Friends, 104 St. John's Wood Terrace, London NW8, England; или: Starzone Magazine (Starzone Information Service), P. O. Box 225, Watford, Hertfordshire WD1 7QG, England; или: Starzone Magazine, P. O. Box 9669, North Hollywood, California 91609, USA; или: EMI-America Records, 1370 Avenue of the Americas, New York, N. Y. 10019, USA.

Один из наиболее выдающихся деятелей англо-американской рок-культуры. По данным опроса, проведенного еженедельником «New Musical Express» в 1987 году, входит в пятерку лучших рок-исполнителей всех времен, уступая лишь таким гигантам как «The Beatles», Jimi Hendrix, Elvis Presley... В 12 лет, научившись играть на саксофоне, стал выступать в школьной группе «George and The Dragons». С 16 лет — на профессиональной сцене. В конце 1963 года основал собственный коллектив «Davey Jones and The King Bees», в состав которого вошли Dick Underwood (гитара, гармоника), Roger Bluck (банджо), Frank Howard (бас-гитара), Bob Allen (ударные). Группа исполняла композиции в стиле ритм-энд-блюз. На концерте в одном из клубов Южного Лондона музыканты познакомились с менеджером Лесли Конном (Leslie Conn), который устроил им контракт с фирмой «Decca Records», и в мае 1964 года был записан первый сингл ансамбля, «Liza Jane», вышедший в свет 5 июня на фирме «Vocalion Records» тиражом всего 3,5 тысячи экземпляров, причем исполнители выступили под названием «Tome Jones and The Jonahs». За 18 месяцев существования группа принимала и другие названия — «The Manish Boys», «Davy Jones and The Mood», под которыми выпустила на разных фирмах несколько синглов. Первой сочиненной Дэвидом песней стала «Take My Tip», вышедшая как сингл на фирме «Parlophone Records» 5 марта 1965 года. В конце того же года Дэвид основал новый ансамбль, «Davie Jones and The Lower Third», в состав которого входили Dennis «T-Cup» Taylor (гитара), Graham Rivens (бас-гитара), Phil Lancaster (ударные). 14 января 1966-го фирма «Парлофон» выпустила первый и единственный сингл этого коллектива («Can't Help Thinking About Me»). В этот же период Дэвид Джонс берет себе псевдоним «Боуи» — по марке охотничьего ножа «bo-

wie knife», разработанной американцем Джимом Боуи (Jim Bowie). Меняется и название группы, переименованной в «The Buzz». Однако Дэвид вскоре покидает ее и начинает сольную карьеру. Уже 1 апреля 1966 года выходит его первый сингл «Do Anything You Say» (фирма «Pye Records»). В 1967-м он подписывает контракт с фирмой «Deram Records» и записывает сразу три сингла («Rubber Band / The London Boys», «Love You Till Tuesday», «The Laughing Gnome»), в которых чувствуется влияние творчества певца Энтони Ньюли (Anthony Newley) и группы «The Chipmunks». В том же году вышел дебютный альбом Боуи «David Bowie», более известный под названием «The World Of David Bowie», которое он получил при переиздании в начале 70-х. Критика никак не прореагировала на этот диск, явившийся сборником ранее вышедших синглов, не имевших, к тому же, успеха. Боуи временно покидает рок-сцену и берется за постановку музыкально-драматического кинофильма «The Image», впоследствии также признанного неудачным. В 1968 году он уезжает в Шотландию, где несколько месяцев изучает в буддийском монастыре восточные религии, затем присоединяется к труппе бродячего театра пантомимы «Lindsay Kemp's Mime Troupe», с которым отправляется в путь по разным городам страны. Полученные опыт и впечатления он в 1969 году пытается использовать в созданной им артистической лаборатории «The Beckenham Art Lab», где экспериментирует в области синтеза театра и рок-музыки. Весной того же года он возвращается к студийной работе. Первый же сингл, выпущенный после длительного перерыва, приносит ему успех («Space Oddity», продюсер — Gus Dudgeon, фирма «Mercury Records»). В конце сентября песня заняла пятое место в британском хит-параде (переизданная в 1975-м, она вышла на первое). Партию синтезатора на этой пластинке исполнил пианист Rick Wakeman. Тогда же выходит и второй альбом Боуи, тоже названный «David Bowie» (в 1973-м переиздан как «Space Oddity»). Этот и следующий диск («The Man Who Sold The World», 1970) были исполнены декадентских настроений, подчеркиваемых жесткой музыкальной стилистикой, сочетающей элементы «тяжелого» и психоделического рока. 20 марта 1970 года Дэвид женился на американской манекенщице Анджеле Барнетт (Angela Barnett), а в 1971-м у них родился сын Zowie. В этот период Боуи часто выступает в английской глубинке. Его душевное состояние меняется к лучшему, что отражается на очередном диске «Hunky Dory» — ностальгически-ироничном послании кумирам поколения хиппи Бобу Дилану (Bob Dylan) и Энди Уорхолу (Andy Warhol, американский художник, представитель стиля поп-арт). В создании альбома принимали участие Рик Уэйкмен (клавишные) и Mick Ronson (гитара, аранжировка). В 1972 году Боуи, уже сам в роли аранжировщика, а также продюсера, участвовал в записи альбома «Transformer» выдающегося музыканта Лу Рида

(Lou Reed, в прошлом лидер группы «The Velvet Underground»). В том же году он пишет специально для ансамбля «Mott The Hoople» песню «All The Young Dudes» и продюсирует одноименный сингл этого коллектива, приобретающего таким образом международную популярность. Но несравнимо большего успеха добился в этот период сам Боуи, выпустив поистине концептуальный диск «The Rise And Fall Of Ziggy Stardust...» (продюсеры — Боуи и Ken Scott). Созданное на его основе сценическое шоу поражало обилием новаторских эффектов и вывело Дэвида в лидеры основанного Марком Боланом (Marc Bolan) стиля глиттер-рок, а также подтвердило его мастерство в другом виде искусства, тоже разработанном Боланом, — глэм-роке. Диск продержался в национальных таблицах популярности Англии и США больше года. 28 августа 1972-го Дэвид Боуи и его группа «The Spiders From Mars» (первоначальное название «Hype») дебютировали на сцене престижнейшего американского концертного зала «Carnegie Hall», с которого начались их гастроли в США. 3 июля 1973 года, уже в Великобритании, в конце выступления в зале «Hammersmith Odeon» Боуи объявил, что завершает карьеру и покидает рок-сцену. И он действительно покинул ее, но лишь на время. В июне 1974-го он возобновил выступления с новой программой и новым аккомпанирующим составом из десяти музыкантов, причем сразу предпринял гастрольную поездку по 28 городам США. Концерты в филадельфийском зале «Tower Theatre» были записаны на пленку и составили основу двойного концертного альбома «David Live», вошедшего в десятку лучших американского хит-парада, где уже находился предыдущий диск Боуи, «Diamond Dogs», созданный по мотивам романа Джорджа Оруэлла (George Orwell) «1984». В конце 1974 года Боуи поселился в Лос-Анджелесе. Год спустя вышел его самый удачный в коммерческом плане альбом «Young Americans» (1975), ставший 2 июля 1975 года «золотым» в США (аналогичного успеха до этого добились три его предыдущих диска: «The Rise And Fall...», «Diamond Dogs» и «David Live»). Диск обозначил новое стилистическое направление в творчестве Боуи — «белый» вариант музыки соул. Песня «Fame» с этой пластинки 20 сентября возглавила национальный хит-парад; Дэвид исполнил ее в дуэте с Джоном Ленноном (John Lennon). 9 ноября он спел эту же песню в телепрограмме, но уже в дуэте с певицей Cher. В 1976 году — новая перемена стиля: альбом «Station To Station» представлял собой синтез поп-баллад и музыки диско-фьюжн и техно-поп. В конце года Боуи переселился в Западный Берлин, где увлекся авангардной электронной музыкой. На вышедшем 15 января 1977-го диске «Low» (фирма «RCA Records») явственно ощущается влияние работ западногерманского ансамбля «Kraftwerk». Продюсером и во многом вдохновителем этого и двух следующих альбомов Боуи («Heroes», 1977, и «Lodger», 1979) являлся музыкант и композитор Brian Eno, прежде известный как участник группы «Roxy Music». В том же году Дэвид продюсировал дебютный диск популярного исполнителя Игги Попа (Iggy Pop) «The Idiot» (он же был продюсером вышедшего в 1984 году диска Игги «Choice Cuts»). В конце десятилетия Боуи, как и многие другие звезды, обратился к стилю диско. В выпуске танцевальных синглов ему помогали Bernard Edwards (бас-гитара) и Nile Rodgers (гитара), известные как дуэт «Chic». В 1980 году появился диск «Scary Monsters» — своеобразное собрание наиболее удачных стилистических находок Боуи в песенно-танцевальном жанре. Песня «Ashes To Ashes» с этой пластинки стала второй композицией музыканта, возглавившей национальный хит-парад Великобритании. Третьей стала песня «Under Pressure» (1981), исполненная им вместе с группой «Queen». В 80-е годы типичным для Боуи становится сотрудничество с другими знаменитыми поп- и рок-исполнителями: он выпускает совместные синглы с Бингом Кросби (Bing Crosby, сингл «Peace On Earth / Little Drummer Boy», 1982), Миком Джеггером (Mick Jagger, сингл «Dancing In The Street», 1987)... В этот же период он активно гастролирует, участвует в крупнейших рок-фестивалях. В 1985 году Боуи выступил на знаменитом концерте «Live Aid», где исполнил, по мнению прессы, одну из наиболее запомнившихся композиций. Принял он участие и в масштабной кампании по пропаганде чтения в США... Прирожденный новатор и многосторонне одаренный артист, Дэвид Боуи на протяжении всей своей карьеры обогащает рок-музыку оригинальными находками, нередко создавая основы для новых стилистических направлений. Он также автор музыки для ряда кинофильмов и сценических постановок, талантливый драматический актер.

Дискография: David Bowie (1967, Deram Rec.; в переиздании — The World Of David Bowie); David Bowie (1969, Mercury Rec.; в переиздании — Space Oddity, 1973, RCA Rec.); The Man Who Sold The World (1970, Mercury); Hunky Dory (1971, RCA); The Rise And Fall Of Ziggy Stardust and The Spiders From Mars (1972, RCA); Aladdin Sane (1973, RCA); Images 1966—1967 (1973, London Rec., 2LP, hits); Pin-Ups (1973, RCA); Diamond Dogs (1974, RCA); David Live (1974, RCA, 2LP, live); Young Americans (1975, RCA); Changes One Bowie (1976, RCA, hits); Station To Station (1976, RCA); Low (1977, RCA); «Heroes» (1977, RCA); Stage (1978, RCA, 2LP, live); Lodger (1979, RCA); Scary Monsters (1980, RCA, 2LP); David Bowie In Bertold Brecht's Baal (1982, RCA, драматич. записи);
Let's Dance (1983, EMI America); Tonight (1984, EMI America); Labyrinth (1986, EMI America); Never Let Me Down (1987, EMI America);

David Bowie & Philadelphia Orchestra — Pete and The Wolf (1978, RCA);
David Bowie & The Pat Metheny Group — The Falcon and The Snowman (1985, EMI America, звуковая дорожка фильма)

The Alan Bown Set
Алан Боун Сет

Английский ансамбль.
1964—1974.

Основатель группы трубач Алан Боун — один из известных представителей так называемого «белого» варианта музыки соул, распространившегося в Англии в середине 60-х годов. Состав коллектива менялся чрезвычайно часто. Относительно долго в ансамбль входили John Helliwell (саксофон, впоследствии примкнул к группе «Supertramp»), Dave Lawson (клавишные, позднее играл в ансамбле «Episode Six»), Terry Stannard (ударные, в дальнейшем перешел в группу «Kokomo»), Jess Roden (гитара, вокал). Наибольшую известность среди них приобрел Джесс Роден. Музыкальную карьеру он начинал в ансамбле «The Shakedown Sound», а после ухода из группы Алана Боуна выступал в ансамб-

лях «The Keef Hartley Band», «Andy Bown», «Bronco», затем основал группу «The Jess Roden Band», выпустившую два альбома: «Jess Roden» и «Player Not The Game»... Группа «Алан Боун Сет» мало работала в студии, предпочитая активную концертную деятельность. Вышедшие за десять лет существования несколько дисков («Alan Bown», «Stretching Out», «Outward Bown»...) коммерческого успеха не имели, вследствие чего выпустившие их фирмы «Deram Records» и «Island Records» расторгли с Аланом Боуном контракты. После распада группы Боун стал студийным музыкантом на фирме грамзаписи «CBS Records».

Andy Bown
Энди Боун

Английский мультиинструменталист, певец.

Музыкальную карьеру начинал в 1965 году в группе «The Herd», которой руководил гитарист и певец Peter Frampton. В 1969 году Энди основал ансамбль «Judas Jump», в состав которого вошли Henry Spinetti (ударные), Mike Smith (тенор-саксофон) и вокалист Adrian Williams. Выпустив два сингла и один альбом («Scorch», 1969) в стиле прогрессивного джаз-рока, коллектив распался, после чего Энди Боун присоединился к группе «Storyteller», исполнявшей фолк-рок. Однако менее чем через год, в начале 1971-го, он покинул группу и образовал собственную, назвав ее «Andy Bown». В группе играли: Jess Roden (гитара, вокал), Tony Catchpole (гитара), Geoff Bannister (клавишные), Steve Haldane (бас-гитара), John Anthony (тенор-саксофон), Vic Sweeny (ударные). Коллектив продолжал традиции ансамбля «Judas Jump» и исполнял жесткий вариант джаз-рока с характерными для прогрессивного рока развернутыми гитарными партиями. Выпустив всего один диск («The Andy Bown», 1972), прекратила существование и эта группа. Энди Боун начал сольную карьеру, выступая в качестве трубача, гитариста, пианиста, бас-гитариста. Участвовал в записи пластинок многих известных рок-исполнителей, таких как Peter Frampton (1972, 1975), Jerry Lee Lewis (1973), «Status Quo» (1973, 1976, 1977), «Long» John Baldry (1975). Единственный сольный диск («Sweet William») успеха не имел. В настоящее время — в составе группы «Status Quo».

Bow Wow Wow
Бау Уау Уау

Английский ансамбль. 1980—1984.

Состав: Annabella Lwin (31.X.1965) — вокал, Matthew Ashman — гитара, Leroy «Lee» Gorman — бас-гитара, Dave «Barbe» Barbarossa — ударные.

Ансамбль создал известный менеджер и продюсер Malcolm McLaren. Эшмен, Гормен и Барбаросса до этого играли в группе Адама Энта (Adam Ant) «Adam and The Ants», после распада которой МакЛарен предложил им аккомпанировать 14-летней певице бирманского происхождения Аннабелле Луин. Он же придумал название новому коллективу, в «переводе» означающее «гав-гав». Первую композицию («С-30, С-60, С-90») ансамбль записал в частной студии. Это была экспериментальная работа в стиле афро-панк-рок. Музыканты создали своеобразный стилистический «коктейль»: Барбаросса заимствовал у ударника группы «The Who» Кейта Муна (Keith Moon) манеру делать акцент на звучании басовых барабанов в сочетании с активным использованием медных тарелок; Эшмен в подражание знаменитому гитаристу 50-х годов Йоргену Ингманну (Jorgen Ingmann) использовал прием так называемого «отраженного звука» (частое и многократное эхо); Аннабелла Луин пела характерным для панк-вокалистов полуречитативом. Дебютный альбом ансамбля был выпущен фирмой «EMI Records» только в компакт-кассетном варианте («Your Cassette Pet»). Восемь его композиций представляют собой по сути незаконченные экспериментальные работы. Зато вышедший в 1981 году первый полноценный диск группы («See Jungle!..») сразу привлек к себе внимание отточенностью и стилистической оригинальностью песен. В том же году МакЛарен включил в состав коллектива второго вокалиста, Джорджа О'Дауда (George O'Dowd), с которым группа успешно выступила в лондонском зале «Rainbow Theatre». Певец, однако, вскоре ушел и, взяв псевдоним Boy George, основал собственный ансамбль «Culture Club». В 1982 году выходит мини-альбом «Бау Уау Уау» под названием «The Last Of The Mohicans» (только в США), и одна из четырех включенных в него композиций («I Want Candy», шлягер ансамбля «The Strangeloves» 60-х годов) попадает в десятку лучших национального хит-парада США. Стремясь закрепить успех, коллектив выпускает в том же году и под тем же названием альбом, в известном смысле беспрецедентный в истории рок-музыки: его английское и американское издания — это совершенно разные пластинки, которые, впрочем, расходятся крупными тиражами по обе стороны Атлантики. Английский вариант вскоре вышел в США под названием «Twelve Original Recordings», правда, в несколько сокращенном виде. Пресса возмущенно реагирует на такую коммерческую «эквилибристику» МакЛарена, что дает музыкантам основания порвать с ним контракт. В 1983 году группа выпускает альбом «When The Going Gets Tough...», который, в отличие от предыдущих, является не сборником лучших песен, а оригинальным произведением. Пластинка имеет успех, но он не укрепляет ансамбль, а фактически разрушает его: Аннабелла Луин находит момент наиболее подходящим для начала сольной карьеры. Она активно выступает с концертами, а в 1986 году выпускает сольный диск «Fever», примечательный, в частности, тем, что его записью руководили сразу шесть продюсеров, в том числе Jim Lea, известный своей работой над дисками группы «Slade». Альбом, однако, успеха не имеет. Не сопутствовала удача и остальным музыкантам «Бау Уау Уау»: их трио под названием «Chiefs Of Relief» тоже не поднимается выше концертной деятельности.

Дискография: Your Cassette Pet (1980, EMI Rec., U.K. only, компакт-кассета); See Jungle! See Jungle! Go Join Your Gang Yeah! City All Over, Go Ape Crazy (1981, RCA Rec.); The Last Of The Mohicans (1982, EP, RCA Rec., U.S. only); I Want Candy (1982, EMI Rec. — U.K., RCA Rec. — U.S.); Twelve Original Recordings (1982, Harvest Rec., U.S. only); When The Going Gets Tough The Tough Get Going (1983, RCA Rec.);
Аннабелла Луин, соло — Fever (1986, RCA Rec.).

The Box
Бокс

Английский ансамбль. 1983—1985.

Группу основали гитарист Paul Widger и саксофонист Charlie Collins из распавшегося ансамбля «Clock DVA», исполнявшего жесткий фанк-рок. Для записи пластинок они пригласили вокалиста Питера Хоупа (Peter Hope) и двух студийных музыкантов — ударника и бас-гитариста. Коллектив продолжил традиции ансамбля «Clock DVA», сочетая джазовые импровизации с элементами стиля хард-энд-хэви. В 1983 году вышел дебютный мини-альбом группы — «The Box», состоявший из пяти композиций, а еще через несколько месяцев появился диск «Secrets Out», на котором Уиджер и Коллинз представили оригинальный полифонический дуэт гитары и саксофона на базе жесткого и энергичного звучания ритм-секции. Однако следующий альбом оказался заметно слабее и однообразнее, в большинстве композиций превалировали излишне затянутые, по мнению критики, инструментальные импровизации в стиле хард-рока. Вторичной была признана и форсированная манера пения Питера Хоупа. Записав еще один мини-альбом, каждый из музыкантов начал самостоятельную карьеру. Когда в 1985 году фирма «Rough Trade Records» выпустила концертный диск «Muscle Out», записанный во время выступления «Бокс» в шеффилдском зале «Leadmill», ансамбля как такового уже не существовало.

Дискография: The Box (1983, EP, Go!Discs); Secrets Out (1983, Go! Discs); Great Moments In Big Slam (1984, Go!Discs); Muscle In (1985, EP, Doublevision Rec.); Muscle Out (1985, live, Rough Trade Rec.).

The Box Tops
Бокс Топс

Американский ансамбль. 1965—1970.

Начальный состав: Alex Chilton (28.XII.1950) — вокал, Gary Talley (17.VIII. 1947) — гитара, William (Bill) Cunningham (23.I.1950) — бас-гитара, гармоника, John Evans — клавишные, гитара, Daniel (Danny) Smythe — ударные.

Все участники квинтета учились в одной школе и даже в одном классе в городе Мемфис, штат Теннесси. Объединившись в группу, они некоторое время выступали без названия. В 1966 году на их концерте побывал продюсер местной студии грамзаписи «America Recording Studios» Dan Penn, которому понравилась исполнительская манера коллектива, напоминавшая раннее творчество ансамблей «The Beatles», «The Hollies», «Herman's Hermits», и он предложил музыкантам записать несколько шлягеров композитора Уэйна Томпсона (Wayne Carson Thompson). Продюсер придумал и название группе: «Бокс Топс». Первый же сингл, «The Letter», вышедший летом 1967 года, вскоре возглавил национальный хит-парад США, продержавшись в нем целый месяц. В дальнейшем, однако, подобного успеха группе добиться не удавалось. Второй сингл («Neon Rainbow») занял лишь 24-е место. В том же году фирма «Bell Records» выпустила дебютный альбом ансамбля, «The Letter/Neon Rainbow», после чего Эванс и Смайт ушли, уступив место пианисту Рику Аллену (Rick Allen, 28.I.1946) и ударнику Томасу Боггсу (Thomas Boggs, 16.VII.1947). В обновленном составе «Бокс Топс» записали сингл «Cry Like A Baby», занявший второе место в национальной таблице популярности и ставший 2 мая 1968 года «золотым» в США. В том же году в хит-парады по обе стороны Атлантики попали выпущенные ансамблем синглы «Choo Choo Train», «I Met Her In Church», «Sweet Cream Ladies, Forward March», «I Shall Be Released». 28—30 декабря, в числе 30 ведущих поп- и рок-исполнителей, «Бокс Топс» приняли участие в фестивале «The Miami Pop Festival», проходившем в городе Хеллендей, штат Флорида, и собравшем свыше ста тысяч зрителей. Последним крупным успехом группы стал сингл «Soul Deep» (18-е место в национальном хит-параде), вышедший в 1969 году, а еще через год коллектив распался. В историю рок-музыки исполнители вошли как одни из основоположников стиля поп-соул. Алекс Чилтон в дальнейшем основал ансамбль «Big Star», а в 1976 году начал сольную карьеру.

Дискография: The Letter/Neon Rainbow (1967, Bell Rec.); Cry Like A Baby (1967, Bell Rec.); Nonstop (1968, Bell Rec.); Dimentions (1969, Bell Rec.); Super Hits (1969, hits, Bell Rec.); The Box Tops Greatest Hits (1971, Rhino Rec.).

Boy George/ Culture Club
Бой Джордж/ Калчер Клаб

Английский певец.

Настоящее имя: George Alan O'Dowd.
14.VI.1961, Eltham, London.

Английский ансамбль. Основан в 1981 году.

Начальный состав: Boy George — вокал, Mikey (Michael Emile) Craig (15.II.1960, Hammersmith, London) — бас-гитара, Jon (Jonathan Aubrey) Moss (11.IX.1957, Wandsworth, London) — ударные, John «Suede» — гитара.

Адрес: P.O.Box 40, Ruislip, Middlesex HA4 7ND, England.

В школьные годы Джордж увлекался творчеством ведущих мастеров глиттер-рока — Марка Болана (Marc Bolan) и Дэвида Боуи (David Bowie). С 16 лет работал курьером в издательской фирме, затем продавцом в магазине модной одежды, оформителем панк-концертов. В 1977 году стал диск-жокеем в лондонском клубе «The Planets», после чего поступил в рекламное агентство Питера Бенисона (Peter Benison), где рекламировал модную одежду; фотопортреты Джорджа часто появлялись в западноевропейских журналах мод. Экстравагантность и фотогеничность юноши привлекли внимание менеджера группы «Bow Wow Wow» Малколма МакЛарена (Malcolm McLaren), а незаурядные вокальные данные навели его на мысль пригласить Джорджа ведущим певцом в этот коллектив вместо Аннабеллы Луин (Annabella Lwin). Выступив с ансамблем в лондонском зале «Rainbow Theatre», Джордж, однако, вскоре покинул сцену и открыл собственный магазин экстравагантной одежды «The Foundry». Сообщение об удачном дебюте Джорджа как певца, опубликованное в еженедельнике «New Musical Express», попалось на глаза бас-гитаристу Мики Крэйгу (Mikey Craig), подбиравшему музыкантов для новой группы, и он в 1980 году предложил Джорджу войти в ее состав. Вскоре к ним присоединился гитарист Джон «Суэйд» (John «Suede»). Так образовалось трио «The Sex Gang Children», к которому затем примкнул ударник Jon Moss, известный своим участием в ансамблях «Phone Bone Boulevard», «Eskimo Norbert», «The Clash», «London», «The Damned», «The Edge». В этом составе группа приняла название «Culture Club». Тогда же Джордж О'Дауд взял сценический псевдоним Бой Джордж. В ходе первых же репетиций выяснилось, что Джон «Суэйд» не обладает достаточной квалификацией, чтобы исполнять сложные

сольные партии, и Бой Джордж пригласил вместо него другого гитариста-любителя Роя Хэя (Roy Hay — 12.VIII.1961, Southern London). В октябре 1981 года «Калчер Клаб» дал первый концерт в клубе «Crocs», в городе Рейлег, графство Эссекс, а уже в декабре менеджер фирмы «Virgin Records» Danny Goodwin предложил музыкантам сотрудничество. В мае и июне 1982 года вышли первые синглы группы — «White Boy» и «I'm Afraid Of Me». Успеха они не имели. Зато третий сингл, «Do You Really Want To Hurt Me», появившийся в сентябре, спустя месяц возглавил британский национальный хит-парад (26 марта 1983 года он занял второе место по популярности в США). В ноябре «Калчер Клаб» выступил в престижнейшем английском телевизионном шоу «BBC TV Top Of The Pops», а в канун рождества вышел дебютный альбом ансамбля «Kissing To Be Clever» (продюсер Steven Levine). В результате группа была объявлена «сенсацией года». Песни «Time (Clock Of The Heart)» и «I'll Tumble 4 Ya» с этого диска попали в десятки лучших как английской, так и американской таблиц популярности, что принесло Бою Джорджу титул «самой выдающейся поп-личности года». Ансамбль отправился в длительное турне по Великобритании и США, где продемонстрировал новое стилистическое направление, основанное на концепциях глиттер-рока и названное Джорджем «блиц-рок». Выпущенный после гастролей второй альбом имел еще более крупный успех: одна из его композиций сразу попала в хит-парады («Church Of The Poison Mind»), а другая («Karma Chameleon») чуть позже возглавила таблицы популярности почти во всем мире и, выпущенная синглом, стала «пластинкой года». В работе над альбомом, кроме основного состава группы, принимали участие Phil Pickett (клавишные, из квартета «Sailor») и Helen Terry (вокал). Одновременно со славой выдающегося рок-исполнителя Бой Джордж завоевал известность и как законодатель рок-моды. В содружестве с модельером Sue Clowes он создал оригинальные сценические образы: на концертах и конвертах пластинок певец представал то в обличье монахини-отшельницы, то субретки, то «мадам Баттерфляй» — японской гейши (кимоно, сандалии, заплетенные в тонкие косички длинные волосы, обилие пудры и белил на лице). Первые два альбома создавались по принципу так называемой «всемирной эклектики», сочетая элементы «черной» музыки соул и госпелз, стилей реггей, кантри-энд-вестерн, бит с использованием традиций ирландских фолк-баллад и международных поп-стандартов. В начале 1984 года музыканты попытались отказаться от принятого компилятивного метода, предложенного Боем Джорджем, но поиски нового стиля завершились настоящим фиаско очередного альбома («Waking Up With The House On Fire»). В группе наметился раскол. Джордж, по-прежнему стоявший на позициях эклектики, начал выступать без «Калчер Клаб» с другими суперзвездами, такими как, например, Chaka Khan. Весной и осенью 1985 года, после длительного перерыва, ансамбль вновь стал работать в студии, над альбомом «From Luxury To Heartache» (продюсеры — Arif Mardin и Lew Hahn). Вышедший в апреле 1986-го, он был выдержан в традициях стиля фанк-соул и имел немалый коммерческий успех, который, однако, уже не мог предотвратить окончательного распада ансамбля. В дальнейшем Бой Джордж стал выступать как солист. В начале 1987 года вышел его сингл «Everything I Own» в стиле реггей (композиция 1974 года, первый исполнитель — Ken Boothe), за которым последовали другие самостоятельные работы. Он также автор автобиографической книги «A Parade Of Assumptions» («Парад самонадеянности», Нью-Йорк, 1985). Рой Хэй образовал группу «This Way Up» и в 1987 году выпустил дебютный сингл «Tell Me Why». Йон Мосс основал ансамбль «Heartbeat» (дебютный сингл «Jump To It», 1987).

Дискография: Kissing To Be Clever (1982, Virgin Rec. — U. K., Epic Rec. — U. S.); Colour By Numbers (1983, Virgin — U. K., Epic — U. S.); Waking Up With The House On Fire (1984, Virgin — U. K., Epic — U. S.); From Luxury To Heartache (1986, Virgin — U. K., Epic — U. S.); This Time (1987, Virgin — U.K., Epic — U.S.); *Бой Джордж, соло* — Sold (1987).

Авторы-составители выражают благодарность за предоставленные дополнительные источники информации ведущему раздела хард-энд-хэви «Звуковой дорожки» газеты «Московский комсомолец» *Алексею Сидорову* и за помощь в подборе фотоиллюстраций читателю журнала «В мире книг» *Дмитрию Шипову* (Москва).

Продолжение следует

«СЕНТЯБРЬ...

Зимний лук и чеснок садить, салат, тмин и другие травные семена сеять, чтоб оные весною ранее взошли; те гряды унавоживать, на которые в будущую весну сеять или садить, а потом перекапывать; морковные и другие огородные семена сеять, чтоб оные к весне скорее подсохли и от морозу уйти могли... Смородину, крыжовник и малину рассаживать, однако чтоб земля к тому не очень черна и навозна была..»

Не правда ли, несмотря на старинный стиль, этот отрывок вполне напоминает советы, что нынче так широко публикуются под рубрикой типа: «Сад и огород»? Взят он из раздела «Что во всяком месяце через весь год делать надлежит» книги «Флоринова экономия», увидевшей свет в 1738 году.

Издание Академией наук в Санкт-Петербурге этой книги стало важным событием в истории отечественного агрономического просвещения.

«Флоринова экономия» была первым общим печатным руководством по сельскому хозяйству. Книга получила заглавие по фамилии немецкого автора Франца Флорина, издавшего к тому времени в Германии книгу «Генеральная экономия». Академия наук поручила ее перевод и издание Сергею Саввичу Волчкову — секретарю и директору сенатской типографии. С. С. Волчков вошел в историю русской культуры как очень квалифицированный переводчик. Он перевел с иностранных языков в общей сложности около 20 книг. Многие из них выдержали несколько изданий. Пятью изданиями в течение 18 века вышла и «Флоринова экономия», что свидетельствовало о ее большом успехе.

Перевод С. С. Волчкова, над которым он трудился 3 года, не был дословным. По современной терминологии его скорее можно было назвать авторизованным, так как в своей работе он стремился популярно, применительно к российским условиям раскрыть и донести до читателей то новое, что заключала в себе книга иноземного автора.

Она наставляла, как «должен стараться эконом (хозяин, помещик. — А. С.), чтобы в деревне его мельницы и другие принадлежности были, которые ему и подданным его немалый прибыток принести могли».

В книге были собраны, а главное — систематизированы, все известные тогда сведения о возделывании сельскохозяйственных культур, об удобрениях, о посевах, уборочных работах, о семеноводстве; давались советы по разведению зернобобовых культур, садоводству, животноводству, ветеринарии.

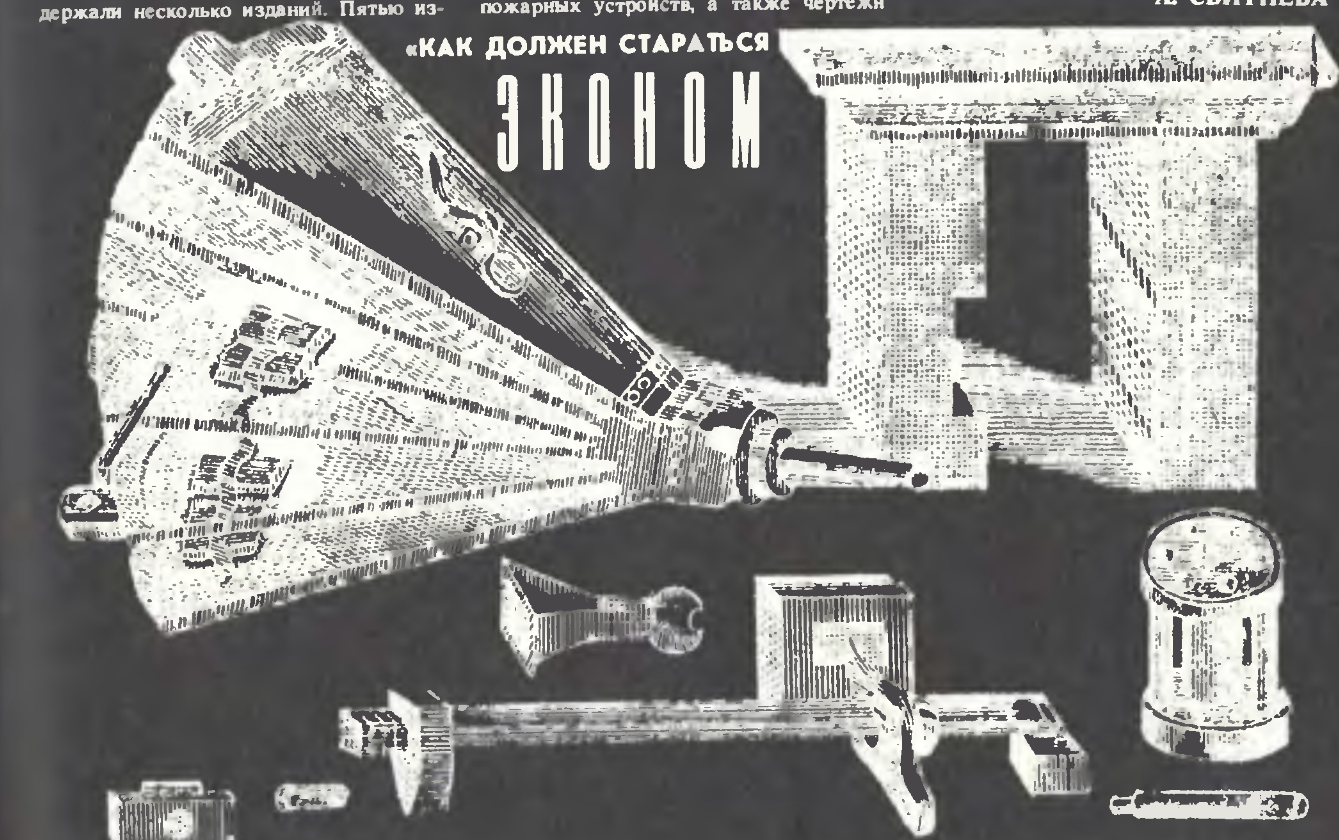
Большой интерес представляет поваренный раздел «Флориновой экономии», содержащий ряд любопытных и поучительных и для современного читателя рекомендаций о заготовке продуктов впрок, а также различные кулинарные рецепты.

Кроме того, текст сопровождали прекрасные иллюстрации — планы помещичьих домов, различных надворных построек, схемы производства шелковичных коконов, различных противопожарных устройств, а также чертежи водяных и ветряных мельниц, пивоварен, зерносушилок и даже солнечных часов.

«Флоринова экономия» была единственным подобным универсальным сочинением по вопросам сельского хозяйства вплоть до 70-х годов восемнадцатого столетия. В 1765 году в России возникло Вольное экономическое общество, давшее огромный толчок развитию культуры и образования в России, в том числе и развитию сельскохозяйственной литературы. Спустя семь лет член ВЭО С. В. Друковцев выпустил книгу «Экономические наставления дворянам, крестьянам и поварихам», которое также содержало обширные сведения для помещиков по многим вопросам сельского хозяйства. Но и после этого интерес к «Флориновой экономии» у русской общественности не угасал.

В условиях России с аграрным характером ее экономики книги, подобные «Флориновой экономии», имели большое значение для рационализации помещичьих хозяйств. Обилие агротехнических сведений делало такие книги ценным источником по организации различных видов сельскохозяйственного производства, рост которых оказал влияние на развитие капитализма и содействовал общему подъему уровня сельского хозяйства. «Флоринова экономия» была первой подобной книгой. И хотя возраст ее — четверть тысячелетия — весьма солидный, современный читатель тоже мог бы почерпнуть из нее немало полезного.

А. СБИТНЕВА

GUINNESS

САМОЕ... САМАЯ... САМЫЙ...

РЕКОРДОМ ЯВЛЯЕТСЯ...

«Рекорд» в современном понимании слова является чем-то, что представляет пределы как одушевленных, так и неодушевленных объектов и что может быть измерено секундомером, весами, рулеткой или числом повторений.

Древнейшим рекордом является, возможно, рекорд, установленный Святым Симеоном Младшим, монахом из суровой секты колоннозахватчиков, известной под названием столпников, который в 597 г. закончил свое 45-летнее пребывание на верхушке каменной колонны близ Антиохии в Сирии.

Спустя четырнадцать столетий мир рекордов продолжает оставаться таким же активным, как всегда, и следующие шесть обладателей высших достижений заняли свое место в нашем Зале Славы 1987 года.

За последние 12 месяцев (1987 г. — Ред.) были побиты тысячи рекордов.

После 69 лет разлуки нашли друг друга близнецы, а американец Ричард Хофман стал обладателем мирового рекорда по силе челюстей.

Хедеаки Томойори из Японии по памяти назвал число л до 40 000 знака, а индиец С. Е. Яяраман говорил без остановки более восьми дней.

Калифорниец Лэрд Уэйн Уодрафф сбалансировал на одной кости домино 28 других, а сорок членов бразильской военной полиции удержались на одном мотоцикле на протяжении километра.

Было подтверждено, что Нельсон-«Малыш» является живым человеком самого низкого роста в мире — 28,3 дюйма (72см). По заключению врачей из его города Санта-Доминго, сейчас, в возрасте 21 года, рост Нельсона прекратился.

2 июня 1987 г. Анна Элиза Вильямс стала третьим лицом, когда-либо отметившим свое 114-летие, и первым таким лицом, обладающим свидетельством о рождении. Перед началом второй мировой войны она была уже пенсионеркой по возрасту.

Эдвин Корли Мозес потерпел поражение на 400-метровой дистанции барьерного бега 4 июня 1987 г., тем самым положив конец самому длинному в истории легкой атлетики периоду выигранных забегов — 122 забега за 9 лет и 281 день.

ЗАЛ СЛАВЫ 1987 ГОДА

Сэр Эдмунд Хиллари, Новая Зеландия. Он явился первым человеком, завоевавшим Эверест.

Кэтрин Хепберн, Соединенные Штаты Америки. Ее вклад в киноиндустрию на протяжении более полувека дал ей уникальную возможность быть награжденной четырьмя Оскарами.

Сергей Бубка, СССР. Его приверженность спорту помогла ему стать первым прыгуном с шестом, преодолевшим шестиметровый рубеж.

Сэр Дональд Брэдмен, Австралия. Его вклад в крикет позволил ему добиться высочайших успехов и результатов за всю историю игры.

Валентина Терешкова, СССР. Ее выдающееся достижение проявилось в том, что она стала первой женщиной в космосе, успешно завершившей 48 оборотов вокруг Земли.

Чарлз Апхэм, Новая Зеландия. Его героизм и храбрость были отмечены тем, что он является единственным из воевавших солдат, награжденным Крестом Виктории и почетной пряжкой к нему.

ЧЕЛОВЕК

Размеры

ГИГАНТЫ

Истинный рост гигантов зачастую искажается преувеличениями и коммерческой нечестностью. Единственно приемлемые доказательства истинного роста гигантов были собраны на протяжении нашего столетия под беспристрастным медицинским наблюдением.

К сожалению, и медики зачастую приводят несколько преувеличенные сведения.

Живой человек самого высокого роста — Габриэль Эставао Моньяне (1944 г. р., Моньяказе, Мозамбик), чей рост представлен португальским цирком в 1967 г. как 265 см. Эти данные преувеличены. Истинный его рост составляет 245,7 см. Вес — 189,6 кг.

Предположение, что рост Голиафа из Гата (приблизительно 1060 г. до н. э.) составлял 6 греческих кубитов и один спан (290 см), явно говорит о путанице в единицах измерения или чрезмерно усердных стараниях иудейских хроникеров. Еврейский историк Флавиус Жозефиус (родился в 37/38 г., умер примерно в 100 г.), а также некоторые списки Септугинты (ранние переводы на греческий язык Ветхого Завета) оценивают рост Голиафа более достоверно — 4 кубита и один спан (208 см).

Гиганты, выступающие в цирках и на выставках, обычно связаны контрактами, запрещающими антропометрические измерения. Традиционно их рост преувеличивается хозяевами на 18—45 см по сравнению с истинным.

САМЫЕ ВЫСОКИЕ МУЖЧИНЫ

Сейчас считается, что самым высоким мужчиной в медицинской истории был Роберт Першинг Уодлоу, родившийся в 6.30 утра 22 февраля 1918 г. в Алтоне, Иллинойс, США. Его вес при рождении составил 3,85 кг. Его анормальный рост начался в возрасте двух лет после операции по поводу двойной грыжи. В возрасте 13 лет его рост составлял 218 см, а в возрасте 17 лет — 245 см. 27 июня 1940 г. доктор С. М. Чарлз, профессор анатомии Медицинской школы Вашингтонского университета в Сан-Луи, Миссури, и доктор Сирил Макбройд определили в Сан-Луи рост Роберта Уодлоу в 272 см (размах рук — 288 см). Уодлоу умер, спустя 18 дней, в 1.30 15 июля 1940 г. в гостинице города Манисти, штат Мичиган, в результате волдыря на правой лодыжке,образовавшегося из-за плохо наложенной повязки. У Уодлоу была ограниченная чувствительность ног. Во время последней болезни Уодлоу продолжал расти и возможно достиг бы или даже превзошел 274 см, если бы прожил еще один год. Его самый большой зарегистрированный вес равнялся 222,7 кг — в день, когда ему исполнился 21 год. В момент смерти его вес равнялся 199 кг. Он носил обувь размера 37 АА (47 см), его ладони были 32,4 см длиной от начала кисти до конца среднего пальца. Похоронен Уодлоу на кладбище Оуквуд, Алтон, Иллинойс, в гробу размером 328 см длиной, 81 см в ширину и 76 см глубиной.

АНГЛИЯ

Зафиксировано, что самым высоким англичанином был Вилльям Брэдли (1787—1820), родившийся в Маркти Вейтоне, ныне Хамберсайд. Его рост был равен 236 см. Считалось, что Джон Миддлтон (1578—1623), знаменитый Чайлд из Гейла, из-под Ливерпуля был ростом 282 см, однако прижизненный отпечаток его правой руки (длиной 29,2 см по сравнению с рукой Уодлоу — 32,4 см) на панели колледжа Брейзноуз, Оксфорд, указывает что его истинный рост был ближе к 236 см. Альберт Бруг (1871—1919), владелец бара в Ноттингеме, достиг роста 232 см. Сообщалось, что рост Фредерика Кемпстера (1889—1918) из Эйбери, Вилтшир, во время его смерти составил 255 см, однако фотографии свидетельствуют, что его рост был 235 см.

САМЫЕ ВЫСОКИЕ ЖЕНЩИНЫ

Гигантов среди женщин меньше, чем среди мужчин, и тем не менее рост гигантских женщин впечатляет. Самой высокой женщиной в истории была великанша Зенг Джинлиан (произносится как Сан Чуинглин). Родилась 26 июня 1964 г. в деревне Юджианг в Коммуне Яркой Луны, провинция Юнань, Центральный Китай, рост которой достиг 247 см, когда она умерла 13 февраля 1982 г. Эта цифра, однако, получена с учетом нормального искривления позвоночника — она болела сколиозом и не могла выпрямиться. С четырехмесячного возраста начался ее анормальный рост. Еще не достигнув четырех лет, она была уже ростом в 156 см (сравните со 162,6 см — ростом Роберта Уодлоу в возрасте пяти лет) и 217 см в возрасте 13 лет. Ее ладони достигали 25,5 см длиной, а ступни 35,5 см. Родители и брат имеют нормальный рост.

ЖИВЫЕ

Самой высокой из ныне живущих женщин является Сэнди Аллен (родившаяся 18 июня 1955 г. в Чикаго) из Ниагара Фоллз, Онтарио, Канада. 14 июля 1977 г. она перенесла операцию на гландах, остановившую ее дальнейший рост на 231,7 см. Родившаяся весом 2,95 кг, она начала быстро расти уже в младенчестве. Сейчас она весит 209,5 кг, американский размер обуви 16 ЕЕЕ (равный английскому размеру 14 $^{1}/_{2}$ или 50 ПП континентальному).

СУПРУЖЕСКИЕ ПАРЫ

Предполагалось, что рост Анны Ханен Свон (1846—1888) из Нова Скотия, Канада, был 245 см, измерения показали, однако, что он равнялся 227 см. 17 июня 1871 г. в Лондоне она вышла замуж за Мартина ван Бюрен Бейтса (1845—1919) из Вайтсбурга, графство Лейгер, Кентукки, США, чей рост был равен 219 см, что сделало их самой высокой зарегистрированной супружеской парой.

ГИГАНТЫ

За исключением Роберта Уодлоу, рост выше 244 см официально зарегистрирован в отношении девяти человек, перечисленных ниже. В семи случаях гигантизм сопровождался акромегалией, болезнью, приводящей к увеличению носа, губ, языка, нижней челюсти, рук и ног, вызываемых возобновлением активности питуитарной железы, расположенной в основании мозга.

Джон Вилльям Роган (1871—1905) из Галлатина, Теннесси, США, 264 см. Измерен в сидячем положении, не в состоянии стоять из-за анкилоза (неподвижность суставов из-за образования спаек) коленей и бедер. Весил всего 79 кг. Рост продолжался до смерти.

Джон Ф. Кэррол (1932—1969) из Буффало, штат Нью-Йорк, США, 263,5 см. Острый кифозный сколиоз (искривление позвоночника). Цифра получена с учетом нормального искривления позвоночника, подсчитанной при измерении роста стоя, который 14 октября 1959 г. составил 244 см. Незадолго до смерти его рост в стоячем положении равнялся 234 см.

Вайно Миллиринне (1909—1963), Хельсинки, Финляндия, 251,4 см. В возрасте 21 года его рост был 222 см. Пережил вторую фазу роста в тридцатилетнем возрасте и в момент смерти достиг 246,8 см.

Дон Кёлер (1925—1981) из Дентона, Монтана, США, 248,9 см, позднее жил в Чикаго. Анормальный рост начался в возрасте 10 лет. Имеет сестру-двойняшку ростом 175 см. Рост его отца был 187 см, а матери — 177 см.

Бернард Койн (1897—1921) из Антона, Айова, США, 248,9 см, евнухоподобный гигант. Не принят в армию в 1918 году, когда его рост составлял 236 см. Рост продолжался до смерти.

Патрик Коттер (О'Брайен) (1760—1806) из Кинсейла, графство Корк, Ирландия, 246 см. Рост выверен по измерениям скелета после эксгумации 19 декабря 1972 г.

«Константин» (1872—1902) из Рейтлингена, Западная Германия, 245,8 см. Евнухоподобный. Рост приблизителен, так как обе ноги были ампутированы из-за гангрены. Сам он утверждал, что его рост равен 259 см.

Габриэль Эстевао Моньяне (родился в 1944 г.) из Моньяказе, Мозамбик, 245,7 см. Евнухоподобный. Ходит с палкой после перелома бедра.

Сулейман Али Нашнуш (родился в 1943 г.) из Триполи, Ливия, 245 см. Были введены железистые инъекции для прекращения анормального роста в Риме в 1960 г.

КАРЛИКИ

Критика по поводу роста гигантов равно может быть отнесена и к карликам, за исключением того, что в последнем случае преуменьшение заменяет преувеличение.

Точно так же, как 274 см представляются тем пределом, к которому «стремятся» гиганты, 58 см должны рассматриваться как предел для взрослых карликов самого маленького роста (для сравнения: длина новорожденных — 46—50 см).

Среди человеческих карликов существует много форм. Самыми низкорослыми являются больные ателеозом (лилипуты). В основном они имеют нормальные пропорции, но страдают гормональной недостаточностью. Такие карлики в прошлом были еще низкорослее из-за плохого питания.

САМЫЙ НИЗКОРОСЛЫЙ

Самым низкорослым человеческим су-

ществом, о котором имеются непредубежденные свидетельства, была Полин Мастерс («Принцесса Полин»), голландская лилипутка. Она родилась в Оссендрехте 26 февраля 1876 г., рост ее при рождении составлял 30 см. В возрасте 9 лет ее рост достиг 55 см, а весила она всего 1,5 кг. Умерла Полин 1 марта 1895 г. в Нью-Йорке в возрасте 19 лет от воспаления легких, осложнившегося менингитом, сердце было ослаблено злоупотреблением спиртными напитками. Хотя утверждали, что ее рост был равен 48 см, медицинское обследование, проведенное ранее, установило, что на самом деле он был равен 59 см. После вскрытия измерения установили ее рост ровно в 61 см (после смерти рост немного увеличивается). Во взрослом возрасте она весила от 3,4 кг до 4 кг, объем груди, талии и бедер составлял соответственно 47—48—43 см, что говорит об избыточном весе.

В 1938 г. рост в 48 см журнал «Лайф» приписывал Полю Дель Рио (родился в Мадриде в 1920 г.) во время его визита в Голливуд. Однако тот факт, что его присутствие не произвело большого впечатления по сравнению с другими карликами киноиндустрии, а вес составлял целых 5,4 кг, заставляют полагать, что его рост был ближе к 66 см.

В 1979 г. рост в 50 см и вес в 1,98 кг был зарегистрирован у девятилетней греческой девочки по имени Стаматула (родилась в сентябре 1969 г. длиной 15 см). Когда 22 августа 1985 г. она умерла в монастыре Лирион в Афинах, ее рост равнялся 67 см, а вес — 5 кг. Считают, что ребенок родился от близнецов, страдающих синдромом Секкела, известным также под названием «птицеловая низкорослость» из-за того, что жертвы этой болезни имеют выпуклые глаза и выдающиеся носы.

Самым коротким зарегистрированным взрослым карликом мужского рода был Калвин Филлипс, рожденный 14 января 1791 г., в возрасте 5 лет перестал расти. Когда ему было 19 лет, его рост составлял 67 см, а вес с одеждой — 5,4 кг. Двумя годами спустя, в апреле 1812 г., он умер от прогерии, редкой болезни, отличительными чертами которой являются низкорослость и преждевременное старение.

Вилльям Е. Джексон, известный под кличкой «Майор Майт», родившийся 2 сентября 1864 г. в Данедже, Новая Зеландия, при рождении был весом 340 г и длиной — 23 см. В ноябре 1880 г. его рост составлял 53 см, а вес — 4 кг. Умер в Нью-Йорке 9 декабря 1900 г., достигнув роста в 69 см.

Самым знаменитым лилипутом в истории был Чарлз Шервуд Стрэттон, известный под кличкой «Генерал Том Там», родившийся 4 января 1838 г. Когда он вошел в труппу цирка известного американского дельца Финеаса Т. Барнума, его дату рождения заменили на 4 января 1832 г., так что заявленный рост в 77 см в возрасте 18 лет на самом деле принадлежал двадцатилетнему. Он умер в том же городе, где и родился — Бриджпорте, штат Коннектикут, США, от апоплексии 15 июля 1883 г. в возрасте 45 лет (а не 51 года) и был ростом 102 см (вес — 31,7 кг).

ЖИВУЩИЕ КАРЛИКИ

Известно, что самым низкорослым подвижным живущим человеческим существом является Нельсон де ла Роса (родился в июне 1968 г.), ателеотический карлик из Санта-Доминго, Доминиканская республика. 2 апреля 1987 г. он был обследован руководителем Доминиканской медицинской ассоциации, который обнаружил, что рост этого крошечного чуда равен 72 см, а вес — лишь 6,81 кг (для сравнения: средний вес новорожденных равен 3,4 кг). Другие измерения показали: объем груди — 44,4 см, а талии — 40,6 см. Врач также сообщил, что рост Нельсона прекратился. Остальные члены его семьи имеют обычные размеры.

БЛИЗНЕЦЫ

Самыми низкорослыми близнецами считаются карлики Матиус и Бела Матина (родившиеся в 1903 г.) в Будапеште, Венгрия, позднее ставшие натурализованными американцами. Их рост составлял 76 см.

Джон и Грег Райсы (родились 3 декабря 1951 г.) в Уэст Пам Бич, Флорида), являются самыми низкорослыми живущими близнецами ростом 86,3 см.

СТАРЕЙШИЕ

Зарегистрировано лишь два карлика, достигших столетнего возраста. Венгерского происхождения мисс Сюзаина Бокони («Принцесса Сюзанна»), родившаяся в Ньютоне, штат Нью-Джерси, умерла в возрасте 105 лет 24 августа 1984 г. Ее рост был 101 см, вес — 16,78 кг.

Другой была мисс Анн Клоувз из Мэтлока, Дербишир, умершая 5 августа 1784 г. в возрасте 103 лет. Ее рост — 114 см, вес — 21,7 кг.

НАИБОЛЬШАЯ РАЗНИЦА В РОСТЕ

Адам Райнер, родившийся в Австрии, в 1899 г. в возрасте 21 года имел рост в 118 см. Неожиданно он стал быстро расти, и к 1931 г. его рост увеличился до 218 см. В результате этого он так ослабел, что был прикован к кровати остаток жизни. 4 марта 1950 г., когда он умер, его рост был равен 234 см. Это единственный человек в истории, который побывал и карликом и великаном.

Лорд Адар (4-й граф Данрейвена и Маунт Эрла, родившийся 12 февраля 1841 г. и умерший 14 июня 1926 г.) зарегистрировал факт, согласно которому медиум шотландского происхождения Даниэль Хоум (родился в 1833 г.) был способен увеличить свой рост на 28 см.

СУПРУЖЕСКАЯ ПАРА С НАИБОЛЬШЕЙ РАЗНИЦЕЙ В РОСТЕ

Найджел Уилкс (200,6 см) из Кингстона, Хамберсайд, женился на Беверли Расселл (119,3 см) 30 июня 1984 г., когда обоим было по 21 году. Их сын Даниэль весом 4,22 кг родился 22 марта 1986 г.

Племена

САМЫЕ ВЫСОКИЕ

Самыми рослыми крупными племенами в мире считаются тутси (известные также под названием ватусси) из Руанды и Бурунди, Центральная Африка, и динка в Судане. Средний рост мужчин этих племен превышает 183 см. Тегуэлы Патагонии, долгое время считавшиеся людьми гигантского роста (213—244 см), на самом деле гораздо ниже: средний рост мужчин — 177 см. Черногорцы в Югославии при среднем росте мужчин в 177 см (в городе Требине средний рост составляет 183 см) могут быть сравнены с мужчинами Сазерленда (176,5 см).

САМЫЕ НИЗКОРОСЛЫЕ

Самые низкорослые племена — это племя мбути, где средний рост мужчин равен 137 см, женщин — 135, а в некоторых группах средний рост еще ниже — 132 см у мужчин и 124 у женщин. Проживают в Заире.

Вес

САМЫЕ ТЯЖЕЛОВЕСНЫЕ МУЖЧИНЫ

История медицины считает самым тяжелым Йона Бровера Миннока (родился 29 сентября 1941 г.) на острове Бейнбридж, Вашингтон, США, страдающего от ожирения с детства. В 1963 г. при росте 185 см этот бывший водитель такси весил 181 кг, а в 1966 г. — 317 кг, в сентябре 1976 г. — 442 кг. Через восемнадцать месяцев, в марте 1978 г., его срочно направили в университетский госпиталь Сиэттла по поводу водянки, сердечной недостаточности и затрудненного дыхания. Понадобилась дюжина пожарных и импровизированные носилки, чтобы донести его из дома до парома. По прибытию в госпиталь для него соединили две кровати. Для того, чтобы только повернуть его, понадобилось 13 человек. Консультант-эндокринолог д-р Роберт Шварц подсчитал, что в момент поступления в госпиталь Миннок должен был весить более 635 кг, большую часть веса составляла вода, аккумулировавшаяся из-за недостаточной работы сердца. После почти двухлетнего пребывания в госпитале на диете в 1200 калорий в день воду удалось согнать, и он был выписан при весе 216 кг. Но вес продолжал расти, и в октябре 1981 г. он вновь поступил в госпиталь после того, как прибавил в весе 91 кг всего лишь за семь дней. Когда он умер 10 сентября 1983 г., его вес составлял более 363 кг.

ЖИВУЩИЕ

Самым тяжеловесным живущим человеком является (или являлся) Т. Д. Алберт Джексон Экент Николсон, известный также как «Толстый Алберт» из Кэнтона, Миссисипи, США. Недавно его вес составлял 407 кг. Объем груди — 305 см, талии — 294 см и бедер — 178 см.

Алберт Пернитш из Грэфкорна, Австрия, также претендует на звание самого тяжелого человека в мире, однако наибольший его вес зарегистрирован в 399 кг.

Самый большой вес имел Майкл Уокер из Клинтона, Айова, США, — 485 кг, однако к февралю 1980 г. он похудел до 167 кг.

СУПЕР-ТЯЖЕЛОВЕСЫ

Йон Броувер Миннок (1941—1983), США, 185 см, 635 кг.

Майкл Уокер, при рождении носивший имя Фрэнсиса Ланга (родился в 1934 г.), США, 188 см, 538 кг. Сбросил вес до 167 кг к февралю 1980 г. Наибольший вес имел в 1971 г.

Роберт Эрл Хьюз (1926—1958), США, 184 см, 485 кг.

Миллз Дарден (1798—1857), США, 229 см, 462 кг.

«Биг Текс» (1902—1956), США, 186 см, 419 кг.

Джон Хансон Крейг (1856—1894), США, 195 см, 411 кг. Победитель приза «Бонни Бэби» в 1000 долл. в Нью-Йорке в 1858 г.

Артур Кнорр (1914—1960), США, 185 см, 408 кг. Поправился на 136 кг за последние шесть месяцев жизни.

Т. Д. Алберт Джексон (род. 1941), Кэнтон, Миссисипи, США, 193 см, 404 кг.

Алберт Пернитш (род. 1956) из Графкорна, Австрия, 175 см, 399 кг. Татуировка на его правой руке гласит: «Идеальных нет». В июле 1984 г. объем груди составлял 200 см.

Рон Хай (род. 1953) из Чикаго, США, 387 кг. К январю 1987 г. похудел до 154,2 кг за 16 месяцев.

Чиф Уайз (род. 1939), США, 163 см, 385 кг. 9 сентября 1986 г. стал победителем соревнования «Самый большой живот», проведенного журналом «Нэшнл Инкуайерер». Объем талии — 2,81 м.

Самым тяжелым человеком, который живет в Англии, является Артур Армитидж (при рождении 28 июня 1929 г. весил 2,3 кг) из Ноттингли, Западный Йоркшир. Его вес в октябре 1986 г. составлял 305 кг. Ранее в феврале 1970 г. он также объявлялся чемпионом — тяжеловесом Англии. Тогда его вес составлял 257 кг. Затем он «сел на диету» (600 калорий в день) и к марту 1972 г. похудел до 115 кг. Затем начал полнеть опять.

Вес высокого (210,8 см) профессионального борца Мартина Руана, известного также как Люк Макмастерз («Гигант Хэйстэкс»), родившегося в Лондоне в 1946 г., колеблется в настоящее время между 260 и 273 кг, хотя, он заявляет, что однажды он весил 317 кг.

САМЫЕ ТЯЖЕЛОВЕСНЫЕ ЖЕНЩИНЫ

Самой тяжелой женщиной, когда-либо зарегистрированной, была покойная миссис Перси Перл Уошингтон, в возрасте 46 лет умершая в госпитале Милуоки 9 октября 1972 г. Шкала больших весов была рассчитана на вес, не превышающий 362,8 кг. Считается, что вес миссис Уошингтон был примерно 399,1 кг. Ее рост — 183 см, размер платья — 62.

Предыдущий женский рекорд был установлен 84 года тому назад — 385 кг, хотя имеется непроверенная информация о миссис Иде Мейтлонд (1898—1952) из Спрингфилда, Миссисипи, согласно которой ее вес достигал 413,2 кг.

САМЫЕ ЛЕГКОВЕСНЫЕ

Взрослым человеческим существом самого маленького веса была Лючия Зарате (род. 2 января 1863 г., Сан Карлос, Мексика, ум. в октябре 1889 г.) худосочная мексиканская лилипутка 67 см ростом, которая в возрасте 17 лет весила 2,125 кг. После двадцати лет она «поправилась» до 5,9 кг. При рождении ее вес был 1,1 кг.

Зарегистрировано, что самыми худыми людьми нормального веса являются страдающие от болезни Симмондза. Похудение до 65% от первоначального веса зарегистрировано у Эммы Шаллер (род. 8 июля 1868 г. в Сан-Суи, Миссури, ум. 4 октября 1890 г.): при росте 157 см ее вес составлял 20 кг. Предполагают, что Эдвард Хэгнер (1892—1962), известный под кличкой Эдди Машер (США) при росте 170 см весил всего 22 кг. Его называли также «Дыод скелет» (Скелет-пижон). В августе 1825 г. были произведены измерения объема бицепсов Клода-Амбруаза Серата (род. 10 апреля 1797 г., ум. 6 апреля 1826 г.) из Тройе, Франция, которые показали 10 см. Расстояние между спиной и грудью равнялось менее 7,6 см. В соответствии с одним сообщением его рост был 171 см, а вес 35 кг, но по другим данным его рост составлял 163 см, а вес — всего 16 кг.

Зарегистрировано, что американская эксгибиционистка Роза Ли Темонт (род. 1873 г.) в возрасте 18 лет весила 12 кг. В июле 1977 г. поступило сообщение о смерти 83-летней женщины в Мексборо, Южный Йоркшир, чей вес равнялся 15 кг (данные о росте не зафиксированы).

Продолжение следует

Беседу с В. Новиковым, директором издательства «Советская Россия», где готовится к печати «Книга рекордов Гиннесса», читайте на с. 73

РУКОПОЖАТИЕ

ИНТЕРВЬЮ МИНИСТРУ

Делегации из КНР теперь в Москве не редкость. «Китайская тема» постепенно вытесняет из нашей жизни «китайский синдром». Мы радуемся этому и охотно контактируем с представителями великого восточного соседа, которые едут в СССР налаживать прерванные связи, строить совместные планы, изучать опыт.

...Министр по делам информации и издательств Ду Даозен выразил большое желание познакомиться с работой НПО «Книжная палата», спецификой журнала «В мире книг» и газеты «Книжное обозрение». Хотя журналистам привычнее брать, а не давать интервью, мы постарались конкретно ответить на детальные вопросы министра и его помощников — о социологии книги в СССР, библиографической службе, движении книголюбов, причинах роста тиражей ряда периодических изданий.

В нашем диалоге выяснилось, что такого структурного подразделения, как НПО «Книжная палата», в Китае нет, но возможно, в скором времени оно появится, ибо все острее ощущается в КНР необходимость координации и расширения исследовании вкусов и интересов читателей, укрепления связи производителей с потребителями книги. Помогают ли выполнению этих задач специализированные издания — журнал «Гунджэ чубань» и газета «Синвэнь чубань»? Да, конечно. Но их тираж и авторитет у читателя пока не столь высок, как у советских аналогов — «В мире книг» и «Книжное обозрение».

Китайского министра интересовали практические стороны организации редакционно-издательского процесса в нашей стране: переход на хозрасчет и самоокупаемость, выборы директоров издательств и типографий, различные формы издательской кооперации...

Завершая беседу, говарищ Ду Даозен отметил, что тесное сотрудничество советских и китайских издателей взаимовыгодно. Необходимо лучше изучать опыт друг друга, внедрять у себя все лучшее, что достигнуто коллегами. Как все это организовать? Возможен выпуск совместного дайджеста, в котором бы помещались наиболее яркие публикации о перестройке в книжном мире обеих стран. Реально также чаще обмениваться делегациями специалистов, статьями в газетах и журналах, книжными выставками. В повестку дня встают совместные исследования книги и читателя, а также создание китайско-советского издательско-полиграфического предприятия.

А. БЕДЕРОВ

Юрий КОМОВ

ПЕСКИ ЗАБВЕНИЯ

ИЛИ В ТУ НЕВИННУЮ ПОРУ

Все, что произошло, — произошло нечаянно. Но когда на склоне лет она думала об этом, — приходила к выводу: иначе и быть не могло. Она знала, чего хотела, и порыв был искренним. Эта почти авантюристическая выходка перевернула всю жизнь: первый вояж в таинственную и ужасную «красную Россию» превратил мало кому известного английского скульптора в мировую сенсацию, фигуру незаурядную. После этого — целое десятилетие ярких журналистских репортажей из самых разных стран. Она брала интервью у Ататюрка, первого президента Турецкой Республики, беседовала с Примо де Риверой, лидером испанских фалангистов, встречалась с Бенито Муссолини, фашистским диктатором Италии. Она же выполнила скульптурные портреты своего кузена Уинстона Черчилля и Мохандаса Ганди. Она успевала повсюду — и писала о тех, кого в буквальном смысле лепила из глины.

И вот — главки из части VI ее книги «Голая правда», увидевшей свет в 1927 году: «Студия в Кремле», «Работа над бюстами Зиновьева и Дзержинского», «Ленин позирует», «Как я лепила Троцкого»... Захватывающе — не правда ли? И что [illegible] об этом — я обыскал все справочники [illegible] Не может быть, чтобы [illegible] К [illegible] об [illegible] Проверил [illegible] и [illegible] книги (но [illegible] их [illegible] несколько, где [illegible] «Русские портреты», [illegible] «Голая правда») Клэр Шеридан [illegible]лись в советской печати в 20-е годы. А в журнале «Иностранная литература» (1961 г., № 4) был помещен маленький кусочек из «Голой правды» под названием «Неприкрашенная правда»: о том, как работала над бюстами Ленина и Дзержинского. Текст, конечно, был урезан, видно, как прошлись по нему ножницы бдительного редактора... И голая правда Клэр Шеридан оказалась-таки прикрашенной — такой уж у нас был обычай. В урезанном виде вошел этот отрывок в пятый том «Воспоминаний о В. И. Ленине» (1979) и в книжку «Встречи художников с Лениным» (1976). Помимо этого, обнаружил несколько публикаций, появившихся в 70-е годы в «Правде», «Социалистической индустрии» и «Советской Эстонии», в 1984 году — в «Культуре и жизни»: посвящены они были «ленининиане» Клэр Шеридан — три ее работы оказались в Центральном музее В. И. Ленина. О Зиновьеве, Троцком, понятно, ни слова. Даже самая скупая информация не могла в те годы просочиться на страницы печати. И забывали мы постепенно о том невинном — достаточном — времени первых лет советской власти, когда громко звучали пропавшие затем имена, когда все было проще и человечнее и когда, как увидит читатель глазами наивной англичанки, сама история, вершившаяся перед изумленным миром, была скромна и незатейлива. Но все это так и было...

Шел 1920 год; май. Клэр Консуэло Шеридан, 35-летняя мать двоих детей, вдова (муж погиб в 1915-м), готовила в Лондоне выставку своих скульптурных работ. Их было не так много. И она постоянно искала новую натуру. В газете — случайно — увидела фотографию Леонида Красина, только что прибывшего в английскую столицу. Член Советского правительства, нарком торговли и промышленности должен был встретиться с премьер-министром Великобритании Ллойд Джорджем: Всероссийский Центральный союз потребительских обществ получил разрешение на установление деловых отношений с иностранными государствами. Экономической блокаде Антанты приходил конец. Молодая Страна Советов выходила в люди. Все было впервые. И в лицо руководителей этой новой страны никто не знал. «Почему бы не добавить большевика к моей коллекции?» — буквально так звучал вопрос, который задала себе скульптор Шеридан. Ведь о «красных» говорят бог знает что, эти «кровожадные пролетарии» натворили делов: теперь-то ясно, что мир меняется и к старому возврата нет, раз уж «великая Англия» садится с ними за стол переговоров.

Клэр Шеридан всегда испытывала робкую восторженность перед всем славянским: ей нравились русские напевы, она читала Толстого, Достоевского, Тургенева, и сам этот народ казался ей сказочным персонажем, великаном-варваром. Всегда хотелось побывать в России: она представляла себе заснеженную равнину, темный лес вдалеке, летящую тройку — только хлопья в лицо, мчащуюся за санями волчью стаю. Но при самом богатом воображении представить себе «Россию большевиков» Клэр не могла.

Она сама пошла к русским. Принял ее член делегации Лев Борисович Каменев (Розенфельд), бывший председатель ВЦИК, избранный на этот пост в 1917 году 2-м Всероссийским съездом Советов, человек, выходивший из ЦК из-за несогласия с политикой партии и признававший свои ошибки, возглавлявший с марта 1918 года Моссовет (а позднее, с 1922-го, — заместитель председателя Совнаркома и Совета Труда и Обороны; после смерти Ленина — до января 1926 года — председатель СТО).

«У него была аккуратно подстриженная бородка и пенсне, и очень располагающая улыбка, — пишет Шеридан. — По ошибке его можно было принять за буржуа... Я испытывала страшное любопытство: неужели и он — один их тех, кто (как писали английские газеты. — Ю. К.), пытал своих врагов голодными крысами!.. Он сказал, что всегда с интересом относился к изобразительному искусству и что искусство это не безразлично и другим членам советского правительства (вот так сюрприз!) — он [illegible] согласие [illegible] и позировать. Мы условились о дне и [illegible] Красин, а не [illegible] дил [illegible] затянутым и более [illegible] ими [illegible] располагающ[illegible], хотя на все вопросы [illegible] уклончиво... но голова его [illegible] впечатляла».

[illegible] они, эти «русские революционеры», представлявшиеся до личного контакта с ними такими одинаковыми, словно «гунны», безликое «дикое племя», оказались при знакомстве совершенно разными. И простыми и сложными. Будущий полпред в Великобритании, потом во Франции и вновь в Великобритании, соратник Ленина, которого Луначарский назвал одним из маршалов Ильича, Красин поражал неординарностью и изысканными манерами. И вырос, как она потом узнала, в семье чиновника. Она так хотела понять, что движет этим человеком, заступившим на «дипломатическую революционную службу» уже в декабре 1917 года, когда он стал членом советской делегации на переговорах с Германией в Брест-Литовске.

Красин в Лондоне редко выкраивал минуту для отдыха, но ни разу не отказался принять ее. Работы у него было по горло — и трудился истово: в марте 1921 года будет подписано торговое соглашение, которому суждено сыграть важную роль в укреплении позиций РСФСР на международной арене. А вот на личное времени почти не оставалось, хорошо еще, что с ним приехала семья — милые люди. А Каменев жил один — в гостинице. Когда они заканчивали работу, просил показывать ему достопримечательности города на Темзе. Много сам рассказывал о «революционной России», о том, что это совершенно другая страна, нежели та, о которой лжет буржуазная пресса. Они вместе проводили время, он дарил ей цветы и говорил, говорил: о Врангеле в Крыму, о протестах английских рабочих, проходивших под лозунгом «Руки прочь от России», о том и о сем. Как-то вдвоем оказались на Трафальгарской площади и невольно стали участниками антиправительственного митинга. Именно тогда Клэр впервые показалось, что за Каменевым следят, — это пугало и очаровывало небывалой, опасной романтикой.

С каждым днем она все больше «идеализировала» большевиков. А иногда ее представления о них претерпевали кардинальные изменения. Как-то их пригласили за город знакомые Клэр. Когда приехали на вокзал, она не знала, брать ли билеты 1-го класса, боясь поставить Каменева в неловкое положение: ей все казалось, что «революционные принципы» не позволят ему совершить вояж в комфорте и роскоши. «Да поедемте в 1-м, — рассмеялся он. — Разве вы не знаете, что мы весь мир хотим перевести из 3-го класса в 1-й?»

С ним было легко. Хотя дела не отпускали и она видела, что он постоянно держится настороже. Так хотелось представить его себе дома — в той обстановке партийной и общественной работы, о которой она могла только догадываться. И все-таки (о чудо!) он однажды спросил: «А почему бы вам не поехать в Россию?» «Разве это возможно?» — переспросила она. То, что он ответил, было просто восхитительно: «Когда я буду возвращаться, поезжайте со мной, и я сделаю так, что Ленин и Троцкий будут позировать вам».

Но до последнего момента ни он, ни она в возможность такого путешествия не верили. Столько препятствий, формальностей, неудобств. А сколько будет разговоров, кривотолков — да мало ли что. Обстановка вокруг «русской торговой делегации» была непростой. От своих высокопоставленных друзей Клэр случайно узнала, что каждый шаг русских действительно фиксировали, а все их депеши в Россию — прочитывались: шифр давно разгадан. Когда за два дня до отъезда из Лондона Каменев сказал ей, что хочет направить сообщение в Москву о ее возможном приезде, она попросила этого не делать, объяснив, что в этом случае задуманное будет очень трудно осуществить, — соответствующие учреждения сразу будут в курсе их намерений. Он принял ее информацию к сведению.

А ехать Клэр все-таки решилась. Жизнь матери-одиночки, вынужденной зарабатывать на хлеб, несмотря на ропот аристократической родни, помогала самостоятельности решения. К тому же брала верх кровь американских поселенцев (по материнской линии) и те разносторонние, широкие взгляды на роль женщины в обществе, которые получила не в чопорном Лондоне, а в [illegible] Париже и просвещенном Бер-

лине. Она свободно говорила на двух иностранных языках и полагала, что русский лингвистический барьер одолеет с их помощью, не говоря об английском. Почти все советские руководители, как она знала, в те дни бегло изъяснялись на европейских языках и в помощи института переводчиков (ставшего таким популярным впоследствии) не нуждались.

Денег на билет едва хватало до Стокгольма — но где достать недостающую сумму? Каменев оплатить проезд не предлагал (да и вряд ли бы она согласилась принять такое предложение). Впрочем, он упорно твердил, что для пребывания в Москве деньги вообще не понадобятся. 100 фунтов ей все-таки ссудили, и, кажется, здесь не последнюю роль сыграл один из крупных чиновников британского министерства иностранных дел. С помощью друзей Шеридан получила норвежскую и шведскую визы; Каменев обещал помочь с эстонской. С собой брала, как советовал Каменев, только самое необходимое, и никаких нарядов: все простенькое. Не сказав даже родным о конечном пункте назначения своего заграничного вояжа, 11 сентября 1920 года — почти тайком — выехала из Лондона; в тот же день начала вести дневник... В дороге — милая беседа, волнение ее, едущей неизвестно куда, и Каменева, возвращающегося домой. Все чаще вспоминал он жену, которая, как доверительно сообщил, приходилась сестрой Троцкому.

В Христиании их встретил советский представитель М. М. Литвинов, единственный член делегации для ведения торговых переговоров с Антантой, которому британские власти упорно отказывались разрешить въезд на территорию Великобритании. Он сразу же поинтересовался у Каменева, кто его сопровождает, не английский ли шпион? И непонятно было — шутит или нет. В Эстонии немного задержались, но помогло официальное письмо Красина, в котором говорилось, что английский скульптор имеет разрешение на въезд в РСФСР и на эстонской территории будет находиться лишь столько времени, сколько необходимо для совершения формальностей: просил оказать содействие. Красина здесь знали: в конце 1919 года он возглавлял советскую делегацию на переговорах — подписание мирного договора с буржуазной Эстонией явилось тогда крупнейшей политической и дипломатической победой Советской России. Просьбу Красина эстонцы удовлетворили. Наконец, сели в поезд — на границе Каменева встречал сын. И чем ближе к Москве, тем сдержаннее себя вел Лев Борисович. А перед Клэр проходили новые «революционные» лица, она полнилась свежими впечатлениями: видела в пути и черно-белые портреты Ленина и Троцкого.

В дороге Каменев сообщил новость: его старый (еще по гимназии) товарищ, Григорий Зиновьев, сообщил, что о приезде Шеридан в Москве уже знают и что Ленин дал согласие позировать, «коль скоро скульптор все равно в пути». Сомнений быть не должно — Зиновьев (Апфельбаум) человек известный: участник первой русской революции 1905—1907 гг., соавтор Ленина по книге «Социализм и война» (1915), скрывался с Владимиром Ильичем в Разливе от агентов охранки; как и Каменев, выходил в знак протеста из состава ЦК, признавал ошибки. С 1917 года — председатель Петросовета, с 1919-го — председатель Исполкома Коминтерна (его освободят от этой должности только в 1926-м). Все это звучало убедительно, радости Клэр не было предела: вояж оказался не напрасным. Поддержка Зиновьева, конечно, кое-что значит, а ведь еще и Красин написал Ленину с просьбой принять ее и дать возможность сделать его скульптурный портрет. Она может стать первым зарубежным скульптором, кто будет ваять Ленина с натуры. Удивительно! И неправдоподобно — да нет, разве так бывает?!

Ранним октябрьским утром их поезд прибыл в Москву. Каменева встречали жена и друзья, среди них — Зиновьев, «довольно полный человек с желтым лицом и длинными волосами» (описания художника, мастера изобразительного искусства, чрезвычайно интересны — ведь даже в энциклопедии «Великая Октябрьская социалистическая революция», год издания 1987-й, нет портретов ни того, ни другого, не говоря о Троцком).

Первые впечатления — и первые размолвки. Жена Каменева уже на вокзале приняла спутницу мужа в штыки. Едва войдя в вагон и увидев остатки обильного завтрака, раздраженно задернула шторки на окне и сказала, что люди не должны этого видеть, а то подумают, что «Лев Борисович Каменев превратился в буржуа...» К Клэр жена Льва Борисовича вообще старалась не обращаться и предпочитала говорить по-русски. Молча сели в поданный Каменеву открытый «роллс-ройс» и отправились в Кремль.

Дома ждал еще один скандал. Поселять англичанку у себя Каменева категорически отказывалась. На Льва Борисовича было жалко смотреть: «Я и представить себе не могла, — пишет Шеридан, — что большевика можно так легко запугать». Никогда еще в жизни Клэр не чувствовала себя столь неловко. На целый час ее оставили одну, пока за стеной проходили бурные дебаты. О том, чтобы разобраться с дороги, не было и речи. Так и просидела в напряжении, не зная, что предпринять. Потом пригласили к столу — к каше с черным хлебом она почти не притронулась и чуть не заплакала. Последние силы отняло известие, что нельзя принять ванну: надо ждать три часа, пока нагреют воду... Потом гуляла по Кремлю с сыном Каменева Александром. На ужин Лев Борисович обещал достать привезенные из Англии сахар и сардины. Спать положили в проходной комнате, за ширмой.

Постепенно все прояснялось. На следующий день встретила у Каменева Джона Рида, автора знаменитых «10 дней, которые потрясли мир», книги, опубликованной в США в марте 1919 года. Рид вновь приехал в Москву в октябре 1919-го, был избран членом Исполкома Коминтерна, принимал активное участие в работе только что закончившегося (в августе 1920-го) 2-го конгресса Коммунистического Интернационала, этой международной организации, где вместе с Лениным, Каменевым и Зиновьевым работали Бухарин, Радек, Томский, Чичерин, Сталин. Джон Рид посмеялся над ее злоключениями и дал один совет — все брать с боя, не сидеть сложа руки: у этой страны сейчас слишком много своих забот, чтобы отвлекаться на путешествующую англичанку аристократических кровей. Сам он спешил — время-то какое интересное! И все дела — великие: столько еще предстоит. Договорим потом... но сделать этого не пришлось. 23 октября того же года она провожала его в последний путь. Джон Рид умер от тифа, в Москве. Хоронили его у Кремлевской стены.

После разговора с Ридом она решительно заявила Каменеву, что должна съехать с квартиры. Он вежливо не отпускал. Но в конце концов «сдался». Ее перевезли в гостевой (для иностранцев) домик — Софийская набережная, 14. Жену Каменева перед отъездом она так и не повидала, о чем не жалела (а шесть лет спустя Лев Борисович с ней разведется). Дом на Софийской принадлежал богатому сахарозаводчику, бежавшему во Францию. Горячая вода здесь бывала раз в неделю, а на обед давали щи и вареный рис.

Шли дни, ничего примечательного не случалось. Гуляла в парке, рядом с кирпичными стенами Кремля. Почти каждый вечер ей предлагали билеты в Большой. Среди зрителей было очень много рабочих, получавших бесплатные пропуска через свои профсоюзы.

Наконец, Каменев «пробил» Клэр студию в Кремле. Первым начал позировать Зиновьев. Потом Каменев сообщил, что дал свое согласие и Дзержинский, председатель ВЧК и нарком внутренних дел, совсем недавно — в январе — награжденный орденом Красного Знамени. В 1926-м его, как и Рида, как умершего в том же году Красина, похоронят на Красной площади, рядом с Мавзолеем В. И. Ленина. А сейчас этот организатор «красного террора», как вопила и улюлюкала вся буржуазная пресса, терпеливо позирует ей, говорит, что в тюрьмах, где провел почти четверть жизни, привык подолгу сидеть неподвижно. Утверждает, что нынешние свои должности занял под давлением Ленина, уступив его настояниям (так нужно революции), — вот как все просто. А впереди — всего несколько оставшихся лет и бесконечные заботы по охране государственной границы, по ликвидации детской беспризорности, работа наркомом путей сообщения, председателем ГПУ-ОГПУ, да мало ли дел доверит ему партия. В день кончины, 20 июля 1926 года, за несколько часов до смерти, он будет выступать на Объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б), разоблачая враждебную деятельность только созданного троцкистско-зиновьевского блока...

А скульптурный портрет его окажется очень живым, хотя манера скульптора Шеридан могла — потом — кое-кому не понравиться. Это все-таки не тот Дзержинский, что стоит на одной из центральных площадей столицы. Но с абсолютной точностью сказать нельзя: сужу лишь по фотографии бюста, а оригинал исчез. В мемориальном кабинете Феликса Эдмундовича его не было (а теперь и самого кабинета в здании по улице Дзержинского, 11, больше не существует), и о том, что имелась такая работа, сделанная руками англичанки, в КГБ, кажется, не знают. Может быть, еще найдется: может быть, не погиб бюст, может быть, только списали во время очередной инвентаризации. Ведь сколько раз случалось такое с произведениями искусства...

Отношение к Клэр Шеридан после того, как ей позировал Дзержинский, резко изменилось — ее стали воспринимать серьезно. А сама она глубоко и серьезно давно уже воспринимала все происходящее в этой странной стране. Люди голодали, но вокруг царил необычайный подъем, и даже, как ей иногда казалось, преобладало праздничное настроение. В бывших барских хоромах открывали рабочие клубы и спорили там до хрипоты. Во всех неприятностях в то время было принято винить англичан, имя маркиза Керзона, министра иностранных дел Великобритании, склоняли на разный, но всегда ругательный, лад: «добрая старая Англия» успевала, казалось, повсюду — и экономическая блокада, и помощь Врангелю, и высадка союзников в Архангельске, и бог знает что. Соотечественники Клэр не жалели сил, чтобы разделаться с Советами. А она пишет в своем дневнике: «Я вижу великие страдания» и еще: «Я часто удивляюсь, как люди, вроде Каменева, могли еще и работать, коли судить по тому, как они жили. Коммунистов поддерживало то, что они постоянно пребывали в нервном напряжении... Мученичество за веру помогает». Она и сама в себе чувствовала силы необыкновенные, знала теперь точно, что оказалась здесь не случайно, и в одной из своих книг, которая выйдет в 1943 году и к России никакого отношения иметь не будет, все-таки не удержится и скажет, почему колесила по свету и что искала в каждой стране: в Россию она поехала «за идеалом».

Россия первых лет советской власти перековывала людей, заставляла говорить о себе заинтересованно, избавляла от созерцательной пассивности, вовлекала в круговорот небывалых дел. Равнодушных почти не оставалось. Каменев однажды даже сказал ей, что революционеры бывают двух видов — интеллектуалы и народ эмоциональный, она, по его мнению, относилась ко вторым, тем, кто душой принимают ужас и восторг окружающей действительности. И все-таки англичане, как известно, народ консервативный. В том же 20-м году, 4 октября, приехал в Москву Герберт Уэллс. Он зло шутил об условиях жизни в Петрограде, где был гостем Горького. Говорил, что в 1914-м, когда его принимало и чествовало «Всероссийское литературное общество», все было по-другому. Он рвался назад в Англию, к комфортабельным условиям. Он предлагал Клэр ехать с ним, ибо Ленин наверняка позировать ей не станет, — протекция Каменева очень сомнительна. Уэллс уже все для себя решил и не хотел смотреть по сторонам: с кончика пера сходила его знаменитая «Россия во мгле». Лишь через 14 лет он вновь ступит на русскую землю, будет принят Сталиным и, разочарованный, озабоченный, почти ужаснувшийся, уедет. Он увидит нового вождя и — хотя напишет, что «его никто не боится и все ему доверяют», и хотя будет по инерции утверждать, что «никогда не встречал более чистосердечного, справедливого и честного человека», который «своим потрясающим, неоспоримым восхождением обязан именно этим качествам, а не чему-то темному и зловещему»... — заметит, что могущественный генсек ни разу не посмотрит ему в глаза, словно боясь выдать себя или сказать лишнее. Если Ленин открывал Уэллсу будущее России с восторгом и упоением «кремлевского мечтателя», то диктатор не хотел раньше времени раскрывать свои карты. Ведь уже наступил 1934-й (Киров), а впереди были 1935-й (нмярек), 1936-й (Каменев, Зиновьев...), 1937-й (Орджоникидзе, Тухачевский, Уборевич — да разве всех перечислишь), 1938-й (Бухарин, Рыков, Блюхер...), и другие, и многие другие...

Но он хорошо играл свою роль, этот «злой гений», и великие люди, при всех своих «но» и даже скепсисе, при своем писательском провидении, признавали в нем Вождя — и Анри Барбюс, и Ромен Роллан, и Андре Жид, и Бернард Шоу. Это теперь легко поносить его и, почти походя, пинать ногами — статуи «колосса» низвергнуты, былая слава в исторической пыли, и памятник жертвам Его репрессий будет, видимо, воздвигнут. И день ИХ памяти уже предлагают отмечать в день ЕГО смерти (а почему не в день рождения?).

Но это все теперь. А тогда товарищи по партии — Сталин предпочитал действовать их руками — и товарищи не из нового поколения, оперативно схватывавшего указания на лету, а из «ленинской гвардии», да и они каленым железом клеймили «троцкистско-зиновьевских бандитов». Но пришли к этому не сразу. В 1927 году на XV съезде будет отвергнута просьба Зиновьева и Каменева восстановить их в партии. В 1928-м, вместе с другими исключенными за принадлежность к фракционным группировкам, их восстановят в ВКП(б). В 1932-м исключат вновь. На следующий год Зиновьева опять реабилитируют, и в который раз он станет членом партии, и будет выступать на XVII съезде и славословить Сталина, Кагановича, Молотова, Ворошилова. И будет ясно, что и в мыслях у него нет ничего такого, что припишут потом в 1936-м. Но отправят все-таки на смерть. И заставят сказать все, что нужно, — и его, и Каменева. Ягода и Ежов репетировали с ними роли: заучив их, они выходили на процесс. Спектакль разыгрывался в Доме Союзов (зелененькое это здание так примелькалось москвичам), а за его стенами все советские газеты оглушительно били в литавры и барабаны, и вся страна ревела проклятьями в адрес предателей, шпионов, иуд. Зиновьев (тот ли, кого она знала, чью голову ваяла?) сам понес ее, повинную, так и сказал: «Троцкизм — это разновидность фашизма, а зиновьевизм — это разновидность троцкизма»... И получалось, по Вышинскому (Генеральный Прокурор СССР в 1935—1939 гг., впоследствии член ЦК КПСС, первый заместитель министра иностранных дел, академик; скончался в 1954 году, похоронен у Кремлевской стены), что хрен редьки не слаще.

Потом настала очередь Каменева. Сталин и в Туруханской ссылке, и после 1917-го почитал его своим учителем. Сколько работали вместе! И что же? Теперь и он в последнем слове покаялся, все признал, чего не было, — да не только это. Сказал, что хочет передать сыновьям, чтобы «вместе с советским народом шли за Сталиным». Сказал — и закрыл лицо руками.

То ли это было лицо, что вы видели, Клэр Шеридан? Тот ли это был человек, что привез вас — англичанку-иностранку — в Россию? Да и были ли те невинные времена?

Ведь тогда, в 20-м, никто и представить себе не мог такое. И все вожди (не один — а много) были вполне доступны. И первые их бюсты выполнялись в единичных экземплярах — не потоком, без плановой спешки, без госприемки, без фанфар и салютов, да еще иностранкой, неведомо как пробравшейся в Страну Советов...

Через день после отъезда Уэллса Каменев сообщил, что Клэр может начать работу прямо в кабинете Владимира Ильича...

«В ярко освещенной комнате за огромным столом, заваленным книгами и бумагами, сидел Ленин (сокращенный перевод мой. — Ю. К.). Когда я вошла, он оторвался от работы, улыбнулся и поднялся мне навстречу. В манерах его было нечто, что сразу обезоруживало. Пока три солдата не без труда втаскивали в комнату станок и глину, он сказал, что работать я могу сколько угодно, но при условии, что позволю ему сидеть за столом и читать...»

И после этого сразу с головой ушел в дела, как будто Шеридан и не было рядом. Она работала с 11 до 4 дня.

«Все это время он не ел, не пил и не курил. Несколько раз секретари приносили почту, он вскрывал письма, потом быстро писал что-то на открытых конвертах и отдавал назад... Мои попытки начать разговор ни к чему не приводили.

Когда отдыхала и смотрела на него, повторяла про себя — быть этого не может, я действительно нахожусь в кабинете Ленина... Я повторяла его имя снова и снова: «Ленин! Ленин!» — и все не могла поверить. Вот же он сидит, напротив меня, — тихий, спокойный, небольшого роста... Ленин, гений величайшей революции в истории, — ах если бы он только заговорил со мной! Но искусство его не занимает, а я — художник, и он ненавидит буржуев, а я принадлежу к их числу, и он ненавидит Уинстона Черчилля, а я прихожусь Черчиллю кузиной; и он позволил мне войти в эту комнату лишь потому, что хотел сделать приятное Каменеву, и у меня есть работа, которую нельзя откладывать, и непростительно терять хоть минуту, а ему нечего мне сказать. Когда я все-таки набралась храбрости и спросила, что нового в Англии, он вручил мне несколько экземпляров «Дейли геральд»...

Проработав все обеденное время, она не ощущала голода. Почти чувствовала, что поглощает эти мгновения залпом и по капле, бросаясь как в омут и растягивая блаженство. Знакомый иностранец, обретавшийся в Москве, спросит потом, помнит ли она, что он говорил. Но Ленин молчал все то время. И она получит совет — обязательно его разговорить, пустить в ход все свое обаяние.

«Назавтра в таком же молчании прошло еще несколько часов. Вдруг он оторвался от книги и посмотрел на меня так, как будто увидел впервые. Он взглянул на мою работу и улыбнулся, снисходительно, как ребенку, строящему карточный домик, и потом он

спросил: «А что думает ваш муж об этой поездке в Россию?» (Если бы муж у меня был, он, наверное, развелся со мной из-за тайного побега с Каменевым). «Мой муж погиб во время войны», — ответила я. «Во время какой войны?» «Во Франции». «Ах да — конечно, — и он понимающе кивнул. — Я забыл, что у вас была всего одна война. Мы-то, кроме прочего, вынесли империалистическую капиталистическую войну, гражданскую войну и интервенции».

Потом он сказал несколько слов о том «бесполезном и героическом» духе самопожертвования, с которым Англия вступила в войну 1914 года, и советовал мне почитать «Огонь» и «Кларте» Барбюса («Кларте» — газета, издававшаяся Барбюсом с октября 1919 года, с ноября 1921-го — журнал, орган одноименного международного антиимпериалистического объединения прогрессивных писателей и деятелей культуры. — Ю. К.). Затем, сменив военную тему, он спросил, работаю ли я в Лондоне систематически и сколько часов в день. «В среднем — семь часов». Ответ вроде бы его удовлетворил. После паузы он произнес: «Ваш кузен, г-н Черчилль, он, наверное, вами доволен!» Эта мысль показалась ему забавной, он посмеялся ей. Я спросила, действительно ли Черчилля в России ненавидят больше всех. Он ответил. «Он — наш ярый враг, потому что за ним — все силы капитализма, двор и военщина». Я осмелилась сказать, что королевский двор большой роли не играет, но он не согласился. «Буржуазия стремится показать, что король ни при чем. Но это вовсе не так...»

В разговоре он упомянул Уэллса, с которым несколько дней назад они беседовали целый час. Единственная его книга, что он читал, — «Джоан и Питер»... Сказал, что жалеет, что не знаком с его ранними фантастическими романами о том, «как сделать мир свободным», — но сейчас для их чтения нет времени.

Разговор наш прервал приход президента Калинина (с марта 1919-го — председатель ВЦИК. — Ю. К.). Ленин стал беседовать с ним и впервые сел лицом к окну. Я увидела его совсем в другом свете, и, поскольку беседа их продолжалась какое-то время, мне это очень помогло, потому что лицо Ленина в состоянии покоя меня не устраивало, а когда он дружески разговаривал с Калининым, глаза его прищуривались, а брови хмурились. Выражение лица было то строгим, то озабоченным, то насмешливым. Он смотрел на Калинина так пристально, как будто видел его насквозь, как будто он знал все, что Калинин мог ему сказать, и немного больше того...

Когда они закончили разговор, Калинин посмотрел на мою работу и сказал: «Хорошо», а потом спросил Ленина, что он думает; и Ленин рассмеялся и сказал, что ничего в этом не понимает, плохо это или хорошо, но работаю я очень быстро. Когда мы остались одни, я опять набралась храбрости и попросила его сесть на вращающийся стул. Он согласился и, кажется, ему это даже понравилось, он сказал, что никогда не сидел так высоко. Когда я присела, чтобы проверить объемы и плоскости снизу, он пришел в явное замешательство; было очевидно, что к такому поведению женщин кино не привык.

Так как он, наконец, немного расслабился, я воспользовалась моментом и показала несколько фотографий моих прежних работ. Хотя он и оговорился, что ничего не понимает в искусстве, высказал несколько очень категорических суждений об «искусстве буржуазном», которое, как он сказал, всегда нацелено на красоту. О красоте он говорил свысока как об абстрактном идеале. Ничто, сказал он, не может оправдать красоту моей скульптуры «Победа». Милитаризм и война ненавистны и уродливы, и даже самопожертвование и героизм не могут украсить их. «Вот в чем ошибка буржуазного искусства — оно всегда приукрашивает».

Потом он взглянул на фотографию головы Дика (5-летний сын Клэр Шеридан. — Ю. К.), и на лице его появилось выражение нежности. Я спросила: «Это тоже чересчур прекрасно?» Он покачал головой и улыбнулся. Затем быстро вернулся к своему креслу... и так потерял столько времени. Через секунду ни я, ни моя работа уже для него не существовали.

Способность Ленина сосредоточиваться наиболее в нем впечатляла, это и еще его огромный, мощный лоб, который возвышался над всем остальным и выглядел диспропорционально, как будто голова была чересчур большой для туловища... Он казался мне настоящим воплощением мыслителя (но не роденовского). Я видела в нем человека разумного, но не властного. Я представляла себе, что он живет только в рамках абстракции и интеллекта, и личной жизни не имеет никакой. Выглядел он очень больным. Пуля женщины, стрелявшей в него, все еще была в его теле. Однажды рука оказалась на перевязи, он сказал, что это пустяки, но сам при этом был цвета слоновой кости. Физическими упражнениями он не занимался, и единственный свежий воздух, которым дышал, поступал от маленького вентилятора, вращавщегося в форточке окна. Наверное, он иногда уезжал за город... но это, видимо, случалось редко, так редко, что я говорить не стоит».

Когда работа была закончена, Ленин пожал ей руку, поблагодарил и сказал, что его друзья теперь будут довольны. Потом, по ее просьбе, подписал фотографию. Два солдата с трудом перенесли бюст в ее студию, находившуюся довольно далеко от кабинета Ленина. Они шли с этим грузом мимо слегка ошеломленных секретарей, мимо охраны в коридорах. Несколько раз им приходилось останавливаться, ставить бюст Ленина на пол и отдыхать. Пот заливал их лица. Пока

они добрались до комнаты № 31, где обитала Клэр, совсем выдохлись. Шеридан предложила им денег, но они отказались. И в ответ сами угостили ее папиросами, которые в те времена было трудно достать.

Каменев сказал, что Калинин тоже обещал позировать. Кроме того, предложил «лепить голову генерала Буденного», хотел даже взять с собой на фронт. Но уехал один, зашел лишь проститься, спросил, может ли чем еще помочь перед отъездом. Была уже поздняя осень, на улице здорово похолодало, Клэр мерзла и хотела достать теплую верхнюю одежду — «иначе ее придется похоронить у Кремлевской стены»: мрачная шутка. Каменев обещал пальто и немного икры. Обещал и то, что как только Троцкий вернется с фронта, будет ей позировать. Он говорил о том, что правительство купит ее работы и еще многое другое, но чувствовалось, что произносил все эти слова, не веря ни в них, ни в то, что они встретятся еще раз.

Почти одновременно с отъездом Каменева из Христиании вернулся Литвинов. Именно он помог уговорить Троцкого позировать — сначала тот отказался категорически. За ней прислали машину — минута в минуту, как обещали. При этом она вспомнила рассказанный кем-то недавно анекдот о единственной пунктуальной машине во всей Москве: молва утверждала, что опаздывавших к нему водителей Троцкий расстреливал. Охрана наркомвоенмора, несмотря на уговоры шофера, доказывавшего, что привез «английского скульптора», ее не пропускала. Пришлось ждать звонка секретаря. В отличие от кабинета Ленина в кабинет Троцкого без звонка не могли войти даже люди из его ближайшего окружения. Перед дверью постоянно стоял часовой — в руках винтовка с примкнутым штыком. А когда, пройдя все препоны, Шеридан все-таки проникла к всесильному председателю РВС Республики, он сделал ей замечание за опоздание.

Манеры Троцкого показались Шеридан весьма обходительными, но он почти не улыбался. Они говорили по-французски, на котором он изъяснялся блестяще. Сразу спросил ее, достаточно ли света и не надо ли передвинуть стол, за которым сидел. Комната, где они находились, была огромной — с какими-то колоннами, но освещенность Шеридан совсем не устраивала, она примеривалась не один раз, по всей этой зале таскала за собой станок. Внимательно наблюдая за ее усилиями, он произнес: «Я вынужден путешествовать даже в глине, а так устал от всех путешествий». Потом углубился в работу, лица его она почти не видела. А когда присела перед столом и посмотрела на него снизу, он вдруг поднял глаза и прямо-таки произил ее взглядом. Она испуганно сказала, что не хотела ему мешать. «Напротив, — парировал он галантно, — вы дали мне возможность взглянуть на вас по-другому, и уверяю — я не остался в проигрыше».

Для бывшего наркома по иностранным делам, отказавшегося, вопреки директиве Ленина, подписать мирный договор в Брест-Литовске и спровоцировавшего новое германское наступление в 1918-м, он был, пожалуй, чересчур мягок. Для члена Политбюро (1919—1926 гг.) — чересчур прост. Как будущий соперник Сталина — чересчур резок, экспансивен, а соответственно, открыт и почти беззащитен. Но все это потом — через 7 и 9 лет, когда сначала исключат из партии, а затем вышлют из СССР. А сейчас перед ней Лев Давидович Бронштейн, большевик с 1917-го, а с меньшевиками — с 1903 года, перед ней — Троцкий, чьи способности и деловые качества отмечает сам Ленин.

Лицо его, по мнению Шеридан, было асимметрично, как будто его лепили два разных скульптора, потом совместили обе половинки — и неудачно. Выделялись глаза — они горели постоянно и говорили многое. Он почти очаровывал и определенно обладал природным магнетизмом. Вот что пишет английская аристократка, видевшая его в кабинете и на людях, делавшая его скульптурный портрет и пытавшаяся правильно передать образ:

«Достиг он всего того, чего достиг, не одной только верной службой революции. Зиновьев за свои труды получил пост председателя Петроградского Совета и Третьего Интернационала — значительные должности, достаточные, чтобы удовлетворить самые высокие революционные амбиции, но пользы это ему так и не принесло. Я ни разу не слышала, чтобы кто-нибудь сказал о нем доброе слово, разве что Каменев. С Троцким — совсем другое дело; он тоже был еврей, но в Красной Армии его обожали. Я слышала, как его критиковали, но это было всего несколько раз и по пустякам. Когда бы он ни появлялся в ложе Большого, весь зал вставал в едином порыве и приветствовал его».

В первый день она работала четыре часа. Потом вместе пили чай. Троцкий рассказывал о своих злоключениях: о том, как накануне революции он, решив вернуться в Россию, сел в Соединенных Штатах на корабль, как его арестовали англичане и держали под стражей в Канаде. «Но, — продолжал он с улыбкой Мефистофеля, — мне там даже понравилось. Вокруг было множество (пленных. — Ю. К.) немецких моряков, которых я полностью распропагандировал. Ко времени моего отъезда все они стали революционерами, я до сих пор от некоторых из них получаю письма».

Троцкий на нее произвел не такое яркое впечатление, как Ленин, но она отметила, что он был «более человечен».

Во второй раз она опять опоздала. Жаловалась, что чуть не замерзла по дороге, — Троцкий поцеловал ее холодные руки, усадил у камина. Когда приступила к работе, сам предложил ей каждые полчаса пять минут позировать специально для нее, не мигая, не отвлекаясь. Чувствовалось, что, став «большим человеком», он заново создает свой образ, выдавливая все мелкое, что могло остаться от «невеликого» прошлого. «И тем не менее, — пишет Шеридан, — если бы Троцкий не был Троцким, и никто бы о нем ничего не слышал, нельзя было не отдать должное блестящему уму и сообразительности этого человека».

Однажды, позируя для нее стоя, он, словно в забытьи, начал раскачиваться взад-вперед. Она, испугавшись, попросила его быть осторожнее, а то упадет, качнувшись назад. «Не бойтесь, — сказал он, — я всегда падаю только вперед».

К работе ее он относился с уважением, но критически. Просил «уж постараться», ибо, уверен, больше позировать никому не станет. Она нервничала — прошла уже неделя, а дело не спорилось. Он шутил: говорил, что, как только она закончит, бюст можно будет разбить, чтобы начать все сначала. Она отвечала, что он так любезен и мил, что, право, не знает, поверят ли ее рассказам о нем в Англии, где уверены, что он — настоящее чудовище. «Скажите им, — обезоруживал он, — что когда Троцкий целует, он не кусает». И тут же без перехода: «Хотя и преклоняюсь перед вашим женским обаянием, хочу заверить — лишних иллюзий не питайте: если бы я знал, что вы — враг, что представляете опасность делу революции, — застрелил бы, не моргнув глазом, собственной рукой». Ей эти неожиданные и яростные переходы от рыцарских излияний до грубого солдафонства казались очень милыми, экзотически блестящими. Когда она рассказала ему, что Каменев обещал взять ее на фронт, но потом передумал, Троцкий заявил: «Если так хотите, едемте со мной». Сказав это, не жалел, но все-таки перезвонил Литвинову и спросил, вполне ли она надежна...

Было 20 октября 1920 года. В городе комендантский час. Заговоры, аресты, расстрелы. В тот день он сказал ей: «Англия — наш самый ярый и опасный враг». «А Франция?» — спросила она. «Ну нет. Франция попросту шумная истеричная женщина, вот Англия — это совсем другое дело». Настроение его менялось мгновенно. Вдруг он начинал говорить о поэзии — Шелли, Байрон, Суинберн. Потом уговаривал остаться в России, сделать какую-нибудь большую работу. Она уклончиво отвечала, что дети остались в Англии одни, но Россию она теперь все равно никогда не сможет забыть. А он, неожиданно побелев, говорил ей, что если только, вернувшись, посмеет она клеветать, он достанет ее и в Англии. «Ну вот, наконец-то я знаю, как заманить вас в гости», — шутила она из последних сил, обмирая. Говорили долго, весь вечер — комендантский час наступил. Он вызвался проводить ее. Машину остановил патруль — ой и страху она натерпелась. Одна в чужом городе, в авто Троцкого и в окружении бородатых солдат, которым даже он мог показаться подозрительным.

Английские газеты писали, что на улицах Москвы — баррикады, разбой, что Троцкий серьезно ранен, а Буденный расстрелян ревтрибуналом. Лев Давидович смеялся и говорил, что теперь она должна знать цену буржуазной информации. Она не скрывала, что в его обществе ей было интересно, но поехать на фронт в его поезде все же отказалась (потом жалела). Дело в том, что, как ей сообщили «из верных источников», в Англии ее поведение уже отказывались понимать. И когда от Троцкого пришел Литвинов и сказал, что в отношении поездки на фронт нужно твердое «да» или «нет», времени мало, и ответ нужен сейчас, она, растерянная, просила понять и передать, что сейчас перед ним — серьезный художник, занятый большой и интересной работой, а как назовут ее, единственную женщину в спецпоезде председателя РВС? Да и с практической точки зрения — ну разве станет в горячее военное время, между сражениями, позировать для нее «генерал Буденный»? В конце концов даже Троцкому сплетни и слухи, которые безусловно возникнут, могут повредить, не говоря о том, что ее репутация просто погибнет. Литвинов, молча слушавший до того, сказал: «Вы правы». Через два дня после этого разговора она узнала, что Троцкий все еще в городе. бросилась к Литвинову: «Позвоните ему, скорее, я еду, еду!» Литвинов снял трубку, но поезд специального назначения десять минут как отошел от платформы московского вокзала..

То ли Каменев выполнил свое обещание, то ли Троцкий распорядился перед отъездом, но через несколько дней за ней заехали и привезли в огромный подвал какого-то здания. От пола до потолка висели «реквизированные» шубы — выбирай любую. Она остановилась на скромной белке. Вдобавок ей предложили еще и соболей. Думала, что все это шутка. Потом не знала, как благодарить. «Пустое, — сказали ей сопровождающие, — обыкновенное распределение буржуазной собственности среди народа». Когда соболей увидел Литвинов, предупредил: «На границе их у вас могут отобрать».

Но уезжать она пока не собиралась — Троцкий посоветовал непременно сделать бюст Чичерина, нынешнего наркома по иностранным делам. Георгий Васильевич только два года, меньше, чем Троцкий, находился в России. В 1918-м Советское правительство добилось его освобождения из тюрьмы, куда был заключен англичанами. По возвращении вступил в ряды большевиков и по предложению Ленина был назначен заместителем наркоминдела. А в мае 1918-го сменил на этом посту Троцкого. Интереснейший человек. И вот их первая встреча. Литвинов нашел машину, погрузили глину и станок, приехали в гостиницу «Метрополь», где тогда размещался наркомат по иностранным делам. Стали подниматься по лестнице — Литвинов с неудобным станком в руках, а навстречу торжественно разодетые члены китайской делегации — при полном параде. Увидев Литвинова в роли помощника английского скульптора, не могли удержаться от смеха — именно он планировался совпредом в их страну.

Начало было забавное, но дальше — Чичерин не пустил Шеридан даже на порог своего кабинета. Встал в дверях и сослался на чрезвычайную занятость. Поднялись в кабинет к Литвинову, просто не зная, что делать. Клэр, впрочем, не считала время напрасно потерянным: Чичерин, как она успела выяснить, человек не совсем обычный, свой кабинет почти не покидает, живет в нем — и весь в работе. Трудится и по ночам, на помощь секретарей никогда не рассчитывает. За часами не следит, может позвонить коллеге ночью или рано утром по совершенно пустячному делу. Когда ему советуют взять себе помощника, охотно соглашается, но с одним условием, чтобы «работал с ним только днем, дабы ночью он был свободен». И при этом подчиненные его обожают (хотя он их совсем загонял), считают, что у наркома прекрасный характер... На следующий день после неудачного визита она получила от него записку: он ждет скульптора в 4 часа утра — это «самое спокойное время». Она вежливо ответила, что в такой ранний час тоже «предпочитает покой».

Анекдоты — скажет читатель. Но Клэр Шеридан заявила и в предисловии к книге, и в самом ее названии, что говорит только «голую правду», — г о л у ю, даже не неприкрашенную. И оснований не верить ей нет. И почему, в конце концов, не могла она поехать с Каменевым в «пролетарскую Россию» (и ведь это факт неоспоримый), почему Зиновьев не мог уговорить Ленина позировать (и это сомнению не подлежит), почему не могла смутить она Владимира Ильича своими профессиональными «прикидками объемов и плоскостей», почему бы не мог увлечься ею Троцкий и так неловко вести себя Чичерин? Почему бы и нет? Ведь все они были люди — гениальные, талантливые, но земные. Жили в великое время,

творили великую революцию, но почему простое и человеческое должно было быть им чуждо? Да нет, тем и подкупает рассказ Шеридан, что нет в нем эпических героев, сказочных богатырей, не вмещающихся в плоть и кровь. Бестелесных образов нет в этой книге — и слава богу.

И действительно мечтала Клэр Шеридан стать «революционеркой». И неизвестно, когда приходили к ней эти высокие мысли — в Лондоне, Нью-Йорке, Константинополе или в Москве, на знаменитом Сухаревском рынке, который почему-то вспоминает вдруг в своем «Американском дневнике». В 20-е годы она металась по Европе, стараясь быть в гуще событий и успеть везде в своем новом качестве журналиста, пищущего для американских изданий. В Берлине в 1922-м встретила Чичерина (это из ее книги «Запад и Восток», увидевший свет в 1923 году), он выглядел намного лучше, чем в Москве, поправился, порозовел. Пригласил ее на обед и был в этот раз очень любезен, смеялся над тем, как почти выгнал ее тогда из кабинета; смущенно слушал их Иван Аренс, еще один «агент Ленина» (он получит три нарезные пули из того же браунинга, из которого одним выстрелом бывший офицер врангелевской армии Морис Конради убьет Воровского в Лозанне 10 мая 1923 года). Он слушал и удивлялся, а она все бы отдала за ту счастливую пору — ведь этого не повторить.

Но тогда, в Москве, казалось, что надо уезжать. И она мучилась тем, как это сделать. Паспорт отобрали сразу по прибытии, и в отсутствие Каменева она даже не знала, к кому обращаться. Время шло — ходила по музеям, в сопровождении коллеги-скульптора Николая Андреева. Он был автором памятника Гоголю, что сейчас во дворе дома на Суворовском бульваре, а раньше находился (с 1909-го по 1951-й) на Гоголевском — перенесли, как и прах самого писателя, захороненный на кладбище Данилова монастыря, а в 1931-м — перезахороненный на Новодевичьем. Тогда они с Андреевым еще этого не знали (Н. А. Андреев скончается в 1932-м. — Ю. К.), они стояли под порывами холодного ветра и выглядели в той голодной Москве почти так же неуютно, как и автор бессмертных произведений, застывший, по вине Андреева, «в скорбной позе больного человека, зябко кутающегося в шинель». Новый памятник Гоголю создадут в советское время (скульптор Томский) и поставят к 100-летию писателя — в 1952-м. Здесь Гоголь совсем другой — «полный жизни, юмора, злой и умной сатиры», как гласит путеводитель по Москве. И в том 1952-м из всех упоминавшихся в моем материале людей будут живы (кроме Черчилля и Буденного с Вышинским) только Шеридан и Сталин: ему останется меньше года, она уйдет из этого мира в 1970-м. И не знаю пока, что сделал Вождь с ее работами, — наводил справки в Музее В. И. Ленина, в Музее Революции, Музее изобразительных искусств, в Третьяковке — пока безрезультатно: только ленинские работы Клэр Шеридан — в Центральном музее В. И. Ленина: бронзовый (натура с четвертью) и гипсовый (полуфигура) бюсты, да еще небольшая работа в гипсе, причем два произведения поступили в коллекцию не так давно — в 70-е. И лишь одно — в 1924-м. После кончины Ленина советские руководители и простые люди, все, кто бережно хранил письма, вещи или другие предметы, связанные с его именем, передавали их в дар правительству. Бронзовую фигуру, работу Шеридан, принес в только организовывавшийся Музей Института В. И. Ленина секретарь Президиума ВЦИК Авель Енукидзе (1877—1937). Как оказался у него бюст — пока неизвестно. А все остальные скульптурные портреты... пропали без вести. А ведь были, б ы л и, и платило за эти бюсты советское правительство г-же Клэр Шеридан через Стокгольмский банк (хотя она отказывалась, говорила, что должна как-то отблагодарить хозяев за гостеприимство). 4 ноября 1920 года на заседании Президиума ВЦИК слушали, среди прочего, «вопрос о приобретении скульптурных работ гражданки Шеридан». В такое трудное время — но слушали, считали необходимым пунктом повестки дня. Значит, стоили работы Шеридан того — и кто знает, может быть, выглядят эти портреты как-то иначе, не так, как мы привыкли видеть государственных деятелей, или такими, какими мы их вовсе не видели? Быть может, разглядела что-то в Ленине и других его товарищах по борьбе эта англичанка, что утратили мы потом в официальных, иконоподобных образах? Ведь недаром так будут травить Клэр в Англии, недаром заявит кузен Черчилль, что никогда больше не станет с ней разговаривать... И лишь много лет спустя (после сталинских репрессий и даже после смерти Вождя) она сама от всего этого откажется — в беседе с Черчиллем (!) скажет: «Я больше не считаю себя коммунистом. Этот страшный Сталин убил моих друзей. Я люблю русских — их музыку, золотые купола, необъятные просторы — но их система такая же скучная, как в бурсе...»

Но все это будет потом. Потом. А сейчас она видит скульптурные и графические работы коллеги Андреева — и немного завидует. Он имеет возможность присутствовать на многочисленных заседаниях, съездах и рисовать, рисовать — тех же Дзержинского, Калинина, Чичерина. И конечно — Ленина: более 300 рисунков Владимира Ильича сделает он, и все — зарисовки с натуры. О его «лениниане» еще будут писать. А о ее работах он отзывается сдержанно, говорит, что ее бюсты — это «журнализм, а не искусство». Шеридан не спорит, но ей кажется, что «искусство в жанре журналистском» более подходящее определение...

Последние дни в Москве довольно часто приходил к ней Литвинов. Много рассказывал о различных совещаниях, на которых постоянно бывал, о бурных дискуссиях. Однажды, очень возбужденный, сказал, что поднял вопрос, против которого возражал Ленин. Потом признался — чувствовал, что был неправ. А Ленин, произнес он торжественно и серьезно, прав всегда.

Приехал Каменев, Клэр его еле узнала: небритое лицо, усталый вид, весь пропыленный, но радостный — крымская кампания закончилась: Врангель бежал за границу. Стали обсуждать и ее отъезд. Каменев посоветовал отправиться в спецпоезде с «комиссаром железных дорог» Ломоносовым, он ехал в Германию «покупать локомотивы, вез с собой шесть с половиной миллионов фунтов золотом». 6 ноября ее известили, что поезд отправляется вечером. Сборы были недолгими. Мыло и туалетную бумагу она оставляла знакомым, обслуге — калоши, перчатки, шляпы. Другим — грелку, лекарства. А в чемодане лежали подаренные правительством соболя.

Провожал Литвинов, приглашал приезжать еще — и с детьми. Грустно было покидать дом № 14 на Софийской набережной. По дороге заехали в наркоминдел, взяли паспорт. Время еще было. Но с ящиками, в которые упаковали ее работы, случилась заминка. Из кремлевской студии вывозить их часовой запрещал. И некому было отдать соответствующее распоряжение, все были в Большом и слушали Ленина в канун ноябрьского праздника. Пришлось весь «скульптурный багаж» оставить. Литвинов обещал, что груз нагонит в дороге. И действительно, все сделал — бюсты Ленина и Троцкого, другие работы пришли без задержки.

А для нее самой, как только пересекли границу, начались новые времена. В Стокгольме сразу атаковали репортеры — вопросы сыпались как из рога изобилия. И она отвечала, не кривя душой. Самые консервативные газеты и те написали, что, по мнению Шеридан, Троцкий — истинный джентльмен. Она сама этому удивлялась, но упорно продолжала считать, что, по меньшей мере, он — «гений, супермен или дьявол».

А ее саму уже называли «розовым демоном». И это еще до того, как попала в Лондон. Что же ждет дома, ведь за все это время из Англии она получила лишь три письма — и те были вскрыты. По прибытии в Ньюкасл — опять репортеры, как и предсказывал Каменев. Все торопились передать информацию о ней в столицу. Друзья уже предупреждали: будь осторожна, не говори в пользу «красных», веди себя как леди — сдержанно и пристойно. Но она стала знаменитостью — личностью сенсационно-скандальной. И дома это осуждали. А «друзья» из правительственных кругов сразу спросили, вела ли дневник. Когда узнали, что записи существуют, настаивали на передаче их «кому следует». Но дневник уже покупали в «Таймс» — в течение недели (печатали с продолжением) это было самое популярное чтиво в Лондоне. А затем ее пригласили в министерство иностранных дел. Задавали разные вопросы — что еще может сказать, наблюдения, заметки, может быть, анализ деятельности Троцкого?..

И, наконец, — известный финал: эйфория прошла, знакомые, ранее поздравлявшие с тем, что «благополучно вырвалась из ада», ранее тискавшие в объятиях и сюсюкавшие, теперь старались избегать встреч с «красной дамой». Но часто заходили «радикалы» всех мастей, навещал и Красин. Вскоре ей посоветовали уехать в Америку — пусть здесь все уляжется. В Соединенных Штатах ее уже знали: статьи в «Таймс» были куплены и перепечатаны. Ее просили выступить с лекциями — дорогу оплачивали. Она уже стала собираться, но возникли проблемы с визой: американцы, впрочем, здесь были ни при чем. Действовала «система» министерства иностранных дел Англии: на Шеридан завели «досье», за студией скульптора в Лондоне, оказывается, следили с первого дня ее возвращения. Но, уверенная в себе как никогда, продолжала заниматься делом, на пустые разговоры и шепотки за спиной внимания старалась не обращать. Работала: бюст Ленина, по ее желанию, был выполнен в мраморе (его местонахождение пока не известно — следы ведут в Англию). Рядом с ним в мастерской стояло другое мраморное изваяние — принц Уэльский, наследник престола. Это граничило с безрассудством, хорошо, что не пронюхали репортеры. Но разрешение на выезд все же было получено, хотя «весь мир теперь считал меня большевичкой и иногда мне казалось, что так это и есть на самом деле».

В Америке больше всего интересовались Лениным и Троцким, встречали по-разному: в Нью-Йорке зал не вместил всех желающих послушать ее, в Питтсбурге говорила при полупустой аудитории. Общалась с американскими коммунистами, жадно расспрашивавшими о России, видела и безразличные лица. Никогда не отказывалась от выступлений на митингах по оказанию помощи России: ведь там людям нужно было самое необходимое — продовольствие, одежда. В 1922-м с одного из сделанных ею бюстов Ленина изготовят несколько десятков копий и разошлют по разным городам и странам, туда, где будут собирать средства в помощь голодающим Поволжья. Одна из таких работ попадет в Канаду, потом окажется в семье Хайкиных — активистов компартии. В 1926 году они приедут в СССР — и в 1979-м бюст передадут в Музей В. И. Ленина. Сейчас он — в основной экспозиции: небольшого размера, гипсовый, с обратной стороны дарственная надпись, сделанная скульптором, — «друзьям Советской России».

Неисповедимыми путями попадали отдельные работы Шеридан в нашу страну — но все-таки где же другие бюсты? И так заманчиво проследить их судьбу. Этот материал, который начался для меня с «Автобиографии» Чарли Чаплина, где натолкнулся на его воспоминания о встречах и беседах с Шеридан (см. «В мире книг», № 7, 1988), теперь просто не отпускает. И, возможно, когда-нибудь будет продолжение: поиск так увлекателен!

А с Чаплином она познакомилась в Лос-Анджелесе, работала над его скульптурным портретом. Вместе проводили время. И говорили о многом: о Ленине, которого он не знал, о его знакомом Уэллсе, о ее дальнейших планах. Она полагала, что сможет остаться жить в США, — газеты пустили слух, что выходит за Чаплина замуж.

Из «Автобиографии» Чаплина: «Я познакомился с Клэр, когда она разъезжала по Штатам, выступая с лекциями, ее сопровождал сын, шестилетний Дики... Потом мы встретились в 1931-м, она рассказала, что живет в пригороде Туниса. «Но почему вы живете там?» — спросил я. «Так дешевле, — ответила она, не задумываясь. — В Лондоне с моим ограниченным доходом я бы ютилась в двух комнатах... а в Тунисе у меня дом и прислуга, и прекрасный сад для Дики». Дики не станет, едва ему исполнится 19, от этого ужасного удара она никогда не оправится. Станет католичкой и даже уйдет на какое-то время в монастырь, обратится к религии, — наверное, чтобы остаться наедине с собой».

Но это потом — а сейчас, после Америки, вновь Европа. В Италии она лепила Муссолини, который, как и Троцкий, делал ей комплименты, целовал руки. В Германии встретилась с Литвиновым, «товарищем его уже не называли, именовали Его высокопревосходительством», добраться до замнаркома по иностранным делам, участника Генуэзской и Гаагской конференций было уже не так легко. А он сам рассказывал, что за два с лишним года с момента ее отъезда в России многое изменилось — люди стали лучше жить: открылись магазины, рестораны. Говорил, что теперь, если есть деньги, в Москве можно купить, что угодно. И транспорт работает нормально — пусть приезжает. Она спросила, зачем же тогда были «все эти жертвы», коли пошли назад: опять неравенство, богатые и бедные. Он возражал — власть по-прежнему в руках рабочих (впрочем, то же говорил и Чичерин). Она вновь встретила наркома в Лозанне, вместе с Воровским и Раковским. (Х. Г. Раковский — один из немногих, проходивших по делу «антисоветского правотроцкистского блока» в 1938 году, кого приговорят не к расстрелу, а «всего лишь» к 20 годам тюремного заключения, «как не принимавшего прямого участия в организации террористических и диверсионно-вредительских действий», хотя и скажет он на процессе, возведет на себя, что служил английской разведке с 1924 года, а японской — с 1934-го...)

А она после встречи с ними опять поедет в Берлин, там в то время скопилось много русских, тысячи эмигрантов. Функционировали русские магазины, выходили газеты на русском языке, был русский театр, и русские попы служили в церквях. Там она встречалась с Максимом Горьким, жившим в Берлине с 1921 года, а уж потом переехавшим в Италию, со скульптором Архипенко, с художником Григорьевым, людьми не простых судеб. Строила планы новых поездок и хотела купить дом в Кенигсберге, прикидывала, что это будет как раз удобно — прямо посередине между Лондоном и Москвой. В СССР ее дети обогатятся новыми идеями, будут изучать современное искусство. В атмосфере мира и пацифизма сын Дик станет космополитом в самом хорошем смысле этого слова... В Москву второй раз летела как на крыльях. Горький дал ей рекомендательное письмо к своей первой жене (она якобы служила надзирательницей в тюрьме). Утренняя столица встречала прохладой. На вокзале взяла извозчика. Еле нашла нужный дом. Бывшая жена Горького, «похожая на одну из героинь его «На дне», встретила ее неприветливо. В Москве прошли две скучные недели. Потом — Петроград. За месяц написала восемь статей в «Дейли экспресс». О «новой России» — где все не нравилось и где ею никто не интересовался. Вернулась в Берлин и от обиды плакала.

В Лондоне с ней встретился совпред Раковский и открыто сказал, что своими статьями она нанесла его стране «большой вред». Она объясняла все невниманием к ней. Он обещал дать ей «возможность исправиться» — визу может получить в любой момент. С братом путешествовала на мопедах по Украине — Раковский дал письма к друзьям. Доехали до Черного моря, везде их встречали гостеприимно. В Севастополе принимали краснофлотцы. В Одессе, перед отплытием в Константинополь, опять думала, не остаться ли. Ей даже предложили сдать в наем (почти бесплатно) особняк, коли отремонтирует его за свой счет. Но осела все-таки в Турции — соболей пришлось продать. У советского консульства арендовала на несколько лет одну из бывших царских вилл, их никто не хотел занимать, и они пустовали. Консул Потемкин сказал, что она может здесь жить хоть всю жизнь... Они встретятся вновь во Франции в 1936-м. Она пригласит полпреда СССР В. П. Потемкина на свою персональную выставку, одной из примечательностей которой будет небольшая бронзовая фигурка В. И. Ленина: Владимир Ильич беседует с кем-то невидимым, улыбается, но говорит что-то важное... Бронзовая фигурка, вспоминают родные Потемкина, всегда стояла на его рабочем столе в Париже и потом в Москве, когда стал первым заместителем наркома иностранных дел СССР (с 1937 г.), а затем наркомом просвещения РСФСР (с 1940-го) и первым президентом Академии педагогических наук (скончался Владимир Петрович в 1946-м, похоронен у Кремлевской стены).

Все это было. Но пока — в Константинополе — все это только будет. А она пишет роман. И место для работы — уверена — выбрано удачно. Правда, ее по-прежнему называют «русским агентом», «шпионом» и т. д. — но жить это не мешает, даже в Северной Африке, куда отправится после Константинополя.

На склоне лет она вновь окажется в Алжирской Сахаре, оазис Бискра, Баб-эль-Мсид. Решила «жить в пустыне», где тишина и миражи. Книгу — свою «голую правду» — она так и заканчивает: сидит в песках старая леди и грезит наяву: являются ей Шоу и Чаплин, Киплинг и Уэллс, Черчилль и Муссолини. За ними — другие, все из прошлого: «Привет, Каменев, не удивлена, что вы смущены. Порыв ваш был очень щедрым, но не хватило храбрости вести себя так до конца. Что вы говорите? Вы сотворили меня? Да, вы придали мне форму». «О, Троцкий! И почему я не поехала с вами на фронт, Товарищ? Он прицеливается в меня своей мефистофелевской бородкой: «Вы мне не верили!»

Миражи тают. И поднимается с кресла бодрая старушка и идет заниматься любимым делом — садоводством. Она бережно ухаживает за растениями, будь то колючка или нежный цветок, а вокруг, сколько хватает глаз, расстилаются безбрежные пески. В них — забвение.

СЕРИЯ ДРУЖЕСКИХ РУК

...проблема «молодых» в литературе. Эта проблема, навязшая в зубах, ушах, глазах и вообще; секретари Союза писателей работают над ее решением, был Форум творческой молодежи (где вся молодежь «передралась» между собой), постоянно организуются какие-то сборники, альманахи (не только самиздатовские), и множество прочих вещей; процесс идет, и вроде бы все нормально; и В. В. Карпов принимает у себя молодых, и есть целый Литературный институт!!!

Ну и что? Те, кто имеет талант, потенциального и часто уже реального своего читателя, написанные и осмысленные «узким кругом» произведения, которые, как сказал кто-то на том самом Форуме, могли бы «украсить любую литературу», те, кто по своему определению, собственно, и есть «писатели», зачастую до сих пор так и не выходят из границ этого узкого круга, продолжая вариться в своем соку и не ведая реакции самых разных и любых людей на дело своей жизни.

Часть из них, то ли имея более удачливую судьбу, то ли в силу личных качеств, то ли из-за слишком большой подпольной популярности (нельзя не считаться), то ли просто так, то ли благодаря перестройке, уже вышли на поверхность, опубликовав написанное в таких массовых журналах как «Юность», «Новый мир» и т. п., а другие уже и книги выпустили. Тем самым, перестав носить на себе оскорбляющую всякого серьезного литератора печать вечной молодости, они, казалось бы, должны были забыть, как страшный сон, собственные недавние издательские мытарства и прочно внедриться в официальный пласт литературы, рассосавшись там среди классиков и полных бездарей. Но — нет, это — странное поколение; они не только думают о собственной судьбе, но готовы вытянуть на свет божий вместе с собой и своих пока еще публично не проявленных товарищей; а также помочь еще более молодым, то есть — сразу — следующему поколению, чтобы (может быть!) оно раньше лет на десять могло вступить в полновесную писательскую жизнь.

Что есть жизнь писателя? Пиши книги и публикуй их; если тебя читают — отлично, наслаждайся славой и чувством нужности своей стране и народу; влияй на жизнь и сочиняй больше и больше! Как это просто... Неужели когда-нибудь жизнь писателя у нас (я имею в виду настоящего писателя) будет зависеть только от читательского успеха, а не от Госкомиздата, Союза писателей, редактора, завотделом, зама главного редактора, главного редактора, цензора, конъюнктуры, плана на... год и прочих и прочих вещей, выстроенных в такую сложную и удручающую иерархию, что часто совершенно неохота связываться со всей этой системой, а лучше плюнуть и написать еще один рассказ вместо хождения по кабинетам и ожидания непонятно чего. Произнося в очередной раз проклятия нашему издательскому делу, я не обольщаюсь, что изменится хоть что-то.

Но это поколение и издательство «Московский рабочий» — решили просто взять и издать всех тех, кого нужно издать. Тех, чьи книги ждут заинтересованные читатели (какая разница, к какой социальной прослойке они принадлежат?!). Тех, кто сам ждет появления своей Книги уже, может быть, бо́льшую часть жизни. Надо издать их книги — а потом уже будем спорить, литература это или нет.

Редколлегия, состоящая из Татьяны Толстой, Надежды Кондаковой, Александра Лаврина, Алексея Парщикова, Ивана Жданова, Владимира Салимона, Сергея Чупринина, Вячеслава Пьецуха, Андрея Мальгина, Евгения Попова на общественных началах (т. е. бесплатно!) по договору с издательством обязалась собрать и представить для печати сборники своих друзей-литераторов, не имеющих книг, но имеющих локальный, внутрилитературный и заслуженный успех.

Тираж — пока 5000 экземпляров, но главное — начать; если дело пойдет, можно будет договориться с хозрасчетной типографией, и вообще, много есть разных ходов, если никто не будет против.

Каждый месяц будет выходить одна книжка. Объем поэтических сборников — 1—1,5 печатных листов, проза — до 3 печатных листов. Увы, это немного! Но и не так мало; и все-таки это будет «книга», а не кассета, не одно выбранное каким-нибудь досужим редактором стихотворение в альманахе, не подборка в коллективном сборнике, в котором на одно известное тем, кто интересуется, имя приходятся десять непонятных и никому не нужных «поэтов»; все-таки, это будет Книга, а Книга, что ни говори, есть Книга.

На всю редакторскую работу, оформление и прочие вещи, которыми, собственно, и занимаются в издательстве, отводится 2—3 месяца. Это рекорд для книжной продукции в нашей стране!

Со стороны издательства, столь любезно предоставившего свою крышу этому святому делу (никакой прибыли в ближайшее время не предвидится, поэтому всю эту затею можно характеризовать как высокое и бескорыстное меценатство) в редколлегию входит Людмила Николаевна Беклешова, редактор редакции литературы для молодежи; этой серией также занимаются заведующий той же редакцией Александр Михайлович Бармасов и зав. отделом Надежда Николаевна Скрябина. Есть еще и художественный редактор и технический редактор и корректоры. И главный художник серии — Сергей Гетта.

Серия готова выпустить свою первую книгу в январе 1989 года. И продолжать выпуск этих книг каждый месяц. Одна книга в месяц! Проза, поэзия и публицистика. Может быть, в будущем — критика, драматургия.

На своем заседании редколлегия определяла кандидатуры авторов, которых надо будет издать в первую очередь.

— Рукописи с улицы приниматься не будут,— говорит Александр Лаврин.— Члены нашей редколлегии так или иначе связаны со всеми молодыми литераторами, представляющими интерес.

— Да, но как же можно будет напечататься в вашей серии? — спрашивает мой друг — корреспондент, который пишет авангардную прозу.

— Я отвечу на ваш вопрос! — говорит Евгений Попов.— В этой серии будут печататься «широко известные в узких кругах». Не будут печататься члены Союза писателей, те, у кого уже есть книжка. Те, кто уже «открыт» тоже не будут у нас печататься.

— А члены редколлегии?

— Нет! Это издание — для тех, кому хуже, чем нам. Но мы не будем принимать рукописи. Мы будем сами выбирать авторов. Все, кого надо напечатать, в принципе нам известны. Если появятся новые интересные авторы, то они должны будут пройти весь этот путь, который все прошли, и только когда их не будут печатать нигде — ни в «Юности», ни в других журналах, и у них будет репутация талантливых писателей, тогда они смогут напечататься у нас.

— Ну вот, предположим, я хочу напечататься у вас,— говорит мой друг корреспондент,— что я должен делать? Могу я прийти и предложить свои произведения редколлегии?

— Нет, — отвечает Попов. — Но вы можете лично обратиться к любому члену редколлегии. А тот, если ему очень понравилось ваше произведение, может рекомендовать его для публикации.

— Вас завалят рукописями! — говорит мой друг.

— Мы не будем их принимать,— опять повторяет Попов.

— Дай бог!

— Давайте выберем авторов, которых мы собираемся напечатать в первые полгода,— говорит Людмила Николаевна.

Все соглашаются, и начинается круговой опрос членов редколлегии — каждый называет тех, кого бы он хотел опубликовать. Атмосфера заседания поражает весьма приятным сочетанием деловитости и какой-то непринужденности; царит легкая, но существенная эйфория от того, что «мы можем всех издать, кого считаем нужным», и это ощущение непривычно и сладостно; казалось, еще совсем недавно все сидели друг у друга на кухнях, читая вслух свои стихи и рассказы, пили чай или еще чего-нибудь и твердо верили в то, что в этой стране в ближайшее время ничего из написанного тобой и твоими друзьями напечатано не будет, и надо плюнуть на все эти журналы, газеты, книги и совещания молодых писателей, которые рекомендуют к публикации сочинения, где «правдиво отображен образ нашего современника», и просто писать дальше из-за любви к искусству, не смиряясь с жесткими рамками начальственно-писательского официоза. И еще — в настроении этой редколлегии, конечно же, есть закономерная гордость от того, что «мы, мол, не забыли своих друзей и сразу протянули дружескую руку тем, кто идет за нами». Так говорил мне Парщиков, восторженно рассказывая о рождении новой серии.

— Итак, я предлагаю напечатать Арабова, Степанцова, Пригова,— говорит Надежда Кондакова, начав обсуждение конкретных имен.

— Я считаю, что сперва — в январе — нужно издать пьесу Виктора Коркии о Сталине,— предлагает Пьецух.— Она станет бестселлером (недавно был спектакль), и нашу серию сразу заметят.

— Я назову Сергея Соловьева, Гандлевского, Илью Кутика,— говорит Владимир Салимон.

— А я — Ольгу Седакову, Величанского и Аристова,— продолжает Иван Жданов.

— Я назову прозаиков,— говорит Евгений Попов.— Вот они: Гаврилов, Гареев, Ванеева, Сорокин, Виктор Ерофеев, Карапчиевский.

— Я поддерживаю всех,— говорит Сергей Чупринин, — но еще предлагаю издать Льва Рубинштейна. Как прозаика!

Дальше продолжает обсуждение Андрей Мальгин:

— Да, надо начать серию Коркией. А потом необходимо издать Арабова и Гандлевского — они особенно интересны! Из прозаиков рекомендую Виктора Ерофеева, Гареева. И есть еще два: Александр Кабаков, Ольга Комарова. И еще я предлагаю издать в первом полугодии повесть Александра Терехова «Зёма». Очень «крутая» повесть — про армию.

— Итак, кого мы имеем?

И вот, в результате список на первые полгода: 1). Виктор Коркия 2). Виктор Ерофеев 3). Юрий Арабов 4). Ванеева 5). Гандлевский 6). Терехов.

— Ванеева живет не в Москве, и у нее нет телефона,— говорит Попов. — Надо будет ей написать письмо. Представляете, как это замечательно: издательство само пишет автору о том, что хочет издать его книгу!

Да, это в самом деле замечательно, и в который раз доказывает и ежу понятную истину о том, что стоит только убрать глупые устаревшие рамки и ограничения и дать возможность талантливым и энергичным людям делать дела, как надоевшие нам нерешенные вопросы, вечную актуальность которых безнадежно муссирует печать, окажутся решены в два счета; и вся хваленая «сложность» их окажется простой фикцией, демагогией, которой пользуются те, которые просто не хотят делиться своей властью с людьми, давно имеющими на нее законное право.

Итак, механизм новой серии заработал. Что могут еще сказать об этой серии ее создатели?

ИВАН ЖДАНОВ: Я надеюсь, что с появлением этой серии, «белые пятна» на карте нашей современной литературы начнут, наконец, исчезать. Это — возможность сделать ту литературу, которая существует пока только номинально, явленной, чтобы читатели могли судить о ней, не как о чем-то «мифическом», а как о вполне реально существующем.

АЛЕКСЕЙ ПАРЩИКОВ: Я думаю, что, в принципе, современное мышление — серийно. Это вообще признак постмодернистской поэтики — мыслить сериями. Здесь можно вспомнить Илью Кабакова, концептуалистов... Именно в серии можно проявить и целое и все своеобразие частного; поэтому серия — не групповое явление, она дает целый букет стилей; серия не превращается ни в манифистацию, ни в литературную школу. Эта серия будет отличаться от предыдущих разнообразием стилей. Другие серии с самого начала имели что-то общее в своих произведениях, мы же будем искать это общее. Наше внутреннее общение — это есть то единство, которое объединяет серию. Существует только одна опасность: что Союз писателей протянет сюда свои руки, что функционеры поймут нашу серию, как площадку для экспансии. Ведь ценность этой серии в том, что она впервые осуществлена самостоятельно, без «старших».

Да, в самом деле, и все члены редколлегии, и авторы и сочувствующие, если чего и боятся, только нежелательной опеки со стороны наших литературных аппаратчиков. Я не буду давать много всяких других (в принципе, совершенно схожих с этими) мнений о серии, поскольку, как мне кажется, и так все ясно. Что можно добавить?

Да здравствует эта замечательная серия, ее редколлегия и издательство «Московский рабочий», организовавшее возможность этого беспрецедентного за последние... 50 (?) лет дела! Ура!

... может быть, на этот раз что-то получится? Может быть, на этот раз мы победим?

Егор **РАДОВ**

В 1927 году в Государственном издательстве вышла книга «Октябрьская революция перед судом американских сенаторов», представляющая собой сокращенный перевод официального отчета «Овермэнской комиссии» сената США. Эта комиссия, названная по имени ее председателя сенатора Овермэна, заседала в феврале — марте 1919 года и ставила своей целью с помощью свидетельских показаний американских граждан, находившихся в России в 1917 — 1918 гг., дискредитировать русскую революцию в глазах американского народа. Задача оказалась не столь простой, как ожидалось инициаторами пропагандистской акции. В немалой степени этому способствовали Альберт Райс Вильямс, Джон Рид и его жена Луиза Брайент.

Одними из самых интересных материалов книги, хранившейся до последнего времени в спецфонде по причине частого упоминания в ней политических деятелей, объявленных впоследствии врагами народа, являются свидетельские показания Луизы Брайент (1890—1936 гг.). Журналистка, писательница, она вместе с Дж. Ридом в 1917 г. прибыла в Россию, где была свидетельницей событий Великого Октября. Во время второй своей поездки в Советскую страну встречалась с В. И. Лениным, М. И. Калининым, Ф. Э. Дзержинским и другими деятелями революции, о чем оставила воспоминания в книге «Зеркала Москвы» (1923 г.). Ее более раннее произведение «Шесть красных месяцев в России» (1919 г.) полно сочувствия и симпатии к большевикам, к революционному народу.

Предлагая читателю ознакомиться с ее свидетельскими показаниями сенатской комиссии, хотелось бы сделать одно пояснение. Л. Брайент постоянно возвращается и к «женскому вопросу в России», которым глубоко интересовалась. В то время на Западе широко распространились слухи о «национализации женщин» большевиками, чему главным образом способствовали анархисты, действительно издававшие подобного рода декреты и постановления. Вот отрывок из подобного рода «сочинений», на которые опиралась буржуазная пресса, выдавая их за государственную политику большевистского правительства:

«1. С 1 марта отменяется право владения женщинами, достигшими возраста от 17 до 32 лет.

. . . .

3. Декрет не касается женщин, имеющих не менее пяти детей.

4. Прежние владельцы могут сохранить право преимущественного пользования.

5. В случае сопротивления мужа, он теряет право, предоставленное ему предыдущим параграфом.

6. Все женщины изъемлются из частного владения и объявляются собственностью всей нации...»

И т. д.

Показателен тот факт, что этот вопрос занял центральное место в работе комиссии и его касались почти все выступавшие свидетели.

Ю. ОТРЕШКО
Ю. САВЕЛЬЕВ

РИС Г. КОРЫШЕВА

Покинули стены «спецхранов» и переведены в открытые фонды тысячи томов политической, научной, художественной литературы. В большинстве своем это книги, авторы которых подверглись репрессиям в период культа личности Сталина, или же издания с предисловиями, написанными репрессированными политическими деятелями, их фотоснимками, упоминаниями фамилий, цитат из их трудов. Однако ни одна библиотека не может ознакомить всех желающих с возвращенными книгами. Редкие издания пропадают, попросту крадутся, из них вырываются страницы. Два-три экземпляра старой книги, конечно, не смогут удовлетворить читателей, а проблема их переиздания в ближайшие годы вряд ли будет решена полностью. В новой рубрике «Возвращаются к читателю» мы будем публиковать отрывки из редких книг, представлять различные издания 20—30-х годов...

Луиза Брайент: РУССКИЕ ДОЛЖНЫ САМИ РАЗРЕШИТЬ ВСЕ ВОПРОСЫ...

ЗАСЕДАНИЕ 20 ФЕВРАЛЯ

Присутствуют сенаторы: Овермэн (председатель), Кинг, Уолкот, Нельсон, Юмс и Стерлинг.

...(свидетельница приводится к присяге председателем)

...**Нельсон.** Разрешите мне спросить следующее: был ли ваш муж на службе у большевиков?

Брайент. Да, сэр.

Нельсон. Выполнение каких задач было возложено на него?

Брайент. Он работал в ведомстве пропаганды; я вам покажу, какого рода прокламации там выпускались. Эта пропаганда никогда не была тайной. Например...

Нельсон. Нас это не интересует.

Брайент. Вас это не интересует?

Нельсон. Да, интересны нам не бумажки, а факты.

Брайент. Это и есть факты. Вы должны признать факты. Вот прокламация, напечатанная на немецком языке, приготовленная для отправки на фронты, чтобы пробудить...

Нельсон. Не будьте так дерзки. (Аплодисменты и свистки.)

Овермэн. Я не допущу больше шума, — иначе мы будем продолжать заседание при закрытых дверях. Я хочу чтобы с этой леди обращались уважительно.

Брайент. Надеюсь, что вы этого желаете.

Овермэн. Нам нужно получить факты, выслушать ее согласно закону, но я хочу одновременно, чтобы она...

Брайент. Вы говорите, сенатор Овермэн, что я здесь не на судебном допросе. Я — свободная американская гражданка. Я ожидаю, что со мной будут обращаться так же вежливо, как и с предыдущими свидетелями, но я этого не добилась. (Аплодисменты.)

Уолкот. Я прикажу очистить помещение, и никакие дальнейшие показания не будут выслушаны, пока помещение не будет очищено.

Брайент. Всех вон? Я буду давать показания только при открытых дверях. Крайне необходимо, чтобы эти дела стали известны.

Кинг. Здесь будет присутствовать стенограф.

Брайент. Все другие свидетели давали показания при открытых дверях.

Уолкот. Я вношу предложение, чтобы остались представители печати и стенограф, чтобы показания были записаны, чтобы свидетельнице представлена была копия записи, и чтобы всякий желающий из публики мог также получить копию.

Брайент. Могу ли я прокорректировать свою копию?

Уолкот. Публике, упорно продолжающей аплодировать, предлагается оставить помещение.

Овермэн. Я вношу предложение дать свидетельнице высказаться. Останутся стенограф и корреспонденты газет, но публика должна удалиться.

Брайент. Будет ли мне любезно предоставлено право просмотреть мои показания?

Овермэн. Вам это будет разрешено. Вам будут предоставлены те же льготы, что и другим свидетелям.

Брайент. Я прошу, чтобы публике было разрешено остаться.

Овермэн. Я приказываю им покинуть помещение.

Брайент. Ведь я пока единственный свидетель другой стороны, единственный свидетель, который желал бы, чтобы были налажены дружественные отношения между Россией и Америкой.

Джон Рид. Могу ли я остаться? Я — Джон Рид, муж мисс Брайент.

Овермэн. Да. Ушли ли все, за исключением репортеров? Если здесь присутствует кто-либо, не являющийся репортером, прошу его удалиться.

Кинг. Могу ли я поставить вопрос, находящийся в полной связи с тем, что я спрашивал за минуту до этого. Г-жа Рид, являлись ли ваш муж и Альберт Рис Вильямс членами комитета интернациональной революционной пропаганды, руководимой Борисом Рейнштейном из Буффало?

Брайент. Да, он теперь секретарь Ленина.

Кинг. Секретарь Ленина?

Брайент. Да. В настоящее время.

Кинг. Он прибыл туда из нашей страны?

Брайент. Да, он русский.

Кинг. И они работали с другими социалистами, находящимися там и прибывшими из нашей страны?

Брайент. Да, это никогда не было секретом.

Кинг. Так что ваш муж и Альберт Рис Вильямс выступали там в качестве пропагандистов в интересах международной революционной пропаганды?

Брайент. Я бы не сказала, что это совсем точно. Я знаю, что они исполняли эти обязанности, и отметила это в своей книге. Если бы у меня было намерение что-либо скрыть, я бы этого не сделала.

Кинг. Вы сообщили вот что.

«За следующей дверью помещалось только что основанное бюро международной революционной пропаганды, возглавляемое Борисом Рейнштейном из Буффало...»

Брайент. Да.

Кинг. (продолжая читать):

«...где также работали два американских специалиста, Джон Рид и Альберт Рис Вильямс».

Брайент. Да.

Кинг. В этом ведомстве был человек, именуемый Радеком?

Брайент. Да, Радек.

Кинг. Который теперь в Германии сидит в тюрьме за свои попытки вызвать там революцию и побудить спартаковцев к убийствам и к разрушению созданной Эбертом формы правления?

Брайент. Я знаю об этом только то, что читала в газетах.

Кинг. Когда прибыл Альберт Рис Вильямс в Соединенные Штаты?

Брайент. Он пробыл здесь очень недолго: месяца два, не более.

Кинг. И с тех пор, как он прибыл сюда, он занимался делом пропаганды, — не так ли?

Брайент. Ну, раз вы даете мне отвечать только да и нет, я вам ничего не расскажу.

Овермэн. Я полагаю, что она имеет право давать более подробные объяснения.

Кинг. М-р Вильямс прибыл в Соединенные Штаты после того, как он состоял на службе у революционного большевистского правительства?

Брайент. Да, М-р Вильямс организовал иностранный легион, созданный для борьбы против вторгшихся после Брестского мира германцев. М-р Вильямс вернулся в Америку, чтобы открыть бюро информации о Советском правительстве в целях установления более дружественных взаимоотношений между обеими странами и распространения достоверных сведений о России. Он никогда этого не отрицал.

Кинг. Следовательно, он представитель Советского правительства?

Брайент. Он не представитель, он просто человек, желающий открыть информационное бюро; впрочем, м-р Вильямс об этом вам расскажет лучше меня.

Овермэн. Находится ли он на службе у большевистского правительства?

Брайент. Я не думаю, чтобы он состоял у них на службе.

Овермэн. Вы сказали, что ваш муж был на службе у большевистского правительства?

Брайент. Да.

Овермэн. Состояли ли вы у них на службе?

Брайент. Я никогда у них на службе не состояла.

Овермэн. Какое жалованье получал ваш муж?

Брайент. То же жалованье, которое получали все большевики, в том числе Ленин и Троцкий — 50 долларов в месяц.

Овермэн. Да в придачу то, что им удавалось стянуть на стороне?

Брайент. Нет; они ничего не могли стянуть. Было очень опасно, сенатор Овермэн, «стянуть» что бы то ни было в России.

Уолкот. Они забирали целые гостиницы и дворцы.

Брайент. К чему вы все это говорите? Ведь вы там не были, а я была.

Уолкот. У нас здесь свидетели рассказывали, что они живут в великолепных дворцах и ездят в роскошных автомобилях.

Брайент. Я не знаю никого, кто бы жил во дворцах после того, как большевики взяли власть. Я очень хорошо знала Троцкого, но мне известно, что он жил в крайне скромных условиях.

Овермэн. Может быть, вы расскажете нам, каковы условия в России под властью большевиков?

Брайент. Буду очень рада это сделать. Я хочу рассказать вам, прежде всего, о так называемой национализации женщин, о которой здесь так много говорилось. Меня лично очень интересовал вопрос о том, какую позицию займут женщины по отношению к революционной власти в России, так как я знала, что русские женщины ссылались в Сибирь не в меньшем числе, чем мужчины, а иногда даже в большем, и что они выделялись своим стремлением к свободе. Поэтому, естественно, мне было очень неприятно, что у нас царит такой сумбур мнений относительно этих декретов, ибо Саратовский декрет...

Овермэн. Не вдавайтесь в эту тему.

Брайент. Я должна подробнее на этом остановиться, так как иначе вам будет непонятно дальнейшее.

Овермэн. Единственное, что мы хотим узнать: правда ли это, или нет.

Брайент. Не может быть, чтобы вы хотели узнать только это, ибо все другие свидетели пространно объясняли вам, что это правда.

Овермэн. Они говорили, что такой декрет существовал, и представили его копию.

Брайент. Этот документ исходил из Саратовского клуба анархистов.

Овермэн. Вы утверждаете, что он не был издан большевистским правительством?

Брайент. Нет. Я хочу сказать далее, что анархисты, которые опубликовали подобные декреты и совершили другие провинности того же рода, расстреливались, либо, в лучшем случае, бросались в тюрьму, и наверное никто из присутствующих не пожелал бы им еще более сурового наказания.

Юмс. Являются ли «Известия» официальным органом Советского правительства?

Брайент. Не все, напечатанное в них, одобряется Советским правительством.

Юмс. Видели ли вы декрет о национализации женщин, опубликованный в «Известиях»? Кем он был подписан?

Брайент. Саратовский декрет ничего не имеет общего с советами.

Юмс. Я не говорю о Саратове, а говорю о декрете, опубликованном в официальном органе — «Известиях». Видели ли вы этот декрет?

Брайент. Да, но не в «Известиях».

Юмс. Разве этот декрет не был опубликован с разрешения Советского правительства?

Брайент. Нет. Представьте себе, что американское правительство опубликовало какой-либо документ, узнав при этом, что он исходит от анархистского клуба; разве это означало бы, что правительство Соединенных Штатов одобряет действия этого клуба?

Юмс. Я говорю не об анархистском декрете.

Брайент. Но ведь такого советского декрета вовсе не существовало.

Юмс. Вы заявляете, что «Известия» не опубликовали декрета, в котором, между прочим, говорилось следующее:

«Девушка, достигшая 18 лет, объявляется собственностью государства. Всякая девушка, достигшая 18 лет и не вышедшая замуж, обязана, под угрозой самого сурового наказания, зарегистрироваться в бюро свободной любви при комиссариате надзора». Было ли это напечатано в «Известиях»?

Брайент. Я читала подобный декрет, но не в «Известиях».

Юмс. Отвечайте точно на вопрос, а потом сможете пояснить. Было ли это опубликовано в «Известиях»?

Брайент. Я хочу сделать разъяснение.

Юмс. Какое разъяснение?

Брайент. Разъяснение заключается в том, что это не был советский декрет и...

Юмс. Имеете ли вы газету, в которой появилось это разъяснение?

Брайент. Нет; но у меня здесь имеется весьма важный отчет, опубликованный совсем недавно главою Христианской ассоциации молодых людей, в котором он сам — я ссылаюсь на м-ра Дэвиса — исследовал все это дело, так как он был в то время в Саратове.

Юмс. Оставьте в покое Саратов.

Брайент. Это относится также и к городу Владимиру. У меня в руках выпущенный Дэвисом отчет, и я уверена, что он знает то, о чем говорит.

Уолкот. Позвольте мне спросить, в каком печатном органе был опубликован отчет этого члена Христианской ассоциации молодых людей?

Брайент. Копия, которая находится в моих руках, опубликована в газете «Нью-Йорк-Колл».

Стерлинг. Это социалистическая газета?

Брайент. Но Дэвис был главой Христианской ассоциации молодых людей в России, и я полагаю, что отчет был напечатан во многих других газетах, хотя мне об этом не известно.

Юмс. Итак, м-р Дэвис по возвращении в нашу страну защищал Советское правительство и большевистскую власть в России?

Брайент. Очень многие главы ведомств делали, в большей или меньшей степени, то же самое.

Юмс. Поддерживает ли ваш муж непосредственные сношения с большевистским правительством?

Брайент. Нет. Единственное известное мне письмо было отправлено через государственный департамент.

Юмс. Не получил ли он от большевистского правительства назначения на пост генерального консула в Нью-Йорке?

Брайент. Да, получил.

Юмс. Выполнял ли он свои обязанности на этом посту?

Брайент. Нет; он прибыл сюда не в качестве генерального консула.

Юмс. Пытался ли он выполнять обязанности генерального консула, несмотря на то, что не был признан американским правительством?

Брайент. Конечно, нет; генеральным консулом он был вряд ли более четырех дней, ибо еще до вручения им своих паспортов весь план был изменен.

Юмс. Он был намечен большевистским правительством на должность генерального консула в Петрограде, не так ли?

Брайент. Да, это известно всем.

Юмс. Но, принимая от большевистского правительства назначение на этот ответственный пост, он нарушил свое клятвенное обещание, данное им американскому правительству при получении заграничного паспорта.

Брайент. Я думаю, что он принял эту должность с санкции наших должностных лиц в России. Во всяком случае, он сам сможет дать вам надлежащие разъяснения.

Юмс. Видели ли вы когда-нибудь своими глазами убийства на улицах Петрограда?

Брайент. Нет. Я была в Зимнем дворце в день его падения. Я оставалась там весь день с членами правительства Керенского и юнкерами. Они предвидели, что им придется сдаться, и мне хотелось присутствовать при падении дворца. Я хотела посмотреть, во что выльются события, чтобы впоследствии их описать.

Около пяти часов я решила, что никакого штурма не будет, и попросила позволения покинуть дворец. Выходя из дворца, узнала, что в Смольном происходит грандиозный митинг, и отправилась туда. В то время как мы были на митинге, до нашего слуха донесся грохот артиллерийской стрельбы. Выбежав на улицу, увидя большой грузовик, собиравшийся трогаться с места, мы попросили позволения поехать на нем, что нам было разрешено. Проехав весь Невский проспект и приблизившись к Зимнему дворцу, мы увидели, что он только что пал; мы вбежали в него с первыми частями. Вместе со мной были мисс Бити, м-р Рид, м-р Вильямс.

Юмс. Само собой разумеется, при этом вы видели убитых?

Брайент. Нет.

Юмс. Ни одного убитого?

Брайент. Я не говорю, что никто не был убит, но мне не пришлось своими глазами видеть сцены убийства.

Юмс. Разве большевистская революция и свержение Керенского произошли совсем без кровопролития?

Брайент. Нет. Я говорю, что не видела ни одного убитого. Известное число большевиков пало при взятии Зимнего дворца, но в виду ночной темноты я их не могла разглядеть; юнкеров среди убитых, однако, не было. Я не говорила, что революция была бескровной.

Юмс. Приходилось ли вам быть свидетельницей актов убийства на улицах Петрограда?

Брайент. Да, я видела убийство одного человека. Я шла по улице, какой-то головорез выстрелил с крыши и убил прохожего.

Юмс. Это было до или после воцарения большевиков?

Брайент. Это случилось после захвата власти большевиками.

Юмс. И что произошло тогда?

Брайент. Тогда матросы выбежали из Дома Советов и из других домов с криками «провокатор», так как они поняли, что кто-то пытается вызвать беспорядки. Они бегали по улицам, стараясь отыскать стрелявшего. Это был единственный виденный мною случай.

Юмс. Единственный?

Брайент. Да, если не считать «винных погромов».

Юмс. Известен ли вам тот факт, что как сейчас, так и во время вашего пребывания там, на улицах Петрограда, ежедневно хладнокровно расстреливают людей?

Брайент. Не знаю, так ли это. Я уверена, что среди лиц, возглавлявших американские официальные организации в России, найдется не менее десяти свидетелей, которые будут показывать противное.

Юмс. Итак, заявления всех этих почтенных людей, дававших здесь свои показания о событиях, которые они действительно видели собственными глазами, являются ложью?

Брайент. Я присутствовала здесь большую часть времени, и я не слышала, чтобы они говорили, что действительно видели такие вещи.

Юмс. Все выступавшие свидетели, как один, показали, что видали эти вещи собственными глазами.

Брайент. Возможно, что они видели, я же — нет. Не хотите же вы, чтобы я показывала о вещах, которых я не наблюдала?

Юмс. И в течение всего времени вашего пребывания там вы не наблюдали случаев голодной смерти на улицах, когда люди падали мертвыми?

Брайент. Нет, я не видела, чтобы кто-нибудь упал мертвым.

Юмс. И вы жили там до середины января.

Брайент. Да.

Стерлинг. Видели ли вы людей, просящих хлеба, пищи и т. д.?

Брайент. В России всегда имелось много нищих, но, насколько мне известно, их теперь меньше, чем раньше.

Стерлинг. И вы не видали нищих на улицах?

Брайент. Очень мало нищих на улицах, не больше, чем я вижу здесь, в Соединенных Штатах.

Нельсон. Не потому ли там нет нищих, что они вступили в Красную Армию?

Брайент. Если они стары и слабы, то, конечно, они не могут поступить в Красную Армию. Она состоит преимущественно из молодых людей.

Овермэн. Видели ли вы там каких-нибудь германских офицеров?

Брайент. Конечно, нет. Я видела некоторых германских военнопленных, которых большевики организовали для борьбы против их собственного правительства.

Стерлинг. И им удалось побудить германских военнопленных, чтобы те сражались против Германии?

Брайент. Да, и их использовали, главным образом, для контрабандной отправки в Германию агитационной литературы, в целях подготовки свержения германского правительства.

Юмс. Когда эти части были организованы, в каких местах они участвовали в боях против Германии?

Брайент. Они боролись вместе с советской армией, они сражались с германцами и оттеснили их обратно к русским границам, как вам должно быть известно. Они продвинулись вплоть до Киева и Риги.

Овермэн. Можете разрешить публике вернуться, если она согласна вести себя спокойно.

(Двери комиссионной комнаты вновь открываются, и подкомиссия продолжает допрос при открытых дверях.)

Овермэн. Какова цель митинга, который происходил у вас в Поли?

Брайент. Нашей целью было выразить протест против интервенции в России. Я, как американка, признающая право самоопределения, не могу признавать интервенцию. Я не вижу, как мы можем бороться одновременно за демократию и самоопределение во Франции и против того и другого — в Сибири. Я полагаю, что мы должны отозвать наши части из России, и что в интересах обеих наций было бы восстановление дружеских сношений.

Нельсон. Вы стремитесь к укреплению большевистской власти в России?

Брайент. Я думаю, что решить это должны сами русские.

Нельсон. Я спрашиваю вас, думаете ли вы, что большевики должны оставаться в России?

Брайент. Я уже ответила вам: я признаю право самоопределения.

Нельсон. Желаете ли вы от всей души, чтоб большевистское правительство в его настоящем виде укрепилось в России?

Брайент. Если русские этого хотят, то — да, если же они этого не хотят — нет.

Стерлинг. Не пытается ли Советское правительство утвердиться силою?

Брайент. О, да. Все правительства, включая и наше, поступали так.

Нельсон. Употребляя силу против русского народа, который с ним не согласен?

Брайент. Да, мы также употребляем силу против английского короля и его армии.

Нельсон. А почему бы остальной части русского народа не иметь права выражать свою волю?

Брайент. Почему бы нашим тори не иметь тогда этого права?

Нельсон. Почему большевики прибегают к силе, чтобы разоружить всех и каждого?

Брайент. Таков путь, на котором осуществляются революции.

Нельсон. И это вы называете свободой?

Брайент. Это — неизбежная переходная стадия, пройти которую необходимо при установлении всякого правительства. И нам пришлось ее пройти; нам пришлось разоружить наших тори, и мы даже расстреляли некоторых из них.

Нельсон. Значит, вы ставите на одну доску русских людей, несогласных с большевиками, и американских тори?

Брайент. Я сравниваю русские высшие классы с тори.

Нельсон. Вы думаете, что те, кто несогласен с большевистским правительством и с их царством террора, являются тори и должны быть либо убиты, либо разоружены, либо высланы из страны?

Брайент. Я не говорю, что они должны быть либо убиты, либо разоружены или изгнаны из страны.

Нельсон. Что же вы с ними хотите сделать?

Брайент. Я бы предоставила русскому народу самостоятельно разрешить этот вопрос, точно так же, как они предоставили нам решать его во время нашей гражданской войны.

Нельсон. Вы бы позволили им продолжать убивать друг друга?

Брайент. Я за то, чтобы русские сами решили этот вопрос.

Стерлинг. Мисс Брайент, вам известен, не правда ли, тот факт, что русские красногвардейцы сплошь да рядом входили в тюрьмы, выводили оттуда людей и, не подвергая суду, расстреливали на месте?

Брайент. Мне не известно это по личным наблюдениям.

Стерлинг. Имеете ли вы полное основание верить, что слышанное вами — правда?

Брайент. Нет. Я этого не думаю, ибо о России рассказывают столько выдумок, что не верится, чтобы это когда-нибудь случилось.

Стерлинг. Вы не придаете веры тем сообщениям, которые были сделаны здесь свидетелями, сидевшими в русских тюрьмах и видевшими, как гвардейцы уводили арестованных на расстрел?

Брайент. Я не сомневаюсь в том, что в России в настоящее время существует террор как красный, так и белый.

Стерлинг. Вы готовы это признать?

Брайент. Да, это естественный ход революции.

Нельсон. Вы сочувствуете красному террору? Вы считаете его своим призванием?

Брайент. Моим призванием? Я вас не понимаю. Моя точка зрения просто такова, что я признаю право самоопределения, и думаю, что русские должны сами разрешить все вопросы.

Нельсон. Самоопределение на острие штыка?

Брайент. Всем государствам приходилось самоопределяться силой штыка. Никогда ни одно правительство не устанавливалось иначе, как после войны.

Нельсон. О, да. Многие из них возникли таким путем. Знакомы ли вы с Лигой Наций? (Смех.) Она, как будто, образовалась без кровопролития.

Брайент. Погибло семнадцать миллионов жизней! А сделала ли она что-нибудь до сих пор?

Нельсон. Разработан широкий план.

Думаете ли вы, что Керенский установил бы честное правительство?

Брайент. Я верю, что он был честный человек, но он не пользовался поддержкой союзников и поэтому пал.

Нельсон. Вы думаете, что он был так же хорош, как и большевики?

Брайент. Как Советское правительство? Нет, ибо он был только терпим русским народом. Это было только временное правительство, терпимое Советами. Они не одобрили способа его действий, и они его свергли.

Нельсон. Почему вы называете большевиков временным правительством?

Брайент. Я этого не говорила. Это — политическая партия, подобно демократам, находящимся теперь у власти в Америке.

Нельсон. Это политическая партия? Это не правительство? Советская власть в России это — хаос?

Брайент. Ничего подобного. Вы не понимаете меня.

Юмс. Настоящее правительство это — диктатура?

Брайент. Да, как переходная стадия.

Юмс. Неограниченная диктатура?

Брайент. Да, это так называемая диктатура пролетариата. Это власть большинства над меньшинством, диктатура многих.

Юмс. Сколько там, в России, политических партий?

Брайент. Там довольно много политических партий, и все они социалистические, за исключением кадетской. Вы видите, в этом и заключается ошибка, которую там делали, ошибка, которую делает и прибывшая сюда бабушка революции Брешковская. Она отмежевывается от большевиков, но ведь они социалисты, как и эта женщина. Она сидела в тюрьме именно за то, что она социалистка.

Овермэн. Все же она прибыла сюда и сказала, что народ там умирает с голоду.

Брайент. Не думаю, чтобы она это знала.

Овермэн. И она говорит, что народ молит нас о помощи.

Брайент. Я думаю, что она старая женщина с великим прошлым и жалким настоящим.

Нельсон. Думаете ли вы, что после двадцатилетнего пребывания в Сибири...

Брайент. Думаю, что и я бы свихнулась. В доме на Генри-стрит, где ожидали Брешковскую все старые люди, которые знали ее всю жизнь, были очень встревожены за нее, потому что одним из ее первых вопросов было: «Где моя дорогая Эмма?» — Она подразумевала Эмму Гольдман, с которой она жила, когда раньше была здесь. Ей сказали, что она в тюрьме; тогда Брешковская заявила, что хочет к ней пойти. Ей объяснили, что это очень далеко и видеть ее невозможно. Она была этим крайне подавлена. Когда она говорит с вами, она совершенно не знает, что вы думаете, а вы не знаете, что думает она. Вы друг друга не понимаете, говорите на разных языках.

Овермэн. Я прекрасно понял, что она говорила. Она сказала, что в Петрограде, при большевистском правительстве, люди все печальны, подавлены, просят милостыню и умирают с голоду.

Брайент. Что бы вы сказали, если бы кто-нибудь отсюда отправился в Россию и попросил послать сюда армию?

Овермэн. Вы не очень-то уважаете старую леди?

Брайент. Я питаю к ней глубокое уважение. Мои слова не означают неуважения.

Уолкот. Вы думаете, что она страдает старческим слабоумием, не так ли?

Брайент. Я думаю, что она не разбирается в событиях. Мне хотелось бы рассказать вам один эпизод с Чичериным, комиссаром иностранных дел. В то время, как Брешковская скрывалась в Москве, туда прибыл из Нью-Йорка один еврейский журналист. Первое, что он сказал Чичерину, было: «Можете ли вы мне указать, где находится Брешковская? В Америке распространяются слухи, будто она убита». Чичерин ответил: «Она живет в конце улицы, очень недалеко отсюда. Но не говорите, что мы это знаем, чтобы не огорчать старую леди. Она воображает, что мы хотим ее убить, и будет гораздо спокойнее, если будет предполагать, что мы не знаем, где она живет. Если она захочет покинуть Россию, мы закроем на это глаза».

Нельсон. Правда ли, миссис Рид, что большевистское правительство или Советское правительство делит народ на два класса — капиталистов и пролетариев?

Брайент. Да, сэр.

Нельсон. Капиталистка вы или пролетарка?

Брайент. Поскольку я по профессии газетный репортер и ничего не имею...

Нельсон. Отвечайте на вопрос. Принадлежите ли вы к классу капиталистов или пролетариату?

Брайент. Я очень бедна, следовательно, принадлежу к пролетариату.

Нельсон. Вы бы не могли выполнить свою миссию, не будучи пролетаркой?

Брайент. Мне неизвестно, что у меня есть миссия; но если вы хотите мне дать таковую — пожалуйста.

Нельсон. Миссис Рид, я хочу по совести вам сказать, что вы находитесь в более глубоком заблуждении, чем мадам Брешковская.

Брайент. Почему так, сенатор Нельсон?

Нельсон. И мне больно за вас. Но вы молоды и можете исправиться.

ЗАСЕДАНИЕ 21 ФЕВРАЛЯ

Показания Луизы Брайент

(Продолжение)

Брайент: ...Я хочу вернуться к вопросу о национализации женщин, которому здесь было уделено столько внимания. Я этим вопросом чрезвычайно интересуюсь.

Прежде всего женщины в России пользуются наравне с мужчинами избирательными правами, и я не могу представить себе, как это можно предполагать, что женщины будут голосовать за свою национализацию.

Во-вторых, женщины всегда играли в России очень значительную роль. Я считаю, что русские женщины политически еще более активны, чем русские мужчины.

Женщин принимают на работу наравне с мужчинами, и они получают ту же плату за ту же работу. Они занимают одинаковое место в профсоюзах. Их не отстраняют ни от какой работы. Я никогда не была ни в одной стране, где бы женщины были так свободны, как в России, и где к ним относятся не как к самкам а как к человеческим существам. Это весьма подходящая страна для иммиграции суфражисток. Когда я была в России, меня спрашивали, сколько женщин у нас заседает в конгрессе и в сенате. Я бы хотела вам рассказать об этом разговоре, если мне будет это позволено.

Стерлинг. Можете.

Брайент. Я рассказывала им о Джэнет Рэнкин, единственной женщине в конгрессе, о том, что мы подняли вокруг нее большой шум, и что мы не знаем, будет ли когда-нибудь другая женщина в парламенте. Они были очень удивлены. Они не могли понять, почему, при столь длительном существовании у нас демократии, наши женщины в своем большинстве даже не раскрепощены. Как видите, они во многих отношениях критикуют нас точно так же, как мы их. Но они никогда не доходили до того, чтобы говорить, что все американцы — мормоны только потому, что в Соединенных Штатах существует мормонство. Они прочли наши брачные законы и поняли их, хотя и считают их нелепыми. Мы же, в Соединенных Штатах, выхватили маленький отрывок из одного декрета, напечатанного анархистским клубом, и приняли его за выражение взглядов всей России. Об этом-то я и хотела сказать, потому что я не могу допустить мысли, чтобы кто-либо из этой комиссии был столь наивен, чтобы поверить, что русские женщины национализированы.

Теперь о Владимире. Первые четыре параграфа этого декрета — подлинные, остальное было прибавлено как сатира юмористическим журналом «Муха». В этом в России увидели не что иное, как веселую шутку.

Юмс. Являлись ли эти добавления, сделанные юмористическим журналом, материалом такого рода, который мы, в Соединенных Штатах считаем скабрезным?

Брайент. О, нет, ничего подобного... по крайней мере не в России.

Юмс. Хотите ли вы сказать, что содержание этого декрета, после первых четырех параграфов, не имеет скабрезного характера и было бы пропущено цензурой?

Брайент. Я хочу вам сначала объяснить...

Юмс. Точно отвечайте на вопрос, а затем сможете дать какие угодно пояснения.

Брайент. Да, но...

Юмс. Опубликование такого материала было бы разрешено в нашей стране?

Брайент. Нет, не было бы разрешено. Теперь дайте мне разъяснить дело.

Юмс. Позвольте вас спросить, возможно ли представить себе, что уважение к женщинам и к нравственности стоит на столь высоком уровне, как вы старались нас убедить, раз материалы подобного рода печатаются в юмористических журналах в качестве шутки и рассматриваются как шутка, а не как серьезное нарушение любого нравственного кодекса любой культурной расы?

Брайент. То же самое было напечатано во Франции, как нечто комическое. Видите ли, русский и французский и все европейские народы не имеют наших пуританских взглядов насчет того, что им следует и чего им не следует печатать. Они считают эти вещи очень забавными. Мы же в Америке не пропустили бы в нашу страну ни единой строчки или рисунка, напечатанных в обыкновенном французском юмористическом журнале. Мы не признаем таких вещей, а европейские народы считают их очень комичными.

Юмс. В таком случае, нравственный кодекс Америки стоит значительно выше, чем русский?

Брайент. Я бы не сказала, что он выше. Он сильно разнится от русского и не столь гибок. Я бы сказала, что мы более пуритански настроены, чем люди тех стран.

Юмс. Вы полагаете, что русский и французский обычаи печатать такие непристойности предпочтительнее нашего нравственного кодекса, не одобряющего таких приемов?

Брайент. Я не говорю, что он предпочтительнее, но, как и в отношении всех европейских дел, я думаю, что не мое, как американки, дело указывать русским и французам, что им не следует печатать в их газетах; поэтому я смотрела на это только глазами нейтрального наблюдателя, не определяя точки зрения в том или ином смысле.

Юмс. Считаете ли вы, что мы пуритане, раз мы не одобряем этих вещей?

Брайент. Я думаю, что да, если сопоставить с тем, что другие народы позволяют печатать в газетах. Моя точка зрения относительно России сводится к тому, что мы чрезмерно вмешиваемся в ее дела. Немного еще — мы станем указывать русским, какой костюм им одевать, отправляясь в театр. Мы не позволяем им делать то, чего они желают.

Юмс. Вы одобряете, не правда ли, их декреты, так называемые законы, введенные русским правительством?

Брайент. Я сказала вам вчера, что я ни одобряю, ни порицаю их. Моя точка зрения, которую я последовательно защищаю и с которой меня никто не собьет, сводится к тому, что я не признаю интервенции и не признаю за Америкой права вторгаться в Россию и посылать войска для улаживания внутренних дел России.

Юмс. Значит, вы считаете, что России должна быть предоставлена полная свобода самоопределения?

Брайент. Несомненно.

Юмс. Одобриете ли вы, что русское правительство стремится контролировать политическую деятельность других стран?

Брайент. Мне неизвестно о такой деятельности советского правительства.

Уолкот. Позвольте мне сделать одно замечание. Если я вас понял, вы вчера признавали, что они вмешиваются в политические дела других наций, в частности Германии.

Брайент. Вы не отрицаете факта, что они вызвали германскую революцию и этим ускорили окончание войны. Это был один из их приемов борьбы.

Уолкот. Совершенно бесполезно задавать вопросы. Я возвращаю по вашему адресу ту жалобу, которую вы предъявляли нашей комиссии. Вы не даете мне кончить вопроса. Продолжайте ваш рассказ.

Брайент. Один из приемов борьбы заключался в разложении Германии изнутри. Они делали это, и притом весьма успешно. Любой военный скажет вам, что если бы этого не было, война продолжалась бы гораздо дольше, чем это было в действительности.

Уолкот. Сомневаюсь, чтобы какой-либо военный это сказал. Думаю, что военный сказал бы, что германцы были разбиты на западном фронте, и что именно это и вызвало окончание войны.

Брайент. Но поражение германцев на западном фронте не означало непременно, что кайзеру нужно было отказаться от престола. Военное поражение не всегда означает смену правительства.

Уолкот. Думаю, что означает.

Брайент. Эберт и Шейдеман всегда стояли за кайзера, — так зачем же им понадобилось выступать против него?

Уолкот. Не думаю, чтобы вы и я были призваны обсуждать военные проблемы.

Брайент. Я с вами вполне согласна, сенатор. Вот почему я думаю, что банковским клеркам и секретарям Христианской ассоциации молодых людей или очень старым леди не следовало бы являться к вам с заявлениями, что нам нужно послать столько-то солдат в Россию, ибо не думаю, чтобы они что-нибудь смыслили в военных делах. Я не позволила бы себе указывать комиссии, сколько полков нужно отправить в Россию, чтобы одолеть большевиков.

Овермэн. Вы против того, чтобы туда отправлялись какие бы то ни было части вообще?

Брайент. Да, разумеется, против этого, потому что народ в России не желает их присутствия там.

Уолкот. Хорошо; вы можете продолжать, мисс Брайент.

Брайент. Я хотела в особенности подчеркнуть один факт: за все время, что я была в России, я ни разу не слышала, чтобы русские обвиняли Америку и говорили, что они ее ненавидят. Наоборот, они, по-видимому, питали более дружественные чувства к нам, чем к какой-либо другой нации.

Другой пункт, который я хотела отметить, это — то, что в царстве террора, о котором столько толковали эти люди, за все это бурное время в России не был убит ни один американец. Я имею в виду штатских, — лиц, которые не принимали активного участия в войне.

Уолкот. А все же людей бросали в тюрьму. Американский консул был заключен в тюрьму, где он находится и поныне.

Брайент. Да, потому что они обвиняли его в организации контрреволюции, и я думаю, что у них есть серьезные улики против него.

Один из свидетелей сказал, что в числе комиссаров был какой-то американский негр. Это заявление доказывает полное невежество в русских делах. В Петрограде, действительно, жил один американский негр, но он был профессиональным игроком.

Уолкот. Это и есть тот человек, которого они называют проф. Гордон?

Брайент. Я думаю, что это он самый и есть. Впрочем, не знаю. Этот негр был арестован Временным правительством и посажен в тюрьму, потому что они не хотели, чтобы он шлялся повсюду. После того, как Советы пришли к власти, они постоянно имели неприятности из-за этого негра; но он не хотел вернуться домой, оставался там и продолжал играть. Тогда они его арестовали, передали в американское консульство и попросили отослать его домой. Он, разумеется, никакого отношения к правительству не имел.

Уолкот. Мне очень интересно узнать, есть ли какие-нибудь факты о России, которые вы хотели бы сообщить в дополнение к тому, что уже рассказали?

Брайент. Нет, мне прибавить нечего. Моя точка зрения заключается в том, что я признаю право самоопределения и не думаю, что русские такие звери и фанатики, какими их пытались изобразить многие из свидетелей.

Юмс. Кто из свидетелей заявлял, что русские звери? Отзывался ли какой-нибудь свидетель о русском народе иначе, как в самом благожелательном духе?

Брайент. Когда они говорят, что людей убивают тысячами, что людей замаривают голодом, то я склонна рассматривать такие заявления, как нечто равносильное обвинению в зверстве.

Уолкот. Конечно, немало было убито и в нашу гражданскую войну и во всех гражданских войнах.

Большинству читателей трудно судить о переменах, происходящих в деятельности издательств. Потому что информация, посвященная перестройке их работы, и сообщения даже о самых примечательных книжных новинках появляются в газетах, журналах и на экранах телевизоров от случая к случаю. К тому же обычно она умалчивает о не включенных в официальные планы, но готовящихся к выпуску книгах (очевидно, чтобы не вызывать преждевременного ажиотажа), и о всех трудностях перестройки книгоиздания (видимо, чтобы снова и снова не ввергать в отчаяние читателей, которые имеют право на «счастливый конец» — книг на любой вкус вскоре окажется вдоволь).

Наш журнал будет стремиться восполнить дефицит этой информации. Первым в нынешнем году о «дополнительных подробностях» работы своего коллектива рассказывает по просьбе нашего корреспондента директор издательства «Советская Россия» В. И. Новиков.

ЧТО ВЫ ПОСОВЕТУЕТЕ?

— О том, что издательство «Советская Россия» универсальное, то есть выпускающее самую разную литературу — художественную, детскую, научно-популярную, массово-политическую, художественно-документальную, литературу народов Российской Федерации, — большинству читателей хорошо известно. В частности, мы из года в год занимаемся переизданием произведений русской и советской классики. Но в этом ничего оригинального нет. Особенность в другом. Если говорить о художественной литературе, она видится в том, что мы регулярно знакомим читателей с сочинениями русских писателей так называемого второго ряда. В 1989 году это будут ныне мало для кого знакомые «Повести и рассказы» М. Загоскина, «Проза. Воспоминания» видного русского юриста А. Кони, романы «Басурман» и «Колдун на Сухаревой башне» И. Лажечникова, «Легендарные характеры» Н. Лескова, «Повести о детстве и юности» народовольца П. Якубовича, «Сочинения Барона Брамбеуса» О. Сенковского...

Тем не менее и эта работа уже стала для нас традиционной, а перестройка требует поисков все новых путей решения проблемы удовлетворения читательского спроса. И мы вместо старых, не получивших признания серий открываем новые. Среди новинок — «Библиотека русского фольклора». Это беспрецедентное предприятие — раньше устное творчество нашего народа в таком объеме (15 томов в 20 книгах) никогда не издавалось. В 1989 году выйдут два тома — былины и сказки. Тираж каждого — 200 тысяч экземпляров, причем половина его распространяется по подписке, остальное поступит в свободную продажу. Советую обратить внимание и на серию «Русские дневники» в сорока томах.

Сейчас, пожалуй, нет издательства, которое бы не старалось удивить читателей неожиданной книгой. Думаем над сюрпризами и мы. В работе — избранное В. Набокова. В эту книгу войдут романы «Защита Лужина» и «Приглашение на казнь». Примеряемся к вышедшей пять лет назад в США работе историка Р. Медведева «Они окружали Сталина». А вот известную многим советским читателям по отрывочным публикациям в периодической печати Книгу рекордов Гиннесса издательство «Советская Россия» выпустит в этом году. Мы с удовольствием предоставляем журналу «В мире книг» отрывки из нее, публикация которых начинается с этого номера.

После длительного перерыва выходит в свет историческая эпопея А. Белого «Москва». Готовятся к изданию сборники стихов К. Бальмонта и Н. Гумилева, роман Б. Пастернака «Доктор Живаго».

Нашему издательству не свойственно шараханье из крайности в крайность — либо вообще ничего из «сомнительного» не печатать, либо печатать все без разбора. Однако ясно, что если книга полезна для воспитания гражданственности советского человека, если она помогает ему всесторонне увидеть нашу жизнь, заставляет глубоко задуматься над причинами ее негативных сторон, включиться в активную борьбу за перестройку, такую книгу следует печатать.

Наш коллектив обсудил предложенную Госкомиздатом СССР концепцию развития издательского дела. Любопытная концепция. Хотя и не без спорных положений. Скажем, она рекомендует издателям смелее и шире вводить демократические начала в книгоиздание, в частности, использовать все возможности для быстрого выпуска актуальных книг. Мы уже идем по этому пути — к примеру, всего лишь за два месяца выпустили публицистику В. Белова «Ремесло отчуждения», документальный репортаж «Ленинское завещание» В. Наумова и Л. Курина.

Некоторые читатели считают, что издательские планы выпуска (речь идет о всех издательствах) не соответствуют курсу на демократизацию — должен быть читательский конкурс книг, включенных в планы выпуска. Что сказать о таком предложении? С классиками все ясно. Им гонорар платить не нужно. А как быть с живущими писателями? Ведь за принятую издательством рукопись автору положен аванс. Согласится ли он на включение своей книги в план на конкурсной основе? Вряд ли. Но ждать инструкций, видимо, не следует. Будем думать сами, и не исключено, что в ближайшее время такой план станет реальностью.

Налаживать выпуск книг за счет авторов также дело разумное. Мы могли бы выпустить несколько книжек прозы, поэзии, мемуаров. Но где взять даже на эти малотиражные издания бумагу? Ее на 1989 год нашему издательству и без того не хватает — выделено лишь 84 процента к плану. Остальную мы должны «доставать». Но, помилуйте, где? Бумажные комбинаты свою продукцию не продают издательствам. Так что с выпуском книг за счет автора мы вынуждены повременить.

Да и полиграфия сколь-либо заметно не улучшается, даже ухудшается — она морально и физически стареет и быстрого полноценного ее обновления не предвидится. В концепции о развитии издательского дела проводится мысль о возможности создания издательско-полиграфических объединений. Но пока Госкомиздат РСФСР, к которому мы относимся, и полиграфисты к этой идее особого интереса не проявляют. А почему? Если «изъять» полиграфию из Госкомиздата, наше издательство, а также другие издательства, соответственно создав издательско-полиграфические объединения, смогут отобрать хлеб у «аппаратчиков». Чем им тогда руководить? Для чего будет нужно целое управление!

Издательство «Советская Россия» могло бы полностью загрузить такую большую типографию, как книжная фабрика № 1 в Электростали. Но ведь на ней занято около тысячи человек. Им надо вовремя давать фронт работ, бумагу, другие материалы, иначе машины будут простаивать, а люди станут терять в зарплате. Решить эти вопросы издательство не может. Так что, повторяю, идея создавать объединения хорошая, а вот «административной» и материальной поддержки ей нет. Даже в застойный период мы не испытывали таких трудностей с бумагой и переплетными материалами. Бумажные комбинаты стали работать хуже, как это ни странно. Раньше они выдавали бумагу по весу, теперь перешли на метраж. И что получилось? Бумага поступает в основном некачественная, более подходящая для множительных аппаратов. Ее не следовало бы и брать. Слышатся в связи с этим голоса советчиков: покупайте бумагу за рубежом. Но, спрашивается, на какие деньги, ведь у издательств нет конвертируемой валюты. Из-за этого мы вынуждены отказываться от выгодных сделок.

Таковы некоторые планы и проблемы. Мы будем весьма признательны читателям, которые своими советами и конструктивными предложениями помогут нам определить верные ориентиры в работе, внести максимальный вклад в перестройку издательского дела.

ЭКОЛОГИЯ ДУШИ, ПРИРОДЫ, ЖИЗНИ

«...Сплошная липа. И учатся только для того, чтобы стать какими-нибудь проныраами, заработать на какой-нибудь треклятый «кадиллак», да еще вечно притворяются, что им очень важно, проиграет их футбольная команда или нет. А целые дни только и разговору, что про выпивку, девочек и что такое секс, и у всякого своя компания, какая-нибудь гнусная мелкая шайка. У баскетбольных игроков — своя шайка, у католиков — своя, у этих треклятых интеллектуалов — своя, у игроков в бридж — своя компания. Даже у абонентов этого дурацкого Книжного клуба — своя шайка. Попробуй с кем-нибудь поговорить по-настоящему...»

«Над пропастью во ржи» (Пер. Р. Райт-Ковалевой)

Письмо-размышление, адресованное ДЖЕРОМУ Д. СЭЛИНДЖЕРУ, которому исполнилось 70 лет

НЕСЛЫШНО СТУПАЮТ НОГИ

в туфлях с мягкой подошвой. В темноте уже проглядывает высокий дощатый забор. Осталось совсем немного. Что-то хрустнуло под ногой. Стоп... Вроде тихо. Лишь цикады звенят. Шаг. Еще один. Проклятье! Под ногой — словно револьвер выстрелил — ломается сучок. И сейчас же из-за забора слышится басовитый угрожающий лай.

Туфли с мягкими подошвами несут обратно, к шоссе, где стоит машина. Скорее, скорее... Ведь может раздаться выстрел. Скорее всего в воздух. А вдруг?..

Вот уже хлопает дверца. Послушно заурчал мотор, и машина, вырулив на шоссе, несется к маленькому городку, каких тысячи в американской глубинке. Мелькает указатель: «Корниш», и вскоре автомобиль подруливает к отелю.

Зоркий глаз портье успевает прочесть на высунувшемся из бумажника уголке визитки название печатного органа, на который не без гордости ссылаются журналисты по обе стороны Атлантики. Еще один искатель сенсации? Были здесь газетчики из «Монда», «Штерна», «Санди таймс»...

Какие сенсации можно найти в провинциальном городишке штата Нью-Гэмпшир? Сбили убежавшую свинью? Сельские адюльтеры? Убийство на почве скуки? Конечно же, не это интересует корреспондента из солидного издания. Сегодня ему не повезло. Быть может, завтра. Если повезет, то времени на размышление не будет. Надо еще раз прокрутить в памяти досье.

Джером Дэвид Сэлинджер, писатель, с 1953 года живущий в добровольной изоляции на ферме в Корнише. В 1955-м женился на Клер Дуглас. Двое детей уже взрослые: Маргарет и Мэтью. Автор нашумевшей повести «Ловец во ржи». После 1965 года не опубликовал ни одного рассказа. По крайней мере, под своей фамилией. Первое интервью дал в 1953-м. Второе — в 1974 году. Контактов с внешним миром почти не поддерживает, но, видимо, следит за событиями. Второе интервью — после неудавшейся попытки выпустить «пиратское» издание его рассказов... В 1977 году — скандал с журналом «Эсквайр», опубликовавшим рассказ без подписи. Критики были единодушны в своем мнении: рука Сэлинджера. Главный редактор, не отрицавший ничего своего ни раньше, ни позже, заявил, что рассказ написал он. Но кто поверит?*

Собственно, подозрение, что Сэлинджер публикуется под псевдонимами, возникло пятнадцатью месяцами раньше, когда исследователи творчества писателя, роясь в библиотечных архивах, обнаружили на страницах второстепенного издания «Феникс» два рассказа некоего Джеймса Йивера, опубликованные еще в 1970 и 1971 годах. Рассказы и по стилю и по содержанию напоминали произведения Сэлинджера. Никакой дополнительной информации в редакции «Феникса» получить не удалось. Джеймса Йивера, кстати, больше не публиковавшегося, разыскать не смогли.

* В русском переводе: «Над пропастью во ржи».

Любопытная деталь. В 1980 году имя Сэлинджера «всплыло» в связи с убийством Джона Леннона. Выстрелив в певца, его убийца открыл книгу «Ловец во ржи» и читал ее до приезда полиции.

В 1986 году — новое подтверждение того, что писатель следит за происходящим в мире. Сэлинджер возбуждает судебный процесс против английского писателя Иэна Хэмилтона. Потратив больше трех лет на сбор материалов и написание биографии Сэлинджера, исследователь, раскопав в хранилище Техасского университета письма Джерома, использовал их в биографии. Дело было решено в пользу Сэлинджера. Хэмилтон вынужден был вносить существенную поправку в издание. Убирать цитаты из писем.

Новое появление Сэлинджера — 1987 год, когда дотоле свободное издание, художественно-публицистический журнал «Нью-йоркер», становится собственностью крупного издательства «Рэндом Хаус». Старый редактор Уильям Шон уходит на пенсию. Издательство, обещавшее, что он сам выберет себе преемника, нарушает договоренность, назначив редактором Роберта Готлиба. Среди 154 подписей под письмом протеста есть подпись и Сэлинджера.

В 1988 году двое репортеров делают снимок 69-летнего писателя — и слышат от него: «Боже, когда вы оставите меня в покое?» Когда снимок был опубликован сразу в нескольких американских изданиях, в редакции начали поступать со всего света письма читателей — поклонников таланта Сэлинджера. В 1988-м же выходит изрядно переделанная биография, написанная Иэном Хэмилтоном. Снимок и книга всколыхнули весьма своеобразный интерес читателей: им не столько важна была сущность творчества Сэлинджера и даже не причины его добровольного отшельничества, — их словно бы раздражало нежелание писателя добиться во что бы то ни стало паблисити, к чему стремится большинство его собратьев по перу, и что столь шумно поддерживается газетами и журналами, придерживающимися в этом вопросе «правила фельетона», исчерпывающую характеристику которому дал Герман Гессе в романе «Игра в бисер»:

«Однозначной дефиниции того продукта, по которому мы именуем всю эпоху, то есть «фельетона», мы, откровенно говоря, дать не в состоянии. Создается впечатление, что «фельетоны», как особо популярный вид публикаций в ежедневных газетах, изготовлялись миллионами и являли собой основную духовную пищу жаждущей образования публики... В некоторые периоды фельетонисты увлекались всевозможными интервью с известными людьми на злободневные темы... Знаменитого химика или пианиста спрашивали, например, каково его мнение о тех или иных политических событиях; популярным актерам, балеринам, спортсменам, летчикам, а то и поэтам задавали вопрос о преимуществах и недостатках холостого образа жизни, о причинах финансовых кризисов и т. п. Единственно важным при этом полагалось сочетание громкого имени с актуальной темой...»

Казалось бы, ведя разговор об одном писателе, не стоит приводить столь обширную цитату из другого. Но именно такой способ дает возможность подивиться некоторым причудам нынешнего мира. Начать с того, что первой публикацией Сэлинджера — человека вот уже многие годы избегающего общения с журналистами — был фельетон. Кроме того, не по своей воле он становится героем еще целого ряда «фельетонных» публикаций. В том числе — книги Иэна Хэмилтона. Конечно, написанную им биографию Сэлинджера нельзя стопроцентно отнести к разряду «фельетонных». Однако, следуя традициям некоторых авторов исследовательских трудов, Хэмилтон, помимо действительно интересных сведений, добросовестно собирал весьма «недобросовестную» информацию на уровне богемных анекдотов и сплетен в соседнем баре.

Вспомнить о Германе Гессе позволяет и еще одно немаловажное обстоятельство. Подобно многим деятелям культуры нашего века, Гессе и Сэлинджер обратились к культурному опыту восточных цивилизаций. И, пожалуй, именно им, среди писателей, удалось наиболее точно и органично применить этот опыт, не забывая одновременно о европейских традициях. Что касается Сэлинджера, то существует интересная версия И. Галинской[2], предложившей рассматривать название известного сборника Сэлинджера «Девять рассказов» как символ, указывающий на связь с древнеиндийской поэтикой. Внутреннюю связь творчества Сэлинджера с чань-буддизмом подчеркивает и Е. Завадская[3].

И все же не только «фельетонность» нашей эпохи поддерживает стабильный интерес к Сэлинджеру.

Надежда, что он не ушел окончательно от литературной деятельности, подогревается сообщениями о флигеле-бункере в саду фермы в Корнише, где ежедневно по нескольку часов работает писатель. О двух полках в том же бункере, забитых неопубликованными рукописями. Прочитанное заставляет с нетерпением ждать нового. И это нетерпение не покидает многих вот уже более двадцати лет. Пожалуй, немного сегодня найдется в мире писателей, имеющих столь верную аудиторию. И можно простить ей проявление нетерпения...

Познакомившись с письмами других читателей и ощущая, что не всегда они спрашивают о том, что волнует лично меня, а значит, и ответа на свои вопросы я не смогу получить, даже если Сэлинджер вдруг ответит всем остальным, — решил написать ему сам. О том, чем были его книги для нас, сегодняшних тридцатилетних, и какую жизнь мы прожили рядом с его героями — и без них.

---

[2] И. Галинская. «Философские и эстетические основы поэтики Дж. Д. Сэлинджера», М.: Наука, 1975, и И. Галинская «Загадки известных книг», М.: Наука, 1986.

[3] Е. Завадская. «Культура Востока в современном западном мире». М.: Наука, 1977.

Город Корниш, штат Нью-Гэмпшир, США

ВСТРЕЧАЮ ЗНАКОМЫХ-ОДНОГОДКОВ,

которых не видел лет четырнадцать-пятнадцать. Полоса встреч какая-то. Спрашиваем друг друа: «Ну, как ты?» Когда отвечаю я, они с притворным утешением обнадеживают: мол, все еще впереди. Когда отвечают они... Ну, с ними-то все было ясно еще тогда, их собственное «впереди» подкатывало точно по расписанию — как поезд, в котором едет министр путей сообщения. Так что в принципе можно не встречаться еще лет пятнадцать, разве что для того, чтобы убедиться: «их» поезд (опять же по расписанию) прибыл на конечную станцию — и торжественная встреча была организована с большим размахом. Хотя знакомство кое с кем из них может очень даже пригодиться.

И тут, пока я нахожусь еще на «встречной полосе» и не воспользовался по слабости характера или по воле безвыходных обстоятельств этими «знакомствами», мне в руки случайно попадает журнал «Тайм» с вашей фотографией. Два репортера выследили-таки вас, подловили в супермаркете Корниша. И глядя на эту фотографию, я вспомнил еще одного своего ровесника, Холдена Колфилда, героя вашей повести «Ловец во ржи». И попытался было представить: кем бы он стал теперь? Ответа найти я не мог, как ни распалял свою фантазию. И тогда я сел писать это письмо. Знаете, почему? Точнее — ради чего? Чтобы вы знали: в свои 16 лет я подписался бы под 99,99 процентами из всего, сказанного Колфилдом.

ИЗ ДОСЬЕ. Холден Колфилд, 17 лет, «отчасти атеист». Герой повести Дж. Д. Сэлинджера «Ловец во ржи», находящийся на излечении в санатории после того, как чуть не отдал концы в канун Рождества прошлого года. А произошло это, когда его выгнали из школы и он, чтобы не попадаться раньше времени на глаза родителям, совершил небольшое путешествие по Нью-Йорку.

Вообще говоря, я терпеть не могу читать биографии и предисловия. Именно поэтому весьма долгое время считал, что вы, простите, умерли. Потом узнал: вы живете на собственной ферме и никого не желаете видеть. У вас есть собака — веселого нрава, но с печальными глазами, — и ружье, которым вы пару раз воспользовались, чтобы отпугнуть самых назойливых интервьюеров. Мне этого было вполне достаточно.

Но вопрос о Холдене не давал покоя. Пришлось все же порыться в книгах о вашем творчестве. И вот что обнаружилось. Во-первых, 01.01.1989 вам исполнилось 70 лет. А во-вторых, действие в «Ловце во ржи» происходит в 1949 году, то есть — когда вам было 30. А ведь и мне 03.03.1989 исполнится столько же. Не слишком ли много совпадений?

ИЗ ДОСЬЕ. После выхода повести «Ловец во ржи» Дж. Д. Сэлинджер обрел финансовую независимость и купил ферму, где поселился в 1953 году. По приезде в Корниш он дал первое и на долгое время единственное интервью — девочке по имени Ширли Блейни, для школьного отдела местной газеты. С 1953 по 1965 годы были опубликованы его рассказы и повести «Френни», «Выше стропила, плотники», «Зуи», «Симор — знакомство», «Хэпворт 16, 1924». После этого не публиковался.

Сказать по правде, листал я книги-исследования в надежде, что кто-нибудь из маститых литературоведов также задастся вопросом о Холдене и подкинет мне толковую и «весомую» цитату. Уж так нас учили: в особо важных местах — вставляй цитату. Прямо, конечно, никто этого не говорил. Но зато делали — все. И в речах, и в статьях, и в книгах.

По счастью, ничего такого я не нашел. Поэтому мне пришлось думать самому. И во многом — о себе самом. Ведь если 15 лет назад, когда я познакомился с Холденом, мы думали — и ощущали! — с ним почти одинаково, то и сейчас, не исключено, нашли бы много общего.

Как журналиста меня волновали два вопроса. Почему американский подросток конца 40-х годов мог стать мироощущенческим «сверстником» подростка советского — уже середины 70-х? И второе. Зачем вам понадобился именно подросток, описывающий мир, который окружает вас — тридцатилетнего? И при этом в устах его звучит то, что вы осуществили двумя годами позже — послали все к черту и уехали. Как человека меня волнует — на истинном ли я пути?

ИЗ ДОСЬЕ. Даосское понятие истинного пути (дао) древнекитайский философ Чжуан-цзы определял, как «путь естественности и простоты». Чжуан-цзы (любимый автор Симора, одного из героев нескольких повестей Сэлинджера о семействе Гласс), — мыслитель, труды которого стали каноническими для чань (дзен)-буддистов.

«Искупавшись» в море книг о вашем творчестве, я понял: можно рассматривать ваши книги с точки зрения европейской культуры, можно уйти в бесконечное странствие по Индии, Китаю и Японии. Но сказать нового, даже если опровергнуть все ранее сказанное, не удастся, — если не увидеть ваши книги глазами человека, растворившегося в своем поколении.

ИЗ ДОСЬЕ. Сол Сэлинджер, отец Джерома Дэвида, был преуспевающим нью-йоркским дельцом, специализировавшимся на импорте из Европы изделий гастрономии. С материальной точки зрения детство Джерома Дэвида и годы его учебы в «Вэлли фордж миллитэри экедеми» можно назвать вполне счастливыми. Единственное, что омрачало взаимоотношения с отцом — вопреки желанию родителя Джером не хотел быть специалистом по копченостям и сырам. «Он был славный малый, только не контактный, что ли», — вспоминал его одноклассник по «Вэлли фордж».

Что же мы увидели, когда, распрощавшись с достаточно благополучным детством, начали поиски ответов на извечные вопросы в мире взрослых? (Здесь я несколько раз воспользуюсь словом «мы», но это вовсе не означает, что я хочу присвоить себе право говорить от лица всего своего поколения. И все-таки «мы» — это довольно значительная часть нынешних тридцатилетних.)

Так вот, мы увидели, что оказались в положении тех самых заплутавших во ржи малышей, которых хотел ловить у края пропасти Холден Колфилд... Странным было это поле. Куда ни глянь — сомкнувшись тесной стеной шумят колосья. В одних зреет с виду аппетитное, доброе зерно — десять заповедей плюс «моральный кодекс строителя коммунизма». В других — все зерно погублено злокачественной спорыньей «житейской мудрости», вполне допускающей и мелкое жульничество и крупный обман. Вперемежку растут эти колосья. Вместе застят горизонт. И не отберешь, не отсеешь здоровые

зерна от больных. Все поле отравлено химикатом под названием: «говори так, а делай эдак».

Нашим родителям некогда было раздумывать о токсичных свойствах этого принципа. Вдоволь отведав, до голодной рези в желудках и помутнения рассудка, горьких плодов экономической разрухи, усугубленной пятью годами войны, они наконец-то начали переезжать из коммуналок в отдельные квартиры, наконец-то смогли позволить себе купить третью рубашку и второй костюм. Робко начинали постигать они азы потребительской психологии, «Мы бедствовали — пусть хоть дети наши поживут», — совершенно искренне рассуждали они. И «говоря так, а делая эдак», добивались хоть каких-то льгот из выделенных на потребление материальных и духовных ценностей. Так, упиваясь своим наивным, почти дикарским потребительством, они помогали засевать ядовитое поле, в котором нам предстояло плутать, тщетно силясь угадать, куда мы идем. Вперед? Назад? Влево? Вправо? К пропасти? Или куда?..

ИЗ ДОСЬЕ. После окончания школы (1936), Джером Дэвид отправляется по настоянию отца в Европу — для изучения способов приготовления колбас. Но Джерома больше интересует культурная жизнь предвоенного континента. Вернувшись в Нью-Йорк, Джером пробует себя на литературном поприще. Он посещает литературные курсы в «Урсинус колледж». Первая его публикация — фельетон в еженедельнике «Урсинус уикли». Первая новелла напечатана в 1940 году. Она называлась «Молодые люди». Довоенные новеллы и рассказы, появлявшиеся в журналах «Стори», «Кольерс», «Эсквайр», «Сатердей ивнинг пост», в дальнейшем Сэлинджэр переиздавать не пытался.

Америка Колфилда, хранящая в памяти годы Великой Депрессии и некоторые ограничения военного времени, сказочно разбогатела. И хотя параллели с нашей страной 70-х годов весьма условны, все же есть кое-что общее. Те же декларации — «в нашей школе выковывают смелых и благородных юношей», жесткая политическая линия — сенатор Маккарти и К°, та же «житейская мудрость», в соответствии с которой фактически каждый должен стать «пронырой, зарабатывающим кучу денег». И конечно, что-то дикарское в безудержном стремлении потреблять.

Наши старшие братья, так же как брат Холдена — Д. Б., променявший талант новеллиста на щедрые голливудские гонорары, превращались подчас из хороших художников в изготовителей парадно-сусальных портретов «вождей» и «коронованного» милостью аппаратчиков рабоче-крестьянского «сословия», а заодно — идиллическо-патриотических сценок на заводах и полях. Из талантливых архитекторов и инженеров — в перекладывателей бумаг. Отрабатывая свой хлеб, они писали о разгуле массовой культуры в далекой Америке, боясь обернуться, чтобы не видеть заполонивших сцены «крепышей» — исполнителей величальных псевдонародных песен, режиссеров, снимавших убогие любовно-производственные однодневки или вестерны про гражданскую войну. «Вот уж липа!» — восклицали мы вместе с Колфилдом. Да и вместе с нами тоже.

ИЗ ДОСЬЕ. В 1942 году Джерома Дэвида призывают в армию. В 1944 году при высадке союзников в Нормандии — он уже сержант. Заканчивает войну сотрудником американской разведки, разыскивающим затаившихся нацистов в Баварии. В Париже он встречается с Эрнестом Хемингуэем.

Я, кажется, догадываюсь, зачем вам, тридцатилетнему, понадобился Холден. «Жизнь — это ад», — читает герой рассказа «For Èsme — with Love and Squalor»[1] надпись на книге «Майн кампф», принадлежавшей бывшей нацистке. И он, человек знакомый с войной, вполне разделяет этот взгляд на мир. В нашей послевоенной литературе давно уже подмечено: вернувшиеся из ада войны в «рай» мирной жизни с принципом «говори так, а делай эдак», чувствуют себя обманутыми. Здесь нет врага, которого можно убить или по крайней мере ненавидеть. Здесь все душно и безысходно. Нечто подобное, очевидно, испытывали и вы. Но общество потребления не может позволить тридцатилетнему идти путем «естественности и простоты». Это доступно, да и то в определенных пределах, лишь подростку, который не знает, *что* почем в этом мире.

Но и этот подросток рискует быть обвиненным. Приговор может звучать так: истеричный буржуа, страдающий неудовлетворенностью из-за того, что общество не хочет признавать его идей гениальными и не спешит увенчать лаврами. (Кстати, готов поспорить на что угодно, именно благодаря этому клейму, приделанному каким-то излишне ретивым чиновником от литературоведения, мы все же сумели познакомиться с Холденом Колфилдом.

Нас тоже в свое время обвиняли в том, что мы находимся под буржуазным влиянием. А бывало, словно услышав колфилдовское «нет, я все-таки сумасшедший», воспринимали это как медицинский диагноз. Но мы-то понимали, что вся гениальность и сумасшествие Холдена лишь в том, что он не желает пользоваться системой «говори так, а делай эдак», и называет вещи своими именами.

Но как при этом не противопоставить себя миру, в котором ни Холден, ни я не хотим быть лишними?

Только сейчас осознал: вопрос о будущем Колфилда родился у меня давно. Еще во время первой нашей с ним встречи. Когда я дочитал повесть, мне даже показалось, что вы бросили его на произвол судьбы. И это несмотря на то, что именно он подсказал вам хоть какой-то выход — отъезд в Корниш. Это все же лучше, чем то... Помните, как в рассказе «Хорошо ловится рыбка-бананка»?

ИЗ ДОСЬЕ. Часть из тридцати новелл, опубликованных к 1965 году, вошла в книгу «Девять рассказов». Из шести послевоенных повестей — пять (кроме «Ловца во ржи») относятся к так называемому циклу о семействе Гласс. К этому же циклу относятся три новеллы из сборника «Девять рассказов». Открывает его «Хорошо ловится рыбка-бананка» (1948): старший из братьев и сестер Гласс — Симор — кончает жизнь самоубийством. Второй по старшинству брат — писатель Бадди (Обадия), появляется лишь в повестях, написанных в середине 50-х годов.

Именно Холден помог вам превратиться из Симора Гласса, который разрядил в себя трофейный пистолет на 31-м году жизни, в Бадди (кстати, год его рождения совпадает с вашим — 1919). В дальнейшем именно от лица Бадди Гласса вы расскажете нам о Симоре, который, попав из ада войны в «рай» мирной жизни, не смог приспособиться, но помог в этом своим братьям и сестрам. Он указал им путь спасения — чань(дзен)-буддизм.

ИЗ ДОСЬЕ. В чань-буддизме отсутствует учение о нирване. Вместо него — просветление (сатори). Достигнувший сатори постигает свою истинную природу, что равнозначно познанию мира. Уважение к природе, будь то объективный мир или внутренняя природа человека, — из этого исходит учение чань. Чаньский аскетизм — это не подавление личности, но отсутствие эгоизма в отношениях с миром, отказ от самоутверждения. Утверждается лишь простота, умеренность, мужественность. Не отрицая интеллекта, чань отгораживает себя от мудрствования, полагая, что истинная суть вещей может быть постигнута лишь интуитивно. Чань утверждает: для постижения и объяснения скрытой сути вещей непригодны понятия, слова, непригодно логическое мышление, построенное на постепенном движении от незнания к знанию. Отвергая возможность в понятиях, логических категориях выразить суть явлений, чань требует от своих адептов особого поэтическо-метафорического способа мышления, так как лишь образ-символ, образ-знак может служить для интуитивного постижения истины. Таковы некоторые характеристики чань (дзен) известного исследователя этой буддистской секты Д. Судзуки. В 1946 году Сэлинджер прослушал курс лекций Судзуки в Колумбийском университете. В 50-х годах, когда Джером Дэвид жил в нью-йоркском районе Гринич-Виллидж, его постоянно видели с чаньскими текстами в руках. Отметим, что это увлечение началось раньше, чем возник повальный интерес к дзен-буддизму на Западе, явившийся последствием стремления к эскапизму после бурных 60-х.

Прочитав повести из циклов о Глассах, я понял, что вы не покинули Колфилда. Вы просто тихонько подсказывали ему путь, рассказывая о трудностях, выпавших на долю талантливых, но задыхающихся в жестоком, равнодушном мире, боящихся его братьев и сестер Гласс. Каждый из них — в чем-то Холден Колфилд. И каждый из них — «герой» дзэнского стихотворения Хакуина Осе, которое вы избрали эпиграфом к «Девяти рассказам»:

«Все знают звук хлопка двух ладоней. А как звучит одна?»

ИЗ ДОСЬЕ. По мнению Симора, духовного наставника семьи, трагедией Глассов — детей-вундеркиндов, выросших в творческой атмосфере, является их непохожесть на окружающих. Казалось бы, парадокс для столь индивидуализированного общества, как американское. Непохожесть должна быть в цене? Да. Но лишь в том случае, если она коммерческая, с голливудским оттенком. Непохожесть же Глассов другого свойства. Она в тонкой духовной организации, развитом творческом интеллекте. А кому это нужно в обществе потребления? И надо сказать, что именно такое отторжение обществом истинных духовных ценностей стало причиной того, что в 1963—1968 годах от студенческих городков-кампусов в Беркли до Парижа, нарастая, прокатилась волна молодежных выступлений. То была попытка изменить общество, завоевать себе в нем место, не принимая скользкого принципа «говори так, а делай эдак». Попытка в целом неудачная, породившая волну эскапизма, ухода из общества (хиппи и т. д.), но, как показало время, привнесшая много корректив в подход к духовной жизни на Западе.

Почему же Симор избирает именно чань-буддизм?

Всю жизнь я стремился
Уйти в одиночество, в горы,
И вот уже стар —
А свое не исполнил желанье.
Давно бы я бросил
Служебные дрязги и ссоры,
Лишь бедность мешает мне
Жить в добровольном изгнаньи.

Это VIII век. Ду Фу — один из тех, кто искал выхода из «рисового поля», заросшего колосками конфуцианских догматов[1] и стеблями грязных интриг времен династии Тан. Ду Фу и Колфилд — двенадцать веков разницы, попытка найти выход — та же. Но не все могут уехать в Корниш или пустить себе пулю в сердце. В VIII веке в Китае расцветает чань-буддизм, позволивший множеству талантливых художников и поэтов существовать в жестком, регламентированном обществе.

Не знаю, благодарить или ругать то недреманное око, из-за которого тогда, в 70-х, мы не смогли познакомиться с Симором в русском переводе[2]. Быть может, и не пришлось бы кое-кому из нас впадать иногда в крайности. Наше восприятие, как и у Холдена, было очень чаньским. У нас не было своих беркли и парижей. Это ведь сейчас пишут, что, скованные идеологическими догмами, общественные науки в 70-х топтались на месте. Это ведь сейчас пишут о невосполнимом ущербе, нанесенном поколению тридцатилетних долгой культурной изоляцией. Тогда подобного не было. Случайно раздобытые книги на иностранных языках или плохие, самиздатовские переводы в отсутствие твердого мировоззрения и систематического образования лишь увеличивали духовную смуту. И чем, как не интуицией, можно было руководствоваться в поисках выхода из высокой, непроницаемой «ржи». И кого еще, кроме самого себя, можно было познавать, выражая свои смятенные чувства в стихах, картинах, песнях.

туда мчалось время
туда ехал поезд
туда шел прохожий
и плыл крокодил
туда дули ветры
туда текли реки
оттуда никто к вам не приходил?
не рассказывал как там?
не рассказывал что там?
ведь туда растут дети грибы и дома
и сосед мой на кухне
гасит свет на рассвете
говорят что-то пишет туда
а оттуда ни слуху ни духу
что они там повымерли все?

Это мое собственное «просветление» образца 70-х. В редакциях и литконсультациях над нами просто смеялись, впрочем, смеются и сейчас, хотя реже и не так злорадно. Сегодня мы сами можем посмеяться над кое-чем из того, что так помогало нам тогда.

ИЗ ДОСЬЕ. В 70-х кумиром московской публики была рок-группа «Машина времени» и ее лидер Андрей Макаревич. «Ну, и о чем же поется в песне «Ты или я»? — спрашивали нас с ехидцей. Когда мы пожимали плечами — слышали: «Ну вот, сами не знаете, а слушаете всякую чушь». А между тем немудреные слова: «Все очень просто. Сказки обман. Солнечный остров — скрылся в туман», — это нечто близкое к чаньскому образу-символу, образу-знаку. Так же, как многие строфы из песен ленинградца Бориса Гребенщикова и его группы «Аквариум».

Мне кажется, будь у нас хотя бы заочный собеседник, а еще лучше — наставник вроде Симора, многим удалось бы спастись из бездны наркотиков и алкоголя. И ведь ничего страшного Симор не предлагал. Он вовсе не хотел сделать всех и каждого непременным адептом чань-буддизма. Он лишь предлагал взять оттуда полезное, уже проверенное веками человеческой мудрости. Но у нас был только Холден Колфилд с его интуитивными чаньскими странствиями и конечным их результатом — нет, не одним лишь санаторием для нервнобольных, а еще и решением жить... Знаете, с вашим Колфилдом было не так одиноко.

В начале 80-х трагедия постепенно стала превращаться в фарс, а на поле, изъеденном спорыньей, почти не осталось кажущихся здоровыми колосков — и образовались прогалины. Кое-кто из нас, взяв самое ценное из «чаньского» прошлого — экологически чистую, неотравленную зловредным удобрением «говори так, а делай эдак» душу и четкое понимание, что дело обязательно должно быть «впереди тебя», а не только способствовать достижению того-то, того-то и того-то, — устремился в эти прогалины. Конечно, из статей молодых журналистов новой формации вычеркивались «крамольные» абзацы, а произведения рок-бардов вообще запрещались. Но все же этим двум категориям творческой молодежи повезло больше других. Да и поэты, точнее их меньшинство, перешли из категории непечатающихся в категорию малопечатающихся. Зато о тридцатилетних писателях ничего вообще, кажется, не слышно. Или почти совсем не слышно. А может, их и нет вовсе?

Пустое. Но если бы у них в свое время был наставник Симор, он бы, наверное, уберег их от одной опасности, которую таит в себе неправильно понятое «чань». Ведь что произошло с чань-буддизмом в Китае? Секта создала свои монастыри. Вместе с введением жесткого ритуала испарилось и то живое, что было в чань. В такие же монастыри превратились и некоторые группировки нынешних адептов подполья. На тех же, кто «вынырнул», сегодня они смотрят презрительно, а то и с подозрением: мол, продались, «коммерсанты»! И они думают так совершенно искренне, забывая, как все годы застоя возмущались, что и это нельзя, и то запрещено. Теперь же, когда можно и нужно, — их не отпускает подполье.

Впрочем, почему только их? Меня оно тоже не вполне отпустило. Экология души, природы, жизни — то с чем какая-то часть нашего поколения пришла в эту жизнь, — вещь хрупкая и очень чувствительная. Малейшая доза ядовитых лозунгов или токсичных полуправд, и мы опять уходим в «чань». Спасательный круг играет с нами злую шутку. Слишком долго пользуясь им, мы отвыкаем плавать... Пусть это мое письмо вам, моя исповедь, если хотите, — будет моим личным уроком плавания — для всех нас, тридцатилетних, вчерашних и сегодняшних.

...Видимо, не все, что я здесь написал, вам будет интересно. Извините. И спасибо, что когда-то вы нам здорово помогли. И еще, по старой привычке, — цитата. По-моему, это про вас. «Одобрение всего мира не усилило бы его воодушевления, порицание всего мира не усилило бы его уныния. Он прочно установил различие между внутренним и внешним и ясно определил грань между славой и позором, и это все. Да! Таких, как он, в мире найдется немного, но все же и он еще не все установил» (Чжуан-цзы).

Всего доброго,

Александр ЧЕРКУДИНОВ

---

[1] В переводе Р. Райт-Ковалевой рассказ напечатан под названием «Посвящается Эсме».

[1] Проповеди Конфуция, пользовавшиеся популярностью особенно среди служилого чиновничества, содержали целую систему морально-этических догм и норм поведения человека: почитание предков, и особенно родителей, человеколюбие, уважение к старшим и подчинение им, стремление к внутреннему совершенствованию и т. д. При династии Тан (618—907) Конфуцию был присвоен почетный титул «первый святой».

[2] Повести «Френни», «Зуи» и «Симор — знакомство» были опубликованы в русском переводе в 1983 году.

ВНОВЬ ПРИГЛАШАЕМ К ИГРЕ

Уважаемые читатели! По вашей просьбе мы и в этом году продолжим журнальный вариант популярной игры «Что? Где? Когда?». Для новичков повторяем ее условия.

В каждом номере журнала будут предлагаться шесть вопросов. Ваши ответы на них должны быть краткими и точными. Хорошо, если вы вместе с ними пришлете и свои вопросы. Они непременно должны иметь один единственный ответ. Вопросы присылайте обязательно с ответом и ссылкой на авторитетный источник информации (не забывайте указывать выходные данные книги).

За каждый правильный ответ начисляется одно очко; за каждый присланный вопрос, который будет признан интересным и правильно сформулированным, — очко.

Окончательные итоги конкурса подводятся в конце года, промежуточные — раз в три месяца. В каждом новом туре также могут участвовать читатели, не игравшие до этого. Ответы на все вопросы тура публикуются через два месяца после его завершения, то есть решения заданий первого тура — в майском номере журнала, второго — в августовском, третьего — в ноябрьском, четвертого тура — в февральском номере 1990 года. Решения, присланные после выхода номеров с ответами, не засчитываются. Дополнительные пять очков каждый из вас может заработать, организовав клуб «Что? Где? Когда?» по месту своей работы, учебы и т. д. Пишите нам о таких клубах, о том, какое место в их деятельности занимает пропаганда книги. Победителей турнира ждут призы журнала «В мире книг» — популярная литература.

Итак, первые вопросы 1-го тура.

ПУШКИН И ЕГО ОКРУЖЕНИЕ

Вопросы участникам конкурса

1. В. В. Козлов из Ленинграда:

Увидев эту скульптурную группу, Пушкин воскликнул: «Слава богу, наконец и скульптура в России явилась народная!» Поэт пожал руку молодому автору, назвал его собратом, вырвал листок из записной книжки и написал несколько строк посвящения.

Назовите скульптора и его творение.

2. Н. Л. Юдина из Москвы:

Под эпиграфом к первой главе «Евгения Онегина» стоит подпись: К. Вяземский, хотя стихотворение «Первый снег», из которого взята строка «И жить торопится и чувствовать спешит», принадлежит П. А. Вяземскому.

Как вы это объясните?

3. Д. Т. Гавриленко из деревни Вишни Могилевской области:

«Как хороши, как свежи были розы...» Эта строка вдохновила И. С. Тургенева на замечательное стихотворение в прозе. Кто ее автор, Тургенев не помнил, но имя поэта достоверно известно. С ним были дружны Жуковский, Пушкин, Лермонтов, на его стихи писали музыку Глинка, Варламов, Бородин, Балакирев.

Так кто же написал стихотворение «Розы»?

4. И. В. Блинова из поселка «Памяти Парижской коммуны» Горьковской области:

Фотографию матери А. С. Пушкина Надежды Осиповны чаще всего воспроизводят с миниатюры на слоновой кости, выполненной уроженцем Савойи, офицером русской армии, писателем, ученым, первым переводчиком на французский язык басен Крылова.

Назовите автора миниатюры.

5. Н. П. Ковтун из Амурска:

Известно, что книга «Записки в стихах» была одной из любимых в библиотеке Пушкина. Ее издали в Москве в 1834 году, лишь через четыре года после смерти автора.

Кто он?

6. С. И. Алтухова из Александровска Ворошиловградской области:

«Эта вещь, — писал А. Куприн, — драгоценна, как памятник старины и кропотливого искусства, но она несравненно более дорога нам, как почти живое свидетельство той обстановки, той среды, в которой попросту и так охотно жил Пушкин».

О какой «вещи», сделанной другом поэта, идет речь?

7. Вопрос авторам вопросов задает ученица 7-го класса из Львова Оксана Ещенко:

Эпиграмма Пушкина на критика М. Каченовского начинается словами: «Как! жив еще Курилка журналист?», а заканчивается так: «Как уморить Курилку моего? Дай мне совет». В чем заключалась старинная русская игра, в которой произносились слова «Жив Курилка», употребляемые в обиходе и поныне?

записки императрицы

Продолжение. Начало в №№ 8—12

ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ

Эта родня при жизни этого государя жила в Царском Селе, оттуда они никогда не выезжали, так что их никто не знал; когда император умер, все были изумлены, увидав, что у императрицы Екатерины есть пара братьев, да пара сестер, о существовании которых никто не ведал, и что все, сколько их ни было, люди, которым нельзя показаться в большом свете, так как все они были пьяницы и невежды, и по всем статьям чувствовалось их низкое происхождение. Да извинят мне эти незначительные отступления; может быть, я еще часто буду ими пользоваться, когда они повлекут за собой какой-нибудь любопытный анекдот или память подскажет мне эти анекдоты или вещи, которые мне покажутся таковыми. По дороге из Петергофа в Петербург мы встретили своих верховых лошадей; мы с великим князем сели на лошадей; Чоглоковы остались в карете: они не были в наилучшем расположении духа; но мы с нашими кавалерами, которые нас сопровождали, почувствовали себя легко и по пути все очень свободно говорили о происшествии с Кошелевой и о критическом положении Чоглоковых; Петр Салтыков и его брат Сергей были в том числе. Они говорили, как и другие; но все, до брата Сергея включительно, не знали, что этот самый Петр Салтыков, который, благодаря своей глупости, несмотря на все свое камергерство, служил потехой всему двору, пересказывал Чоглоковым все, что слышал. По приезде в город, он поспешил донести о разговорах во время дороги. Чоглокова на другой же день сделала всем выговор по поводу этого; тогда никто не стал сомневаться, что доносчиком был Петр Салтыков; брат его сделал ему нагоняй в свою очередь; был нагоняй также от отца и матери; он опять отправился все это передать Чоглоковым и, думается мне, что это отчасти в связи со стараниями, какие приложил их покровитель Бестужев, чтобы поправить их дела и поднять их упавшие у императрицы акции, расположило последнюю оставить их на месте. Все это дело мало-помалу предалось забвению, несмотря на произведенный сперва шум. Крузе первая почувствовала, что милость к Чоглоковым была больше, чем думали; то, что она в Петергофе ходила постоянно из верхнего дворца в Монплезир во время этой путаницы, какая там была, не ускользнуло от Чоглоковой; кроме того, они редко бывали в согласии, и было уже не одно столкновение между обеими этими женщинами. Крузе однажды вздумала показать мне, как кроить рубашки из голландского полотна. Чоглокова вошла и не одобрила этого, а на другой день от имени императрицы приказала ей оставить двор. Она удалилась к своему зятю, гофмаршалу Сиверсу;

я была огорчена этой отставкой, так как Крузе очень смягчилась в отношении ко мне. Великий князь жалел о ней много больше; игрушки, которые она ему доставляла, расположили его к ней. Несколько дней спустя Чоглокова привела ко мне от императрицы Владиславову, иначе сказать, Прасковью Никитичну. Она была тещей главного секретаря графа Бестужева и вполне предана ему, но это была женщина умная, с хорошими манерами и умевшая привлечь людей на свою сторону. Эта особа мне сразу понравилась; не помню от кого, но я получила совет быть очень осторожной с этой женщиной, так как она слыла настолько же неискренней, насколько была располагающей к себе и забавной. Я приняла это к сведению; наблюдала за ней и вела себя с ней осторожно. С первого дня она ничем не пренебрегла, чтобы расположить меня к себе; она хотела достигнуть того же у великого князя, но он был очень предубежден против нее. Главным ее недостатком было то, что она была русская, а вторым — то, что она заместила Крузе, голштинку по происхождению. Сей князь питал необычайную страсть к этому клочку земли, где он родился. Он был вечно им занят; он покинул эту родную землю лет двенадцати-тринадцати; когда он говорил о ней, воображение разыгрывалось, и так как никто из окружавших, начиная с меня, не были в этой, по его словам, столь восхитительной стране, то он нам ежедневно рассказывал о ней небылицы, при чем он желал, чтобы мы им верили; он сердился, если замечал недостаток веры. Сцепление пороков и добродетелей человеческих самая странная вещь на свете: кто мог бы предвидеть, что страсть к этому клочку земли сделает мало-помалу этого князя одним из самых больших лгунов, каких, быть может, носила земля. Я видела, как это незаметно развивалось у меня на глазах, но не без энергичной борьбы против этой постыдной и вредной наклонности изо всех моих сил, беру тому в свидетели Бога и тех, кто имели случай ознакомиться с этим, но ничто не могло отвлечь его от этого; напротив, чем становился он старше, тем больше противоречие озлобляло его, раздражало и делало тверже; под конец ослепление его шло так далеко, что он в глубине души был убежден, что ложь, которую он изобретал и распространял, была непреложной истиной; кроме того, это был лгун, обладавший лучшей на свете памятью. Рассказанное однажды он рассказывал потом с теми же подробностями, о которых уже рассказывал, при той лишь разнице, что, рассказывая вновь, он увеличивал и прибавлял к рассказу происшествия, которых до тех пор не воспроизвел. Одной из причин, послуживших всего более к тому, чтобы подорвать его доверие к Владиславовой, была ее набожность — основной пункт, которого он никогда не прощал; кроме того, в ее комнате была лампада перед образами, чего он не выносил; хотя это было в обычае по нашей вере, но Его Императорское Высочество к ней нисколько не был привязан; напротив, он воображал, что принадлежит к лютеранскому исповеданию, в котором был воспитан[46], но в глубине души он ничем не дорожил и не имел никакого понятия ни о догматах христианской религии, ни о нравственности; я никогда не знавала атеиста более совершенного на деле, чем этот человек, который между тем очень боялся и черта и Господа Бога, а чаще всего их обоих презирал, смотря по тому, представлялся ли к этому случай, или овладевало им минутное настроение.

В день святого Александра Невского мне вздумалось надеть белое платье, отделанное по всем швам широким золотым испанским кружевом. Не представляя себе, что из этого могло выйти, я появилась в этом платье при дворе. Когда я вернулась в свои покои, императрица прислала мне сказать через Чоглокову, чтоб я сняла свое платье, и что мне не подобало иметь в тот день платье, похожее на костюм ордена; я просила передать императрице свои извинения и сказала Чоглоковой, что никогда не подозревала, чтобы мое платье походило на костюм кавалеров ордена. Чоглокова согласилась со мной, но посоветовала надеть другое платье к послеобеденному времени, что я и сделала; действительно, кроме белого цвета, мое платье не имело никакого сходства с орденским, тоже белым, но с отделкой из серебряного галуна, с подкладкой, камзолом и отворотами огненного цвета. На мне была надета екатерининская лента; быть может, императрица нашла мое платье красивее своего и вот настоящая причина, из-за которой она велела мне снять его. Моя дорогая тетушка была очень подвержена такой мелочной зависти, не только в отношении ко мне, но и в отношении ко всем другим дамам; главным образом преследованию подвергались те, которые были моложе, чем она. Эту зависть она простирала так далеко, что случилось, что однажды при всем дворе она подозвала к себе Нарышкину, жену обер-егермейстера, которая, благодаря своей красоте, прекрасному сложению и величественному виду, какой у нее был, и исключительной изысканности, какую она вносила в свой наряд, стала предметом ненависти императрицы, и в присутствии всех срезала ножницами у нее на голове прелестное украшение из лент, которое она надела в тот день. В другой раз она лично сама обстригла половину завитых спереди волос у своих двух фрейлин, под тем предлогом, что не любила фасон прически, какой у них был; одна из них была графиня Ефимовская, вышедшая впоследствии замуж за графа Ивана Чернышева, а другая княжна Репнина, жена Нарышкина, — и обе девицы уверяли, что Ее Величество с волосами содрала и немного кожи. Осенью этого года, по возвращении в Зимний дворец, приехала из Франции некая г-жа Лонуа, бывшая раньше при императрице и ее сестре цесаревне Анне. Она сопровождала последнюю в Голштинию, откуда и возвратилась к себе на родину. Первые дни императрица, казалось, необыкновенно ценила эту особу: последняя действительно воображала, что она на пути к фавору. Ее Величество представляла ее всем, казалось, очень дорожила ею и была очень ею занята. По вечерам императрица собирала двор у себя в своих внутренних апартаментах и происходила большая игра. Однажды, войдя в эти покои Ее Величества, я подошла к графу Лестоку и обратилась к нему с несколькими словами. Он мне сказал: «Не подходите ко мне». Я приняла это за шутку с его стороны; намекая на то, как со мной обращались, он часто говорил мне: «Шарлотта! держитесь прямо!» Я хотела ему ответить этим изречением, но он сказал: «Я не шучу, отойдите от меня». Меня это несколько задело, и я ему сказала: «И вы тоже избегаете меня». Он возразил мне: «Я говорю вам, оставьте меня в покое». Я его покинула, несколько встревоженная его видом и речами. Два дня спустя, в воскресенье, причесывая меня, мой камердинер Евреинов сказал мне: «Вчера вечером граф Лесток был арестован и, говорят, посажен в крепость»[47]. Тогда одно только название этого места уже внушало ужас. Он просил и виду не показывать, что я знаю эту новость; я сдержала слово, но была очень огорчена, так как граф Лесток до той поры всегда оказывал мне дружбу и доверие. Я знала о неприязни к нему графа Бестужева: на последнего я смотрела, как на главного виновника всех дурных поступков по отношению ко мне, и мне было небезызвестно, что он подогревал то неприязненное отношение, какое императрица питала ко мне. Я пошла в церковь и по дороге встретила вице-канцлера графа Воронцова, тогда близкого приятеля Лестока и великого противника графа Бестужева; это отразилось на его кредите, — он стоял тогда очень низко. Я, протягивая руку для поцелуя, сказала ему очень тихо: «Что из этого выйдет?» Он пожал плечами и покачал головою, ничего не отвечая. Вечером при дворе я узнала, что судьями для допроса Лестока назначены были граф Бестужев, генерал Степан Апраксин и граф Александр Шувалов. Это дело длилось до нашего отъезда в Москву, назначенного на половину декабря, и ничто не вышло наружу. За несколько дней до нашего отъезда мы знали, что дом Лестока был подарен императрицей генералу Апраксину и отсюда заключили, что дело кончено; на ухо друг другу сообщали даже, что, несмотря на все розыски, ничего против него найдено не было; тем не менее его сослали, и все имущество его было конфисковано. Императрица не имела достаточно мужества, чтобы оправдать невинного; она боялась бы мести со стороны подобного лица, и вот почему с ее воцарения, виновный или невинный, никто не вышел из крепости, не будучи по крайней мере не сосланным. В начале этой зимы мой камердинер Тимофей Евреинов откопал своего прежнего друга, Андрея Чернышева; он был арестован с пажами великого князя, о чем я говорила в начале 1747 г., на так называемом Смольном дворе, в прежней увеселительной лачуге Ее Величества, в ее бытность великой княжной. Я говорю: в лачуге, так как это был скверный деревянный домишко около места, занимаемого теперь Девичьим монастырем. У меня была девушка финка, которая подметала мою комнату и стлала мне постель. Эта девушка была невестой родственника Евреинова, и, чтобы выйти за него, она перешла в нашу веру с именем Катерины Петровны, а я была ее крестной матерью; ее сестра состояла в той же должности при императрице. Жених ее помещался в доме графа Брюса, против двора. В день св. Андрея Чернышев напоил своих сторожей и товарищей, сел на извозчика и приехал к жениху Катерины Петровны: они втроем оборудовали эту поездку за несколько дней перед этим. Эта девушка туда отправилась и привезла мне от него длинное письмо, в котором он описывал свои приключения за два года. Эта девушка могла говорить со мной на свободе лишь, когда я шла на свой стульчак; я положила письмо между подвязкой и ногою и, когда пришлось разуваться, несколько заблаговременно, сунула его в свой рукав: и не смела оставлять его в кармане, опасаясь, чтобы там не рылись. Я прочла это письмо, когда все заснули; я ответила ему и послала немного денег и несколько других маленьких подарков, в которых он мог нуждаться. Он мне еще несколько раз писал, и я отвечала тем же путем. Все это происходило без ведома Тимофея Евреинова, который нас сильно бы выбранил, если бы узнал. Но этот случай внушил мне большое доверие к Катерине Петровне; однако мы старательно скрывали наш заговор. Эта девица была веселая и живая, и так как Владиславова брюзжала меньше, чем Крузе, то моя прислуга тоже несколько свободнее дышала. Эта девушка была от природы склонна ко всякого рода передразниванию; между прочим она великолепно передразнивала походку Чоглоковой во время беременности; для этого она привязывала к себе спереди под юбкой большую подушку и смешила нас, прохаживаясь по комнате. Все шло хорошо до конца этого года, когда мы уехали в Москву. Откладываю эту поездку для третьей части.

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ

Мы выехали из Петербурга около половины декабря при полной оттепели и по очень дурной дороге; 18-го декабря, в день рождения Ее Императорского Величества, мы были в Твери; мы там прослушали обедню и поехали дальше; императрица нас опередила, хотя выехала после нас. Эта государыня ездила очень скоро, и обыкновенно вся ее свита оставалась позади. По дороге я узнала от камергера князя Александра Трубецкого, который сидел в моих санях, что граф Лесток, находясь в крепости, хотел уморить себя голодом, что с этой целью он одиннадцать дней не ел и что тогда императрица велела ему принять пищу, под угрозой, что если он не послушается, она найдет средства, чтобы его к этому принудить. Мы с князем Трубецким нашли это обращение очень жестоким, и в особенности по отношению к человеку, которому императрица была многим обязана. Князь Трубецкой знал об этом от своего брата, князя Никиты Юрьевича[48], который был генерал-прокурором и имел полную возможность знать истину. Как только мы приехали в Москву, княжна Гагарина под секретом сообщила мне, что ее зять, мой камергер князь Александр Голицын, получил приказание отправиться в качестве посланника при Нижне-Саксонском округе в Гамбург; это была своего рода ссылка; граф Бестужев не любил его и описал его императрице как сообщника графа Лестока.

В Москве мы с великим князем заняли покои, в которых я жила с моей матерью в 1744 году. Ничего не могло быть неудобнее того, как мы были помещены, великий князь и я. Нашим помещением служил флигель, состоявший из двойного ряда комнат; направо от входа находились мои комнаты, налево комнаты великого князя, один из нас не мог двинуться без того, чтобы не обеспокоить другого; этот князь в то время имел два единственных занятия: одно — пилить на скрипке, другое — дрессировать для охоты пуделей из той породы, которую называют charlos. Таким образом постоянно с семи часов утра до самой поздней ночи мне раздирали уши либо нестройные звуки, которые он с чрезвычайной силой извлекал из своей скрипки, либо ужасный крик и вой пяти или шести собак, которых он жестоко колотил остальную часть дня. Признаюсь, я была измучена и ужасно страдала от той или другой музыки, которая с утра до поздней ночи раздирала мне барабанную перепонку; после этих собак не было созданин, более несчастного, чем я. Несмотря на это, я читала; я тогда принялась за «Историю Германии» отца Барра, каноника св. Женевьевы, девять томов в четверть; я окончила все девять в течение зимы и части весны.

Едва мы приехали в Москву, как наступили такие сильные морозы, каких я с тех пор почти никогда не испытывала, и до того, что в одно воскресенье императрица освободила нас из-за холода от обязанности идти к обедне. Мы были принуждены, чтоб добраться до большой церкви, объехать в карете кругом дворца; императрица, которая меняла постоянно внутреннее расположение всего дворца (кстати сказать, она не выходила никогда из своих покоев на прогулку или в спектакль, без того, чтобы в них не произвести какой-нибудь перемены, хотя бы только перенести ее кровать с одного места комнаты на другое или из одной комнаты в другую, ибо она редко спала два дня на том же месте; или же снимала перегородку, либо ставили новую; двери точно так же постоянно меняли места), сочла нужным на этот раз превратить малую комнатную цер-

ковь в жилые комнаты и поместить несколько лиц из своей свиты в передних, которые раньше служили сообщением между ее и нашими покоями. Я была принуждена сидеть дома в первые дня нашего пребывания в Москве, потому что мой лоб покрылся прыщами и кожа на лице была чрезвычайно воспалена, так что я должна была позвать Бургава, который с помощью талькового масла согнал мне эти прыщи с лица. Пока в начале 1749 года я сидела в комнате, частью от моего камердинера Евреинова, а частью от г-жи Владиславовой, которые однако друг от друга таились, я узнала, что императрица опасно заболела от колик вследствие запора. Чоглоковы ни слова нам об этом не говорили, а мы не смели осведомляться о здоровье императрицы. Это было бы преступлением, и нас стали бы расспрашивать, от кого мы знаем, что она больна, что могла бы вызвать несчастие или по крайней мере увольнение всякого, кто бы нам об этом сообщил. Я рассказала великому князю в точности то, что мне о том передали мои люди. Мы оба решили молчать до тех пор, пока Чоглоковы сами не заговорят с нами об этом, но они ни слова не сказали. Когда императрице однажды ночью было очень плохо, мы узнали, что граф Бестужев и генерал Апраксин спали или провели ночь в комнатах Чоглоковых. Между тем мы с великим князем были довольно встревожены этой болезнью императрицы, которую от нас таким образом скрывали; Чоглоковы едва обращали на нас внимание. Мы не смели без позволения выходить из наших комнат; мы узнали, что у графа Бестужева и генерала Апраксина с несколькими другими лицами, на преданность которых мы не могли особенно рассчитывать, были постоянные маленькие совещания, совершенно тайные и при закрытых дверях; мы не знали, чему это приписать. Великий князь в особенности, при своей трусости, не знал, какому святому молиться; я ему внушала мужество, просила его держать себя весело и спокойно и говорила ему, что я постараюсь быть возможно лучше осведомленной через моих людей о состоянии здоровья императрицы, а если б она умерла от этой болезни, то я ему открою двери, чтоб он мог выйти из своих покоев, где его держали, так сказать, взаперти, и если бы другого свободного выхода не оказалось, то окна наших покоев в нижнем этаже были достаточно низко расположены, чтобы можно было в случае нужды выпрыгнуть на улицу. Кроме того, я ему сказала, что полк графа Захара Чернышева, на которого, мне казалось, я могла рассчитывать, находился в городе и что несколько капралов лейб-компании, которых я ему назвала, не покинули бы его.[49] Все это его успокоило и побудило довольствоваться у себя в уголке собаками и скрипкой. После нескольких дней крайне опасного положения, в течение которых много шептались во всех комнатах дворца, императрица почувствовала себя лучше, и каждый вернулся в свою скорлупу. Я имела довольно точные сведения два-три раза в день от своего камердинера и Владиславовой; у последней было много различных связей с людьми императрицы, в комнате которой у нее были родственницы, знакомые и друзья, кроме того, священники и придворные певчие были с нею в самых близких отношениях и во время трех церковных служб, которые эта женщина регулярно посещала почти каждый день, не оставляли ее в неведении относительно всего, о чем они узнавали; все это она мне и передавала с величайшей точностью. В конце масленицы во время своего выздоровления императрица приказала отпраздновать свадьбы двух ее фрейлин, уже давно помолвленных: одну — девицы Скворцовой с Нероновым, гвардейским офицером, а другую — княжны Репниной с Нарышкиным. Их свадьбы бы произошли в один и тот же день; во время свадебного банкета я сидела по правую руку одной из невест, а направо от меня случайно оказалась Шувалова, любимица императрицы. Слово за слово, так как эта женщина любила поговорить, была очень весела и всегда имела наготове шутку, я осмелилась спросить ее о состоянии здоровья Ее Величества. Она мне ответила, что ей было лучше, и что в этот же день Ее Величество в первый раз сидела на своей кровати; я ей рассказала о том сильном беспокойстве, которое причинила мне эта болезнь; это ей понравилось и так как она очень болтлива, то передала этот разговор императрице. На другой день, за тем же столом и на том же месте, она мне сказала, что сообщила наш вчерашний разговор Ее Величеству, что императрице это не было неприятно, что ее выздоровление шло все лучше и лучше, и что у нее оставалась большая слабость. На другой день утром Чоглокова совсем вне себя пришла в мою комнату, но так как я была с великим князем в комнате Владиславовой, которая примыкала к моей, она влетела туда и, обращаясь ко мне, сказала, что Ее Величество была возмущена тем, что в течение всей ее болезни, которая продолжалась около двух недель и была очень серьезна, я ни разу не послала справиться об ее здоровье, что я говорила с Шуваловой об ее болезни только тогда, когда ей уже было лучше, и что было непростительным поступком со стороны великого князя и моей, что мы ни разу не осведомились о состоянии здоровья императрицы. Я ответила Чоглоковой, что ни она, ни ее муж вовсе не сказали мне ни слова о болезни Ее Величества. Она мне возразила: «Но вы об этом говорили с Шуваловой». Я ей сказала, что Шувалова сама подала к этому повод, и это была правда. Чоглокова вышла, поворчав еще и насказав еще много неприятности, одну хуже другой. Когда она ушла, великий князь в свою очередь стал бранить меня за то, что я говорила с Шуваловой о болезни императрицы; если бы не это, можно было бы думать, что мы ничего о ней не знаем. Он также вышел и весь день дулся на меня, к чему он по природе был очень склонен и что он всегда делал из-за малейшего пустяка. Оставшись одна с Владиславовой, которая была умнее всей этой компании, я заплакала и сказала ей: «Вот и разберите, как можно угодить людям с такими наклонностями! Во-первых, если бы я ни с того, ни с сего поручила Чоглокову или его жене справиться о состоянии здоровья императрицы, то первый вопрос, который они бы мне задали, был бы, конечно, о том, что императрица больна, и кто мне это сказал. Вас назвать, вас или кого другого — это было бы средством сделать несчастие всех, кого бы я ни назвала; ни Чоглоков, ни его жена до сих пор не проронили мне ни слова об этой болезни, и сегодня Чоглокова говорит мне об этом в первый раз. Во-вторых, как может прийти в голову, что императрице не нравится, что я высказала Шуваловой свои чувства по поводу состояния, в каком она находилась, и что к тому именно и придираются, чтобы меня бранить?» Владиславова была слишком разумна, чтоб не найти этого рассуждения основательным; она мне сказала: «Нужно, чтоб императрица знала, что Чоглокова ни разу не говорила вам об ее здоровье; в их обязанность входило уведомить вас; тогда императрица увидит затруднительность выбора, который вам предстоял — быть выруганной либо за то, что вы спросите, либо за то, что вы промолчите». Она дала мне понять, что сама доведет об этом до сведения Ее Величества; но она не подумала заикнуться мне об этом, ибо она была очень рада скрыть от меня, что находилась в прямых сношениях с императрицей: донося о малейших моих действиях, она тем самым приобретала себе

цену в глазах этой государыни, а вместе с тем, она щадила, насколько могла искусно, мое к ней доверие, утратить которое она боялась и сохранить которое прилагала особенное старание. Единственной уздой, сдерживавшей всех этих доносчиков, которые, скажу между прочим, были таковыми из лести, была трудность для них часто видеть ее Величество. Но как бы тонка ни была эта женщина, мне был известен каждый из ее поступков, и мой камердинер Евреинов, который боялся и недолюбливал ее, старательно уведомлял меня обо всем, что он мог откопать по ее поводу. На этот раз Владиславова сдержала слово; она очень не любила Чоглоковых, которые мешали ей властвовать; императрица узнала через нее, что Чоглоковы скрыли от нас ее болезнь и что после того, как Ее Величество велела нам сказать, что она не одобряла то, что мы вовсе не справлялись о ней, они не подумали сознаться Ее Величеству в действительном положении дела. Когда государыня почувствовала себя лучше и появилась в обществе, на одном куртаге она подошла ко мне и сказала мне: «Что это у вас такой грустный вид?» Я ей ответила: «Боюсь, что оскорбила Ваше Величество во время вашей болезни; я не посмела спрашивать о вашем здоровье, так как ни господин, ни госпожа Чоглоковы ни разу мне об этом не говорили». Она мне возразила: «Я знаю это, и знаю, что вы очень беспокоились; не нужно больше об этом говорить», — и удалилась. Приблизительно в это время я узнала, что Иван Иванович Шувалов, который до отъезда в Москву был произведен в камерпажи, начинал все более и более входить в милость императрицы. Это открытие доставило мне удовольствие. Пока все это происходило, в одно прекрасное утро Владиславова вошла в мою комнату и сказала мне, что она была у Чоглоковой и что эта последняя передала ей от имени императрицы, чтобы я через три дня выдала замуж Катерину Петровну, ту девушку — финку, которую я так любила; привязанность к ней я скрывала с таким же старанием, как и с трудом. Это была проделка Владиславовой, которая, хотя и очень ласковая, не любила тех, кого она раз не взлюбит. Эта любезность была мне очень чувствительна; однако я скрыла свою досаду и выдала замуж эту девушку в назначенный день. Но, видя, что от меня удаляют всех тех, к которым подозревают малейшую привязанность с моей стороны, я сказала Владиславовой, что так как дело так обстоит, то я больше не хочу, чтобы мои горничные находились в той же комнате, где я буду сидеть, — до тех пор они все имели эту привычку, — но что они должны оставаться в моей уборной и не входить без моего зова, ибо я хочу избегнуть риска делать их несчастными, и что благодаря этому новому распорядку я лучше всего избавлюсь от возможности привязаться к которой-нибудь из них. Владиславова не посмела противоречить мне на столь определенное с моей стороны приказание, потому что она поставила себе задачей щадить единственно мой ум и мое доверие к ней и тщательно избегала всего того, что могло бы возбудить во мне малейшую горечь по отношению к ней. Поэтому она объявила им мою волю, и я оставалась с этой минуты одна со своей книгой у себя в спальной, честь, которой я издавна домогалась; это был способ избавиться от всех шпионов, которые следили даже за малейшим из моих взглядов. Владиславова надеялась, может быть, занять их место при мне; тем временем она очень бы желала сунуть свой нос в мои книги, но она совсем не знала по-французски так же, как никто из окружавших меня. Часто, особенно вечером, она расспрашивала меня о моем чтении, но у меня был слишком хороший нюх, чтобы это могло ей удастся; мой ответ был всегда очень лаконичен, я просто говорила ей, что, прочитав книгу, я тотчас же забывала ее содержание. После нашего отъезда из Петербурга Андрей Чернышев и его товарищи были отправлены из того места, где они так долго содержались; первый поехал к своему посту в Оренбург; он написал мне с дороги; Катерина Петровна переслала мне его письмо через своего мужа; я ему ответила и послала ему несколько сот рублей.

Генерал Апраксин купил новый дом в Москве, и так как он и граф Бестужев тогда еще творили у императрицы все, что хотели, и дело графа Лестока снова усилило их кредит, то, чтобы дать публике блестящее доказательство этого, первый пригласил эту государыню, великого князя и меня отобедать в его новом доме. Во всю жизнь я не видела более великолепного празднества; все там было редкостно и превосходно; после обеда он полными пригоршнями бросал из окон деньги народу, собравшемуся перед его домом. Там-то я в первый раз увидела его старшую дочь, бывшую потом замужем за князем Куракиным; ей было лет четырнадцать-пятнадцать и она была чрезвычайно хорошенькая; младшая, теперь в замужестве за камергером Талызиным, была шестилетним ребенком, худа, как скелет, и чахоточная; ни за что нельзя было бы тогда сказать, что этот ребенок станет тем колоссом, каким мы видим ее теперь и по росту и по чудовищной толщине; она тогда харкала кровью и имела постоянные кровотечения из носу. К вечеру генерал Апраксин вызвал в свой дом князя Михаила Долгорукова[50], слепого старика около восьмидесяти лет от роду; он был братом покойного фельдмаршала Долгорукова и сенатором во времена Петра Великого. Хотя он не умел ни читать, ни писать, он однако слыл за человека с большим умом и притом более основательным, чем у его брата. Императрица очень милостиво с ним обошлась, после чего он удалился; его провожали оба его сына: покоритель Крыма, второй из его сыновей, был в то время только полковником[51]. Я узнала на следующий день, что в этот самый день третья дочь Апраксина умерла в течение ночи от оспы. Я была этим жестоко испугана; он и весь двор знали, что у меня не было оспы; странно было подвергать меня опасности, приглашать и привозить в этот дом; кроме того, из комнаты больной постоянно входили и выходили в ту, где я находилась; весьма правдоподобно, что я была приглашена и привезена в этот дом с целью заразить меня этой болезнью; я не поручусь за противное. Самое меньшее, что можно сказать, это то, что внимание и осторожность по отношению ко мне не простирались до особенной крайности, ибо меня подвергли столь сильной опасности с таким легким сердцем и совсем без нужды, и ни у кого не нашлось достаточно сердечной доброты, ни доброй воли, ни человечности, чтобы меня от этого предохранить. Но Бог судил иначе: ребенок умер, а я избегла столь великой опасности самым счастливым образом. Признаюсь, я часто содрогалась при мысли об этом[52]. На последней неделе Великого поста мы говели; Чоглоков говел, как и все другие; в среду мы исповедывались, а в четверг причащались. Чоглоков сказался больным в этот день и вплоть до конца недели. Мы скоро узнали причину этого нездоровья; когда он был на исповеди, его духовник, который был и духовником императрицы, запретил ему причащаться в продолжении года, по случаю истории его с Кошелевой; шептали друг другу на ухо, что духовник действовал по приказанию императрицы, которая со времени этого известного приключения питала сильное раздражение против Чоглокова. Этот последний сделался от этого мягче; однако и муж и жена сохранили весь кредит, какой был необходим, чтобы вре-

дить, но его совсем не было, чтобы оказать услугу, да и желание у них на то едва ли было.

Благовещенье в этом году праздновалось в субботу на Страстной. Императрица имела обыкновение, которое я сохранила, вставать ночью с пятницы на великую субботу к заутрене и погребению Спасителя. Великий князь обыкновенно притворялся на этот день нездоровым, поэтому я отправилась одна ночью в церковь. Возвратясь домой, я решила, что не стоило труда раздеваться и ложиться, и что так как это был большой праздник, то обедню будут служить рано; но я ошиблась в моих ожиданиях, так как я осталась, вся разряженная, на своем стуле с четырех часов утра до трех пополудни в субботу, не смея спросить чашку чая и не поев ничего с четверга вечером; Владиславова была слишком непреклонна в вопросах благочестия, в особенности в вопросах о посте, чтобы я осмелилась вызвать ее негодование просьбой о корке хлеба; я дремала на своем стуле, страдала и молчала. В три часа пришли звать меня к обедне; я туда потащилась и узнала, что это долгое промедление произошло оттого, что императрица между заутреней и обедней была в бане; Владиславова была очень возмущена тем, что Ее Величество там была в этот день: как можно было туда итти в такой большой праздник, как Благовещенье! Я передаю этот факт, чтобы дать понять, как легко было тогда привести в негодование большую часть народа, который, конечно, в то время думал еще так же, как Владиславова; эта последняя, впрочем, обладала большим умом, но была чрезвычайно набожна и строга на всякие мелочи. Вследствие этого я стала особенно стараться избегать во всем и повсюду, вплоть до малейшей безделицы, того, что могло бы оскорбить это расположение народного духа, господствовавшее тогда еще над толпой; я приложила тем больше стараний сообразоваться с этим, что я знала правило, которое гласит, что очень часто более вредит в общей сложности пренебрежение такого рода безделицами, чем предметами существенными, потому что умов, склонных к мелочам, гораздо больше, чем людей разумных, которые их презирают. На следующий день, на Пасху, после того, как мы прослушали заутреню в малой комнатной церкви, нас отправили слушать обедню в большую церковь, примыкавшую к Летнему дворцу Головинского дома; мы думали, что мы там умрем от холоду; мы вернулись домой промерзшими. Я помню, что, вернувшись к себе в комнату, я была синяя, как слива.

Приблизительно в это время великий князь, которому Пехлин, Бремзе и Бестужев прожужжали уши о громадных размерах как долгов, лежавших на Голштинии, так и ежегодной недостачи в казне этого князя вследствие расходов, решили убавить на половину оклады жалованья всех тех, кто находился в списке служащих этой страны. Это вызвало страшные вопли с их стороны; это не было также по вкусу тем троим господам, которых я только что назвала; Пехлин и Бремзе теряли также этим путем половину своего жалованья; но хуже всего было то, что это доставляло великому князю некоторую сумму денег, чтобы удовлетворить требованиям кредиторов, а этого-то именно и не желали; граф Бестужев хотел устранить всякий повод к ссоре между Голштинским домом, переселенным в Россию, и тем же домом, царствовавшим в Дании; он желал, чтобы великий князь уступил Голштинию королю Датскому. Но эта бережливость великого князя продолжалась недолго; к нему подъехали с его слабой стороны, он велел завербовать сотню драгун, и долги остались попрежнему.

В начале весны императрица повезла нас с собой в Перово, на дачу графа Разумовского, в двух или трех верстах от Головинского сада. Нам было там довольно хорошо, мы очень часто обедали с императрицей и два раза в день приходили в большое зало этого дома: весь двор был там собран, там играли и гуляли; императрица оттуда отправилась с нами ужинать к графу Шереметеву, в его имение и на мельницу Строгоновых. Однажды, когда императрица и великий князь с хозяином дома были на охоте, я почувствовала сильнейшую головную боль, такую, какую я едва ли когда-либо с тех пор испытывала. Чоглокова предложила мне прогуляться; я согласилась, но боль от этого только усилилась; я вернулась в свою комнату и легла; едва я очутилась в постели, как у меня началась сильнейшая рвота. Эта головная боль и рвота продолжались всю ночь; позвали Бургава; он мне дал всякого рода лекарства; наконец я заснула; на другой день он мне пустил кровь; я была очень слаба остальную часть дня, но эта болезнь не имела никаких последствий. День или два спустя у императрицы был снова приступ колик от запора, от которых ей было так плохо зимою того года; она пожелала, чтобы ее перевезли в ее дворец. Она села в карету, ехали шагом, и ее карета останавливалась каждую минуту; мы следовали за ней в нашей; вся свита была очень встревожена этой медленной ездой: на дорогу от Перова до Головинского дворца ушло около двух часов. На сей раз этот рецидив не был для нас тайной; мы сами попросили Чоглоковых водить нас каждый день в переднюю императрицы, чтобы узнавать о состоянии ее здоровья; они не посмели нам отказать. Нам не было позволено входить во внутренние покои Ее Величества; мы оставались в прихожей, и когда кто-нибудь из тех, кого она допускала в свои апартаменты, выходил, мы спрашивали об ее здоровье, нам передавали известия, затем мы удалялись. Когда Ее Величество почувствовала себя лучше, она однажды позвала нас в Покровское обедать с нею; было очень много народа и, между прочим, вдова обер-камергера князя Долгорукова, фаворита Петра II. Она еще была тогда очень хороша собой, и только несколько лет спустя она удалилась в Киев, где постриглась в монахини. Великий князь напился за этим обедом, и после обеда стал этой княгине Долгоруковой рассказывать небылицы; он не называл ее иначе, как прекрасная вдова, и сильно за ней ухаживал. Эта привязанность продолжалась во все пребывание в этом году в Москве; но она не шла дальше нежных взглядов и разговоров; она со своей стороны обращалась с ним как с ребенком, и на самом деле у нее были дети почти одних лет с великим князем. После обеда в Покровском мы отправились на прогулку в Преображенский лес. Великий князь ехал верхом, но был так пьян, что качался на лошади из стороны в сторону; в лесу была страшная толпа народа; мне в моей карете было стыдно за него, но дело было не поправимо.

В начале мая Шувалова пригласила нас ужинать с Ее Величеством. Этот вечер был очень веселый; танцевали до поздней ночи и, казалось, все были довольны; маленькая английская собачонка, принадлежавшая хозяйке дома, в продолжение вечера очень ко мне привязалась, а я к ней; на другой день утром Шувалова прислала мне свою собачку; это внимание с ее стороны доставило мне тем более удовольствия, что я не привыкла видеть его в ком бы то ни было по отношению ко мне. Меня много бранили, обходились со мною грубо, большею частью без всякой на то причины, а что касается внимания и любезности, меня не приучили ожидать их от кого бы то ни было. Немного времени спустя императрица отправилась пешком на богомолье в Троицкий монастырь, и так как она не делала более пяти верст в день и часто по нескольку дней проходило без того, чтобы она отправилась в путь, это путешествие продолжалось более месяца. На это время отправили нас на жительство по дороге к Троицкому монастырю, в лачугу, принадлежавшую Чоглокову и называвшуюся Раево, место, лишенное всякой приятности, окруженное густым лесом, в болотистой низине, красу которой составлял пруд, полный тины; однако Чоглокову это место казалось земным раем, и только потому, что это скверное место ему принадлежало; ибо он был из числа тех людей, которые находят чудесным все то, что им принадлежит; хоть у него был этот недостаток, тем не менее он был очень завистлив к чужому добру и чужая тучность его сушила. Пока мы таким образом были заключены в этом поганом Раеве, нашей единственной забавой была охота; мы ездили на охоту ежедневно; я еще ездила тогда на английском дамском седле и скакала во весь опор, к удивлению самых смелых охотников. В этом меня не стесняли, я могла скакать, сколько мне нравилось, и сломать себе шею, если я этого хотела; это всецело от меня зависело. Единственным лицом из большого двора, приезжавшим почти каждый день в Раево, был граф Кирилл Разумовский[53], брат фаворита; он нас забавлял и сам также забавлялся разговором со мной; он впоследствии и очень долго спустя после того сознался мне, что я в то время занимала его сердце гораздо более, чем я это подозревала; он также часто ездил с нами на охоту. Чоглоков с женою и не думали находить его посещения неуместными; они были настолько простодушны, что верили, что граф Разумовский находил удовольствие бывать у них, в их прелестном обществе, и они бесконечно были ему благодарны за это; впрочем, благодаря его веселому нраву, он считался неопасным. Когда императрица была близко от Троицкого монастыря, она послала за нами; я загорела, как черт, от этих постоянных поездок на охоту, весь день я проводила на воздухе. Как только императрица меня увидела, она изумилась моей красноте и прислала мне в тот же вечер умывание, чтобы освежить мне кожу; я его стала употреблять, и в самом деле загар уменьшился. Из монастыря нас снова послали в Раево, где мы продолжали наши охоты до Петрова дня, когда нас заставили вернуться в Троицкий монастырь; наша свита была очень небольшая. Императрица отправилась в Воскресенский монастырь; после обеда в Петров день, именины великого князя, он пожелал развлечься, устроил бал, но так как не было ни танцоров, ни музыкантов, он сам сел играть на скрипке, а мои горничные и его лакеи танцевали. Этот бал извел меня своей скукой, я взяла книгу и принялась читать в углу; он был навеселе и не обратил внимания на то, что я делала, иначе я бы не избегла брани с его стороны. Из этого монастыря мы снова вернулись в Раево, и охота там возобновилась. На одной из этих охот один офицер Бутырского полка, по имени Асаф Батурин[54], которого никто не знал, познакомился с немецкими егерями, бывшими в нашей свите; он им рассказал о своей привязанности к великому князю и попросил их доставить ему случай лично поговорить об этом с великим князем. Эти егеря были очень фамильярны с Его Императорским Высочеством и, находясь постоянно на охоте около него, рассказали ему это; действительно, в один прекрасный день этот офицер вышел из леса и представился этому князю; он ему сказал, что не признавал другого повелителя, кроме него, и что Его Императорское Высочество мог рассчитывать на него и на весь полк, в котором он был поручиком. Сей князь был немного испуган этим приступом, которого он не ожидал, и я думаю, он ему не сказал ничего особенного; он точно так же остерегся похвастаться мне или кому бы то ни было ни этим приключением, ни разговорами и толками, которые имели с ним трое из его егерей. Те, которые сопровождали этого князя, не слыхали или не хотели подать вида, что слышали, что этот офицер говорил; только потихоньку шептали, что один пьяный или сумасшедший пристал к князю, но что ни он, ни кто другой ничего не поняли из его речей. С другой стороны молчание великого князя и потворство встречам с ним на охоте Батурин принял за формальное согласие со стороны этого князя и стал замышлять и затевать заговор, глупый и как нельзя более плохо слаженный, чтобы возвести великого князя на престол, заключить императрицу в монастырь и перерезать всех, кто, по его мнению, мог воспротивиться его планам. Я отношу рассказ о раскрытии этой истории на осень того года, когда я впервые о нем узнала, и расскажу также, как я это узнала, ибо до тех пор все это было мне неизвестно.

В начале августа Чоглоков окончательно рассорился с графом Бестужевым и, кажется, мы с великим князем положили тому первую основу, и вот каким образом. Я уже говорила, что после неприятного приключения с Кошелевой и гнева императрицы против Чоглокова последний сделался более сговорчив; история с запретом причастия на Страстной неделе была для него новым доказательством, что императрица сохранила против него долю злобы; он управлял своею женою с большим трудом, чем раньше, она сделалась немного менее покорна ему сравнительно с прежним. Все это уменьшало его пыл; с другой стороны, несколько раз великий князь, будучи навеселе, встречался с графом Бестужевым, всегда пьяным; великий князь жаловался ему на приемы и поступки Чоглокова, который был очень груб и всегда хмурился на него; граф Бестужев частью по болтливости, частью из-за пьянства, а может быть сюда входило и зерно лести, чтобы войти в силу и приобрести доверие великого князя, сказал ему: «Чоглоков грубиян, дурак и набит спесью, но предоставьте это мне, я его образумлю». Великий князь мне это рассказал; я ему заметила, что, если бы Чоглоков это узнал, он никогда бы этого не простил графу Бестужеву, и что он был бы удивлен, что человек, которого он считал своим другом, так дурно отзывается о нем. Великий князь вообразил, что он подкупит Чоглокова, если перескажет ему то, что граф Бестужев ему говорил, и что тогда он, великий князь, и станет другом Чоглокова и заменит в его глазах Бестужева, одним словом, что в будущем он будет им управлять, если он ему откроет фальшь притворной дружбы графа Бестужева. И вот мой великий князь заранее радуется в воображении прекрасным результатам, которые повлечет за собой открытие тайны, коей он был обладателем; он прежде всего поспешил уловить случай пересказать Чоглокову те различные разговоры, в которых шла речь о Чоглокове между графом Бестужевым и им, великим князем. Чоглоков глубоко был этим оскорблен и его самолюбию нанесен был удар прямо в сердце. Как-то в праздник граф Бестужев пригласил его обедать, как он имел обыкновение это делать; Чоглоков пошел к нему, но взвинченный против него до крайности. Граф Бестужев, после обеда и уже наполовину пьяный, захотел с ним поговорить, но нашел его чрезвычайно гордым и замкнутым; он, в свою очередь, рассердился, и разговор между ними стал страшно жарким. Чоглоков упрекнул графа Бестужева в речах, которые он держал великому князю, и в том, что дурного он об нем говорил; граф Бестужев со своей стороны стал укорять его в глупости, в его бестактном поведении в Вене, где, говорят,

он занимал императрицу-королеву разговорами исключительно о своей жене и детях, в истории с Кошелевой и напомнил ему, насколько Чоглоков был ему обязан тем, что он дал ему место, и о поддержке, которую он ему оказал во время этого последнего приключения. Чоглоков, по характеру человек наименее способный выслушивать правду о себе самом, рассердился окончательно и принял все это за оскорбления. Генерал Апраксин захотел их помирить, но Чоглоков стал от этого еще более упорен; он вообразил, что в нем нуждались и что с этой целью у него заискивали; он поклялся, что ноги его больше не будет в доме графа Бестужева, и сдержал слово, и никогда больше туда не возвращался; с этого дня Чоглоков стал заклятым врагом графа Бестужева, который никогда не мог его умилостивить. Шуваловы в то время начинали приобретать большое влияние на ум императрицы; причиной тому была ее новая привязанность к Ивану Ивановичу Шувалову; независимо от этой привязанности к их двоюродному брату, императрица всегда питала дружбу и доверие к Александру и Петру Шуваловым, которые с ее молодости состояли при ней, а Шувалова с детства была воспитана вместе с Ее Величеством и была одних с нею лет; ее игривый нрав забавлял императрицу, которая иногда не могла без нее обойтись; в расположении к ним императрицы были колебания вверх и вниз; в эту минуту их барометр подымался.

Они не любили графа Бестужева, который завязал близкие отношения с графом Разумовским, их противником; они старались отстранить от этих двух графов возможно больше народу, и так как они знали, что я не считала графа Бестужева в числе своих друзей, то вследствие этого они под рукой стали всячески ухаживать за мной, в особенности новый фаворит; он однако скрывал эти ухаживанья, словно убийство, из страха возбудить ревность императрицы, которой избегнуть было более чем трудно. Императрица в течение этого лета захотела увидеть Софьино, дворцовое именье, находившееся приблизительно в ста верстах от Москвы и местоположение которого очень хвалили. Шуваловы устроили так, что мы с великим князем приняли на сей раз участие в этой увеселительной поездке, которая таковою однако не оказалась, как я это расскажу. Там совсем не было дома, удобного для житья. Императрица велела поставить палатки и в них расположился весь двор. На другой день нашего приезда императрица и великий князь поехали на охоту, но так как императрица не брала меня никогда с собою на охоту, хотя она и знала, что я очень это люблю, то я осталась в своей комнате читать книгу и скучать.

Продолжение следует

ПРИМЕЧАНИЯ:

46. В год своего краткого правления Петр III Федорович намеревался ввести в России полную веротерпимость и равноправие церквей, что существенно ущемило бы интересы русской православной церкви. Неудивительно, что русское духовенство, возненавидевшее Петра III, радостно приветствовало переворот и восшествие на престол Екатерины Второй. Так, игумен Константин Борковский писал: «Коль же се не удобь носимое иго! коль несносное бремя! быть присяжному врагу подкомандными, быть злодею своему послушными, проливать христианскую кровь за иконоборца, за неистового церкви Христовой раздирателя». Охарактеризовав этими словами правление Петра III, он писал о Екатерине II, что она «и церковь Божию и любезное Отечество свое от свирепой бури, от грозного трясения, от жестокого поколебания удержала, защитила, освободила».

47. См. прим. 8.

48. См. прим. 23.

49. Приведенный рассказ Екатерины II свидетельствует о тех страхе и неуверенности в завтрашнем дне, в которых протекала жизнь наследника престола и его супруги. Хотя никаких иных реальных претендентов на престол, кроме них, не было, но как видно, Петр Федорович хорошо сознавал всю меру собственной непопулярности в России. Однако, вступив со временем на престол, он самонадеянно пренебрег этим обстоятельством, за что и поплатился.

50. Долгоруков, Михаил Владимирович (1667—1750). Службу начал стольником, затем комнатным стольником. С момента учреждения Сената (1711 г.) — в числе первых девяти сенаторов. По подозрению в подготовке побега царевича Алексея был сослан в деревню до 1721 года. В 1724 г. — губернатор Сибири. В 1729 г. член Верховного тайного совета. Могущественный клан Долгоруковых в этот момент обладал огромной властью. Д. принимал участие в выработке «кондиций» об ограничении власти императрицы Анны Иоанновны. По ее воцарению удален губернатором в Астрахань, затем в Казань. В 1731 г. сослан в Нарву, а в 1739 г. определен в пожизненное заточение на Соловки, откуда возвращен Елизаветой Петровной, вернувшей ему чины и звания.

51. Долгоруков-Крымский, Василий Михайлович (1722—1782). Генерал-аншеф, в последние годы жизни главнокомандующий в Москве. С тринадцати лет в военной службе. Участник штурма Перекопской крепости (1736), Очакова (1737), битвы при Хотине (1738), шведской войны (1740), где отличался доблестью. До воцарения Елизаветы Петровны был в опале и не имел перспектив в жизни как член клана Долгоруковых; впоследствии же сделал быструю карьеру. В ходе Семилетней войны получил чин генерал-поручика и орден св. Александра Невского. В 1762 г. произведен Екатериной Второй в генерал-аншефы, в 1767 г. пожалован орденом св. Андрея Первозванного. В 1771 г. под его началом осуществлено фактическое покорение Крыма, где Д. одержал ряд блестящих побед над татаро-турецкими войсками, подготовив окончательное завоевание полуострова. В 1775 г. пожалован шпагой с алмазами, алмазами к ордену св. Андрея Первозванного и титулом Крымского.

52. Екатерина Вторая всю жизнь панически боялась оспы. Поэтому ей пришлась по сердцу идея сопротивления, о которой она узнала, видимо, из переписки с Вольтером. Первые прививки оспы были произведены в Санкт-Петербурге уже в 1764 году докторами Бахерахтом и Келхеном. А в 1768 году Екатерина рискнула привить оспу себе и наследнику престола Павлу Петровичу, для чего из Лондона был приглашен знаменитый доктор Димсдейл. Процедура оспопрививания и весь ход процесса были обставлены как грандиозный спектакль: манифест к народу, молебны, речи церковных иерархов, приветствие сенаторов, ответная речь императрицы, праздник по случаю ее выздоровления с иллюминацией и парадным театральным действом, стихи видных поэтов. В честь события была выбита медаль. Все это очень способствовало распространению оспопрививания в России. В письме Екатерины русскому посланнику в Лондоне, Чернышеву, говорится: «Начиная от меня и сына моего нет знатного дому, в котором не было бы по несколько привитых». Благодаря указу, изданному императрицей, оспопрививание стало обыкновением и вообще среди населения России.

53. Разумовский, Кирилл Григорьевич (1728—1803). Последний гетман Малороссии, младший брат Алексея Григорьевича Р. (см. прим. 18). В детстве пас коров. В 1743 г. был отправлен братом, попавшим в фавор, для обучения в Германию и Францию, вернулся в 1745 г. и был сделан президентом Академии наук в 1746 г. В 1750 г. возведен в звание гетмана, затем переселился в г. Глухов, где вел жизнь независимую и роскошную. Правительство было вынуждено принять ряд мер, ограничивающих политическую власть гетмана. Несмотря на существенное участие Р. в перевороте 28 июня, Екатерина Вторая указом 1764 г. упразднила гетманство. Р. получил обширные земли и чин генерал-фельдмаршала. При нем был введен однообразный мундир и регулярный строй у казаков.

54. Батурин, Иосафат Андреевич (ум. 1771). Подпоручик ширванского пехотного полка. Представитель старинного рода, учился в Сухопутном кадетском корпусе, выпущен в 1740 г. в армию прапорщиком, вскоре «за непристойные, противные и неучтивые слова» против своего полковника и за ложное показание на него же «слова и дела» приговорен к смертной казни, замененной ссылкой в работы в Сибирь на три года. Оттуда он повторно заявил «слово и дело» на бывшего начальника и вновь не сумел подтвердить обвинение. По окончании ссылки — в солдатах, с 1749 г. уже подпоручик. Вновь арестован по доносу (см. «Записки»). С 1753 г. в Шлиссельбургской крепости в заточении. В 1768 г. сослан Екатериной Второй в Большерецкий острог (Камчатка) навечно, откуда бежал в 1771 г., но был убит на острове Формозе во время нападения шайки Беньовского на китайцев.

Примечания Александра **НИКИТИЧА**

МЕНЮ ЛИТЕРАТУРНЫХ ГЕРОЕВ

БЛАГОУХАНЬЕ ГВОЗДИКИ, ЦВЕТА КОРИЦЫ КОЖА...

Покинем на некоторое время старушку Европу, пересечем океан и продолжим наше литературно-кулинарное путешествие по земле Южной Америки.

Первая остановка — Бразилия. Полюбовавшись ослепляющими красками и огнями карнавала в Рио-де-Жанейро, сядем на маленький пароход компании «Ита» и отправимся вместе с Мундиньо Фалканом в край какао, штат Баия, в небольшой городок Ильеус, неподалеку от которого родился Жоржи Амаду и где живут его земляки — герои почти всех произведений писателя. В выходной день их можно встретить на базаре. «Воскресный базар представлял собою праздничное зрелище, шумное и живописное... Куски сушеного, вяленого и копченого мяса, свиньи, овцы, олени, различная дичь... В палатках подавали на жестяных тарелках сарапател, фейжоаду, мокеки из рыбы. А попозже, когда спадет жара, заглянем в бар «Везувий». В последнее время в нем много посетителей — ведь там хозяйничает Габриэла. «Сладости и закуски Габриэлы с первых дней прославились среди любителей аперитивов... Ее акараже, ее жаркое из рубленого мяса с крабами, залитое яйцами и завернутое в банановые листья, острые пирожки с мясом были воспеты в прозе и в стихах...»

А шиншин, приготовленный ее руками? А каруру? А эфо?

Стоп. Пора заняться переводческой деятельностью. Эти экзотические названия обозначают традиционные блюда бразильской кухни: акараже готовится из вареной фасоли, поджаренной в пальмовом масле, сарапател — из свиной и бараньей крови, печени, почек, легкого и сердца, фейжоада — блюдо из фасоли с салом, сушеным мясом и свиной колбасой, шиншин — из курицы с протертыми овощами, приправленной луком и чесноком. Для острого каруру потребуется одноименное растение, креветки и рыба, а эфо — это бразильское блюдо из креветок и трав, приправленное маслом пальмы дендэ. Узнав ингредиенты, понимаешь, почему мы так редко встречаемся с бразильской кухней в нашей повседневной жизни. Однако есть и более приемлемые варианты, например, печень по-бразильски:

Приготовьте маринад из сока одного лимона, 1 рюмки белого вина, натертой крупной луковицы, лаврового листа, зелени петрушки, черного перца (на кончике ножа) и $^{1}/_{2}$ чайной ложки соли. Печень (500 г) нарезать тонкими ломтиками и оставить на сутки в маринаде. Затем ломтики обжарить в горячем растительном масле, добавить маринад и жарить на небольшом огне 3—4 мин. Размять 2 банана и добавить в конце жаренья. Сбрызнуть лимонным соком и осторожно перемешать. Подавать горячим с рассыпчатым рисом.

У вас должно получиться довольно тонкое и не очень типичное для южноамериканской кухни блюдо. Впрочем, в этом нет ничего удивительного. Бразильскую кухню считают самой изысканной в Южной Америке. Возможно, это объясняется влиянием гугенотов из Франции, селившихся в окрестностях столицы.

В курином тимбале с ветчиной тоже есть небольшой французский акцент. Для приготовления тимбале возьмите 200 г вареного куриного мяса, 200 г вареной ветчины, 200 г соуса бешамель, 3—4 ст. ложки тертого сыра, соль, перец, $^{1}/_{3}$ чайной ложки тертой лимонной цедры. Куриное мясо и ветчину пропустите через мясорубку, посолите, поперчите, добавьте соус и цедру. Огнеупорную посуду смажьте жиром и равномерно распределите полученную массу. Посыпьте тертым сыром и поставьте запекать в умеренно разогретую духовку на 30 мин. Готовое тимбале осторожно отделите от краев посуды, переложите на блюдо и подайте с картофельным пюре и томатным соусом.

Однако мы совсем забыли про Габриэлу. Где же она? Почему в «Везувии» так мало посетителей? Почему Насиб такой грустный? «Никогда ему не понравится пища, приготовленная и приправленная другими руками». Не нравится она и его друзьям: «Жоан Фунженсио пожевал пирожок и выплюнул:

— Невкусно, Насиб. Вам бы надо знать, что кулинария — это искусство. Она требует не только знаний, но прежде всего призвания...» Насиб понял опытного повара. Тот неплохо готовил блюда европейской кухни... «...но разве можно сравнить эту кухню с местными блюдами, остро приправленными, пахучими, вкусными? Как сравнить ее с кушаньями, приготовленными Габриэлой ...кушанья Габриэлы из креветок и пальмового масла, рыбы и кокосового сока, мяса и перца была настоящей поэмой». А сладости, которые ей заказывали для самых торжественных событий? Даже те, что дорого продавались с аукциона, приготовленные милыми руками сеньориты Ирасемы, не шли ни в какое сравнение с тортес и павес Габриэлы.

Для приготовления шоколадного паве возьмите 500 г бисквитных сухариков, 5 ст. ложек какао, 200 г сахара, 1 желток, 2 ст. ложки масла, 1 рюмку рома или вермута.

Какао залить $^{1}/_{2}$ стакана кипятка, добавить сахар, желток и сливочное масло. Растереть до получения светловатого крема. Сухарики обмакнуть в ром и разложить на листе пергаментной бумаги, смазать кремом, сверху положить второй слой, и т. д., смазывая кремом каждый слой, кроме последнего. На промазку слоев у вас должно уйти $^{4}/_{5}$ приготовленного крема. Поставьте в холодильник, чтобы масса застыла. Перед подачей на стол покрыть оставшимся кремом.

А вот десерт попроще — всесезонный в Бразилии, но, увы, краткосезонный у нас: взять 4 банана, 1 ст. ложку какао, $^{1}/_{2}$ стакана сахара, орехи. Сахар и какао смешать, бананы почистить и обвалять в какао с сахаром. Посыпать орехами. Сверху можно покрыть взбитыми сливками или мороженым.

Так пусть Габриэла вернется! Пусть после ночи любви приникнет головой к груди Насиба, пусть ее губы улыбнутся ему и прошепчут: «Красавчик...» А потом она подаст ему завтрак, состоящий из блюд, которым нет названья, но которые может приготовить только любимая и любящая женщина.

С. СМЕЛЯНСКИЙ

